

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир КЕЛЬТ

СИНДРОМ ЗАЩИТНИКА

Слабым здесь нет места

Владимир Кельт
Синдром защитника
Серия «Zeus», книга 1
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48419488

Синдром защитника: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118817-7

Аннотация

Мир Андромеды неидеален. В нем люди становятся монстрами, а монстры – людьми. В тайных лабораториях ученые проводят эксперименты, создавая химер. В далеких уголках галактики враги изобретают биологическое оружие нового поколения. Человечеству грозит порабощение, и есть лишь один путь к спасению – найти защитника. Кто им станет?

Солдат, Политик, Ведьма, Инопланетное существо-эмпат и Одержимый встретятся на узкой тропе, чтобы остановить войну. Враги беспощадны, а друзья ненадежны. Слабым здесь нет места, а сильные сделают все ради победы. Вот только победа – кровавая богиня, и каждому придется уплатить свою цену.

Содержание

Пролог	5
Часть I. Вербовка в покойники	18
Глава 1. Сумерки в раю	18
Глава 2. Ех machina	65
Глава 3. ЗЕВС	74
Глава 4. Неверный алгоритм	102
Глава 5. Побег от реальности	128
Глава 6. Гори, ведьма, гори!	148
Глава 7. Паранойя	178
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Владимир Кельт

Синдром защитника

© Владимир Кельт, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Мы могли бы дать миру панацею, но предпочитаем создавать чудовищ, ибо они и есть то самое лекарство, способное избавить человечество от недугов, мешающих эволюции.

Из дневника Дж. Р. Колмана

Пролог

Орбита планеты Кавир, космическая зона Объединенной Системы Планет

Двигатель штурмовика натужно ревел, выбрасывая синие хвосты из турбин. Время шло на секунды, и чем ближе цель, тем ближе смертельная аномалия. Перегрузка вжимала в кресло, отчего Рэйну казалось, будто внутренности превратились в фарш. За сотни вылетов привык, но сегодня энергетические всплески зашкаливали. Всем телом он ощущал дребезжание обшивки, еще немного и машина не выдержит – разлетится к чертям.

Сбросив скорость, Рэйн глянул на дисплей. Несущиеся позади штурмовики последовали примеру: стальные «птицы» зашли на маневр, постепенно гася ускорение. Теперь две группы, по пять машин каждая, застыли среди звезд в ожидании приказа.

С орбиты планета казалась красной. Местами полыхали оранжевые пятна с черными прожилками, словно гигантский вулкан изверг килотонны магмы на поверхность, утопив в раскаленной жиже ландшафт. Рэйн всякое повидал. Он помнил сотни звезд, знал о десятках миров, но подобный пейзаж нигде не встретить – это Кавир. Планета дикая, почти не освоенная, зато богатая ископаемыми – что ни сантиметр, то несметная прибыль.

Только Кавир гостей не жалует. Аномалия стратосферы сродни древнему заклятию, которое ни снять, ни обойти; можно лишь проскочить через брешь, приняв долю излучения. Но стоит ошибиться, как пилота перемелет в труху, а штурмовик вышвырнет обратно в холодный космос. Машина будет дрейфовать в черноте, пока командование не пришлет каравеллу с группой техников, и те не подберут «птицу». Проверят системы, соскребут кровавый фарш с панели управления и отправят штурмовик в ангар.

В наушнике затрещало. В тот же миг Рэйн ощутил покалывание в затылке, там, где крепился передатчик нейросети. Мысленно подтвердив запрос связи, он стал ждать указаний. Перед глазами всплыла зеленая строка: *«Фантом, цель уничтожить. Координаты в системе»*. Следом понесся надоедливый хоровод букв: *«Победа любой ценой. Победа любой ценой... победа... победа... цена...»*. Рэйн ухмыльнулся, послав подальше гадский девиз. До победы крылом подать, осталось лишь сунуться в брешь и выстоять, а цена давным-давно уплачена. Война отобрала все, даже имя. Теперь он – Фантом.

Щелкнул передатчик:

– Фантом, диагностику провели. Норма, – доложил Пёс.

На дисплее в верхнем правом углу появилось изображение камрада в черном гермошлеме. Гофрированные трубки системы тянулись к его приборной панели, оттуда выныривали и впивались в скафандр. На груди пылал орел, парящий

над голубой планетой. Странно, каждый раз как Рэйн смотрел на эмблему ВКС, вместо орла-защитника видел зеленую строку: «Победа любой ценой». Она появлялась где-то на периферии сознания, а не перед глазами.

Рэйн вызвал командира второй группы:

– Идол, доложите.

– Порядок, к переходу через брешь готовы.

– Уводи свою группу на восьмой меридиан, – приказал Рэйн. – Сто двадцать секунд. Там намечается первая брешь. Пёс, давай за мной.

По команде штурмовики рванули к планете. Десять стальных птиц неслись на тяге преобразователей навстречу неизвестности. Сколько из них вернется на базу? Этого Рэйн не знал. В последнем рейде он потерял двоих пилотов, а сегодня госпожа Удача и вовсе сделала ручкой – соваться на Кавир, когда аномалия бушует в полную силу... Самоубийство.

Впереди появилась яркая синяя воронка бреша. Глядя на трещащие внутри электрические разряды, Рэйн буквально ощущал ледяное дыхание аномалии. Теперь есть лишь несколько секунд, прежде чем брешь захлопнется.

Двигатель на полную. Форсаж. Штурмовик повело, еще немного и в штопор закрутит. С трудом Рэйн выровнял машину и направил к воронке. На дисплее истерично замигало сообщение:

Ослаблена тяга левой турбины.

Второй двигатель неактивен, разгерметизация преобра-

зовывающего клапана.

Вероятность критических повреждений 92 %.

Проигнорировав предупреждение, Рэйн продолжал выжимать максимум.

– Ну же, давай... Работай, чтоб тебя! Дай скорость!

Пространство будто сжалось до крохотной точки. Дышать стало так тяжело, что легкие готовы были разорваться, но Рэйн по-прежнему уводил штурмовик в глубь бреши. Струйка крови потекла из носа и застыла на губах. Яркая вспышка ударила по глазам. До боли, до зубного скрежета.

Рэйн уже приготовился к худшему. Но тут с ревом заработал второй двигатель, после чего скорость превратила реальность в одну блестящую полосу.

В бреши время играло не по правилам: то сжималось, то растягивалось, превращая полет в вечность. Сейчас на переход ушло не больше трех секунд, и штурмовики выбросило в атмосферу планеты.

Скорость пришлось сбросить, чтобы ненароком не попасть в сгустки аномалии, которые притянуло следом из стратосферы. На мгновение Рэйн позволит себе расслабиться и даже полюбоваться открывшимся видом. За стеклом мелькали плотные коричневые облака, диск далекого солнца сейчас казался ржавой монетой в грязно-кирпичном небе. Система по-прежнему выводила сообщение о повреждениях: отказали датчики, камеры не работали, а вместо привычной дополнительной реальности, Рэйн наблюдал кабину

штурмовика.

Он включил передатчик:

– Пёс, Идол, доложите обстановку.

В ответ эфир выдал монотонное шипение. Рэйн повторил запрос – ничего. Неужели не прошли?

– Фантом, – отозвался Идол, – в группе потери, нас осталось двое. Системы определения цели вышли из строя. У меня даже зум накрылся. Теперь мы как слепые котятка.

– Ориентир по данным с Базы. Связь стабильна, они наведут на цель, – ответил Рэйн и снова вызвал Пса.

В передатчике щелкнуло:

– У нас потери. Две «птицы» разнесло на куски. Система молчит.

Пятеро из десяти... Будь проклята эта мерзкая планета! Сейчас бы посочувствовать, сказать что-то воодушевляющее, но на ум Рэйну ничего не шло. Все, на что его хватило, это отдать приказ:

– Снижаемся и движемся к заданному квадранту. Покажем этим засранцам, что наши ребята погибли не зря.

– Принято.

Штурмовики понеслись вниз. Летели над красными потрескавшимися скалами, над иссушенной ветрами долиной, над побелевшими от зноя полями. Где-то громыхнуло, ураганный ветер поднял облака красной пыли. Рэйн всматривался в неровные линии на дисплее, пытаясь понять, что спрятано за пыльной завесой. «Видел эти очертания, точно

видел. Не та локация, похоже на Разлом-13, а там наши. Данные с Базы – ошибка?» Стоило засомневаться, как перед глазами всплыл очередной сигнал: «*Фантом, вы на месте. Уничтожить цель*». За приказом потянулись клятые импульсы нейрорепердатчика: «*Сомнение – слабость защитника. Победа любой ценой*». Рэйн положил палец на кнопку гашетки и отдал приказ группе.

Крыло штурмовика со свистом рассекает воздух. На визоре гермошлема данные со сканеров и голограмма прицела.

Прицел. Кнопка. Ракеты МК-11 вырывались на волю. Гроыхнул взрыв. Взметнулись огненные столбы, разворотив скалы. Прицел. Кнопка. Долина оцетинилась пламенем, пляшущим, как демон на адской жаровне. Следующий залп располосовал каньон ударной волной.

Прошло чуть больше минуты, и штурмовики устремились в стратосферу, оставив белый след в багряном небе да выжженную землю.

База ВКС на спутнике Кавира Рэд-2

Минуты сливались в часы, часы становились днями – скоротечными, мерзкими днями Кавира. Они летели один за другим, и Рэйн не знал, сколько отщелкал календарь. Плевать. Обычно, когда возвращался с задания, просыпалась неудержимая жажда жизни. В этот раз ни черта не проснулось, на душе было гадко до одури.

Тесная комнатуха, одна из тысяч в казарме, слабо по-

блескивала стальными стенами. Одинокaя лампа роняла свет на пыльный железный стол, на такой же пыльный планшет из которого появлялись проекции. Мелькали какие-то цветные картинкИ, бубнили голоса – не то новости, не то очередная реклама. Рэйн не обращал внимания. Он сидел на выдвИжной кушетке и крутил в руке стакан со второсортным виски.

В Разломе-13 погибли бойцы первого корпуса. Подробности командование засекретило, доступ к файлам закрыли так быстро, что моргнуть никто не успел. А спустя сутки по всем офицерским хэндкомам гуляла официальная версия: «Не смогли выйти из окружения, аномалия Кавира препятствовала проведению спасательной операции. Первый корпус уничтожили силы повстанцев». А о правде ни слова. Но он-то знал, чьи ракеты сравняли Разлом-13 с землей. Кто отдал приказ – тоже знал.

Погрузившись в мрачные мысли, Рэйн иступленно смотрел на стакан, на дне которого мутной кляксой собрался остаток горького напитка. Вчера он отключил нейропередатчик, хотел просто выдрать, оставив дыру в затылке, но Бобби не дал. Залил в рот спирта, плеснул на затылок и ковырнул скальпелем. Потом наложил повязку и сказал, что большим помочь не сможет, но и этого было достаточно – втягивать друзей в опасное дело Рэйн не хотел.

Рана сочилась и кровоточила, кусок нейропереходника прощупывался под кожей, если надавить пальцами, зато ни-

какого надоедливого писка в голове, никаких приказов. Сейчас увольнительная, но вскоре придется явиться в штаб, и что тогда? Они поймут, что он больше не подчиняется. Возможно, уже поняли.

В стакан плюхнула блеклая жидкость, после чего бутылка отправилась под кровать к своим опустевшим близняшкам. Рэйн глотнул виски, стараясь привести мысли в порядок. Да, его группа была в Разломе-13, а кто месяц назад побывал в квадранте госпиталя? Что, если смерть Лары не трагическая случайность... Кто? Кто твой убийца, Лара?

Эта затянувшаяся война давно казалась бессмысленной, а теперь и вовсе неправильной. Только сделать ничего нельзя. Один взбунтовавшийся винтик выведет из строя еще несколько, но их место тут же займут другие. Громоздкая неповоротливая машина войны будет работать, продолжая жрать топливо: мечты и жизни простых солдат.

Глухой стук вывел из оцепенения – кто-то уверенно тарабанил в двери. Сунув стакан под кровать, Рэйн открыл. Запыхавшийся солдат отдал честь и затарахтел скороговоркой:

– Капитан Аллерт, вас вызывают в штаб. Приказ полковника Викро.

– Хм... а нейросеть уже отменили?

– Не могу знать, капитан, – потупил взгляд парень.

– Понял. Свободен.

Боец шустро скрылся в темном коридоре. Рэйн покосился на висящую в углу черную форму ВКС с орлом-защитником

на груди. Решение принято.

* * *

Дверь кабинета со скрипом распахнулась. Полковник Викро оторвался от просмотра статистики и глянул на прибывшего. На пороге стоял Рэйн Аллерт – капитан третьего штурмового подразделения ВКС. Высокий, широкоплечий, в идеально выглаженной форме. На левой скуле одна из меток войны – косой шрам, который сейчас почти затерялся в трехдневной щетине. О таких обычно говорят: породистый цербер, хотя подобрали его бездомным грязным щенком, что лишь на руку. Викро всегда держал за правило: из отбросов выходят идеальные бойцы, потому как цель у них одна – доказать, что чего-то стоят. Рэйн Аллерт не исключение. Хороший послужной список, отменные боевые навыки, острый ум и амбиции наличествовали.

– По вашему указанию прибыл, – отрапортовал Аллерт без должного запала. Стоило ему открыть рот, как полковник тут же почувал перегар.

Смерив капитана недовольным взглядом, Викро решил, что стоит промолчать, Фантому можно простить неуставной вид. Гибель жены подкосила, да и последнее задание оказалось не из легких. После частых переходов сквозь аномалию у бойцов крыша едет, а этого черти не берут. Тесты сдал, симуляцию прошел и сразу в увольнительную. Психологи толь-

ко руками разводили, мол, кроме легких параноидальных наклонностей ничего, даже в стресс-капсуле всего час провёл.

– Почему нейроредатчик не работает? – спросил Викро, пристально взглядываясь в небритую физиономию.

– Должно быть, сбой, – ответил Аллерт.

– Сбой, говоришь? Возможно. Проходи, капитан.

Капитан не шелохнулся. Стоял, словно окаменевший, шаря по кабинету безразличным взглядом. В контрасте с черными волосами ярко-голубые глаза казались ледяными, превращая его в призрак – не зря Фантомом прозвали. Представив, сколько раз он проходил сквозь аномалию, и что с ним сделали энергетические всплески, Викро почувствовал себя неудобно. Даже китель будто стал на размер меньше, того и гляди воротник придушит.

Отогнав неприятное ощущение, Викро полез в ящик стола за серебристой коробочкой.

– Капитан Аллерт, – начал он, придав голосу торжественности, – от имени Флота ВКС, вы награждены медалью за проявленную отвагу. Благодаря таким бойцам – профессионалам своего дела – удалось сделать шаг к победе. С гордостью вручаю эту награду.

Аллерт скептически хмыкнул. Поняв нелепость ситуации, Викро недовольно засопел и сменил тон на дружеский:

– Победа любой ценой. Аллерт, ты же понимаешь, что подразделения в Разломе-13 были обречены. Противник на-

ступал, в той каше нельзя было разделить «своих» и «чужих». Каждая минута на счету. К тому времени как появилась бы следующая брешь и высадился десант, повстанцы уже взяли бы под контроль треть территории, а эта операция качнула маятник в нашу сторону. Война за Кавир скоро закончится.

Викро раскрыл серебристую коробочку. На синем бархате сверкала звезда с надписью: «*Щит Андромеды. За Отвагу*». Подойдя к столу, Фантом равнодушно глянул на медаль.

– Защитник превратился в палача и получает награду. Со-мнительное достижение. Наши ребята по ночам не снятся, полковник?

– Да что ты заладил: наши, наши... Не нагнетай. Сплю как младенец и тебе советую, а то придется с мозгоправами дело иметь, – напомнил Викро.

– Почему не дали им шанса? Можно было организовать прикрытие с воздуха и вывести из Разлома, но вместо этого мы устроили кровавую баню. Черт подери, я был там и знаю об упущенной возможности.

Откинувшись в кресле, Викро поправил ворот кителя. На лбу проступили бусины пота, словно в кабинет ворвалась духота пустыни. Аллерт далеко не глуп, давно понял, что да-ла эта операция на самом деле. А теперь вздумал о героиз-ме поговорить. Торгуется? Тяжело удержаться, когда гиль-дии вкладывают деньги в эту войну, шальные мысли они ведь сразу в голове рождаются, всегда заодно с амбициями.

– Аллерт, задавать такие вопросы неуместно. Твое дело малое – выполняй приказы и служи на благо ОСП, а думать без тебя есть кому. Если будешь все делать правильно, то сможешь многого добиться, – Викро сделал паузу, дожидаясь пока до капитана дойдет намек. – В адмиралтействе давно присматриваются к Фантому Кавира, и я могу помочь. Замошлю словечко где надо... К звездам на погонах орла получишь, а там и до высшей лиги недалеко. Зачем создавать проблемы?

– Решил купить? Сам сгнил, продавшись гильдии, и меня туда же? Интересно, во сколько ты оценил жизни наших ребят?

– Да что ты мелешь?! О субординации забыл?! Совсем обезумел?! – вспылил Викро.

Аллерт промолчал. Во взгляде не было и намека на безумие, было нечто другое: так хищник смотрит на жертву. Викро ощутил, как сжались внутренности, а левый глаз дернуло. Инстинкт самосохранения оказался сильнее Устава, и он медленно потянулся к ящику стола за пистолетом. Если только дернется... Ублюдок безоружен, не успеет, – думал Викро, аккуратно снимая предохранитель. Сжал пистолет под столом и приказал:

– Фантом, на гауптвахту. Трое суток.

Аллерт усмехнулся, злобная вышла ухмылка. Полковник повторил приказ в нейросети, но передатчик Фантома по-прежнему не реагировал. Викро поднялся с кресла.

– Значит, сбой в сети? – насмешливо спросил он.

– Значит, все-таки взятка?

– Да как только...

Полковник не успел договорить. Аллерт схватил его за грудки и дернул, едва не протянув по столу. Но ощутив дуло под ребром, медленно убрал руки. Викро положил палец на спусковой крючок.

– Я мог бы тебя пристрелить, как поганого пса, которым ты всегда был, которым и останешься, – прошипел он, – но сегодня горазд на щедрость. Спустили пар и хватит. Горе затмило рассудок, вот и несешь всякий бред. Десять суток гауптвахты и тест нейроредатчика, потом к мозгоправу пойдешь. А медаль твоя по праву, забирай. Теперь свободен.

– Так понимаю, выбор у меня невелик. Если начну трепаться, то на тестировании мозги «случайно» сварятся. Как у Диккенса и Кори, да?

– Ты ничего не докажешь, – огрызнулся Викро.

– Доказательства не нужны, судить тебя будет не Трибунал. А эту дрянь себе оставь, вместе с благими целями, – холодно ответил Фантом и направился к выходу.

– Аллерт! – выкрикнул Викро. – Приказываю остаться и принести извинения старшему офицеру!

Но вместо извинений услышал небрежное: «Да пошел ты...» и стук закрывшейся двери. Не медля ни секунды, Викро связался с КПП. Рэйн Аллерт не должен покинуть штаб.

Часть I. Вербовка в покойники

Глава 1. Сумерки в раю

Пять лет спустя. Тюрьма «Бастион», окраина мегаполиса Терра-Сити, планета Терра-Нова, ОСП

Слушание затягивалось. Наручники давили запястья, под браслетами саднило. Рэйн попытался покрутить стальную дрянь, но лучше не стало, скорее наоборот. Этот урод, надзиратель Тимманс, специально застегнул посильнее в надежде отыгаться. Рэйн всячески его изводил, превращая каждую смену в ад, за что и поплатился сегодня утром. Разукрасили надзиратели недурно. Тело ныло от побоев, под глазом красовался синяк, а челюсть распухла. Даже старый шрам на скуле – и тот пульсировал. Зато тюремную робу выдали новехонькую, едко-оранжевый комбинезон еще хранил запах заплесневелого склада, на котором его откопали для такого важного случая, как визит в Зал Правосудия.

Каким будет приговор – Рэйн давно понял, и сейчас догадки лишь окрепли. Достаточно глянуть в сторону обвинения: старший следователь СГБ Ной Чавес с видом триумфатора просматривает список инкриминированных статей. Торжествующая ухмылка и не думает сползать с эсгэбэшной физиономии – того и гляди разорвет от самодовольства. Рэйн

послал Чавесу едкий взгляд, следовательно пренебрежительно усмехнулся и снова уставился на прозрачный дисплей.

Со следователем сложились особые отношения, куда более «трепетные», нежели с тюремщиками. Как одержимый, Ной Чавес мотался по галактике, пытаясь взять след опасного преступника. Стоит отдать должное. Он долго искал: складывал по кусочкам мелкие факты, соединял тонкие ниточки, ведущие к цели. А цель у Чавеса была одна – Рэйн Аллерт. Сам же Рэйн знать не знал, что столь популярен, и, не особо стараясь, почти год ловко уходил от погони. Так продолжалось до тех пор, пока за его голову не назначили крупную сумму. И тогда случилось то, что случилось. Это был его последний день в качестве капитана «Черной Бэтси».

– Подсудимый, вам есть что добавить к изложенным фактам? – спросил судья, не отрывая взгляда по-старчески мутных и слезящихся глаз от проекции дисплея.

Рэйн поднялся со скамьи, кандалы тут же дернули щиколотку. Цепь лязгнула, пронзительное эхо заметалось под высоким потолком, что в полупустом зале можно приравнять к раскату грома. Следователь нахмурился, а судья продолжал равнодушно разглядывать бегущие строки.

Рэйн прочистил горло.

– Нет, Ваша честь. Добавить больше нечего.

– У защиты есть что добавить к фактам? – снова спросил судья, так и не глянув в его сторону.

– Моя позиция неизменна. Вернее, позиция защиты неиз-

менна, Ваша честь, – Рэйн сел, в очередной раз пожалев, что отказался от адвоката. С Чавесом и его стопкой улик размером с Дита-Тауэр бороться бессмысленно, но адвокат мог хотя бы судью растормошить.

– Суд объявляет перерыв для принятия решения, – про-басил механический голос откуда-то из динамика.

Судья встал и важно прошагал в кабинет, шурша черной мантией. Рэйн проводил его недовольным взглядом. Сегодня последнее слушание из пяти, карты брошены на стол рубашкой вниз и остается лишь ждать. Как назло, время тянулось.

Своей вины перед законом Рэйн не признавал. Да, убийца и наемник. Но разве можно судить за то, что избавлял галактику от разного рода ублюдков? Заказы он отбирал тщательно: маньяки, педофилы, перебежчики и прочая нечисть. Все как на подбор красовались в эсгэбэшных сводках. Если бы охота за головами была легальным бизнесом... Черт! Да он готов платить налоги! Пиратство и контрабанда – тема отдельная. Здесь он против ничего не имел и был согласен лет на шесть-девять строгого режима.

Раздался гудок. В зал вошел судья в компании двух надзирателей. Завидев сопровождающих, Рэйн нахмурился. Двое с автоматами стояли у клетки, двое у входа, а еще Чавес со своим пистолетом. Куда уж больше? Хотя в «Бастионе» по-другому и быть не может, вернее, с ним по-другому попросту нельзя.

Судья встал у трибуны, поправил напудренный белый па-

рик и монотонно затянул:

– Рэйн Аллерт – ренегат, дезертир, пират и убийца. Согласно статье 13 Догмата Справедливости, первой поправки Директивы космических полетов, статьи...

Скрипучий голос зачитывал внушительный список. Рэйн слышал, но не слушал. Все было решено в момент, когда его предал старпом, а Чавес защелкнул наручники на запястьях.

Наконец судья добрался до главного:

– Именем Закона, вы приговорены к смертной казни, за совершенные преступления против Объединенной Системы Планет. Приговор будет приведен в исполнение сегодня, 13 апреля 1059 года Эры Андромеды, в 17:00 по местному времени.

Рэйн шумно вздохнул и закрыл глаза. Несмотря на то, что все это время удавалось сохранять ледяное спокойствие, где-то глубоко внутри тлели угли надежды, ведь все могло измениться в последний момент.

Ничего не изменилось.

Часы на стене тюремной камеры показали 16:50. Решетка с натугой отъехала в сторону, издав скрип. В камеру вальяжно вошли надзиратели – троица, которая утром норовила ребра сломать.

– Аллерт, на выход, – скомандовал Тимманс, сверкнув оскалом кривых зубов.

Бросив взгляд на стальные стены, в которых провел последние три месяца, Рэйн вышел. Шагая по мрачному коридору,

дору, он затылком чувствовал глядящее в спину дуло автомата.

Его ввели в маленькое помещение. Выкрашенные серой краской стены, такой же пол и потолок. Больше ничего. Из мебели лишь кушетка в центре комнаты. Теперь ясно, как выглядит знаменитая «убойная» тюрьмы «Бастион». Стерильность и одиночество – все, что можно получить от системы, кроме последнего глотка воздуха и собственных мыслей.

Загремела массивная дверь, впустив седого коротышку доктора с маленьким белым кейсом в холеных руках. Тимманс, наконец, снял треклятые наручники и взглядом указал на кушетку, после чего с силой пихнул дулом автомата в спину. Рэйн лег. Тут же на руках, ногах и шее защелкнулись кандалы. Он закрыл глаза. Единственное, по чему скучал в тюрьме – это свобода, которую способно подарить космическое пространство. Манящая темнота... Холодная, дерзкая бесконечность. Только на капитанском мостике можно стать свободным по-настоящему. Прокладываешь маршрут, ставишь чекпоинт, и пространство поддается под натиском преобразователя, а звездная карта больше не кажется чем-то мертвым, она оживает. Миллионы звезд, систем и скоплений. Только выбери! И тогда ни время, ни расстояние не остановят свободное сердце, не остановят мечту.

А что теперь? А теперь клетка и «убойная». Он свое отлетал. Рэйн всегда считал, что получит пулю в лоб, а тут – ти-

хая, спокойная смерть. Шикарный подарок для человека, заслужившего особенный котел в Аду, такой, чтобы крышкой герметично закрывался. Мысль развеселила, и Рэйн улыбнулся.

– Чего ржешь, Аллерт? Все еще смешно? Твой черед наступил. Тик-так, тик-так... – Тимманс ухмыльнулся, злобно прищурившись. – Слышишь тишину? Это по тебе никто не плачет. А я с радостью понаблюдаю, как ты подыхаешь, даже в «Вердане» на сегодня столик заказал.

Рэйн ничего не ответил, плевать, что там бормочет Тимманс. Еще есть несколько минут в запасе. Несколько минут, чтобы вспомнить, несколько минут, чтобы понять.

Время тянулось, рисовало бесконечность и выстраивало девять кругов личной преисподней. Прошлого не вернуть, покойников не воскресить.

На часах 17:00.

Перед глазами возникло лицо Лары. «Ни дня не прошло, чтобы не думал о тебе. Прости, если сможешь. Я сделал все, чтобы искупить, но многого не успел. Я бы все отдал за второй шанс...»

Рэйн не успел закончить мысль. Голова начала кружиться – смертельная доза фастона сделала свое дело. Он погрузился во тьму.

Станция-мегаполис Парадиз, орбита планеты Терра-Нова, ОСП

В администрации Совета Андре Балатье был столь частым гостем, что с закрытыми глазами мог бы сделать чертеж шестидесяти уровней этого здания. К политике он не имел отношения, предпочитал держаться в тени и служить на благо ОСП в арьергарде. Однако иногда распоряжения советника требовали вмешательства в ту или иную сферу, и тогда он дергал за ниточки своих марионеток, поднимал агентов и старые связи.

В приемной советника всегда пахло кофе, даже если настежь открыть окно, аромат никуда не денется. Он буквально пропитал каждый сантиметр казенных стен: белый мягкий диван, уютные кресла и стеклянный стол с голографом, а смазливая секретарша и вовсе стала заложницей горького напитка.

Поставив чашку на подлокотник, Андре поудобнее уместился в кресле. Ожидание затягивалось. Сообщение: «Срочно явиться» он получил час назад, приехал почти сразу же, а дверь в кабинет советника по-прежнему закрыта. Клятое «срочно» ничего хорошего не предвещало, могло случиться что угодно: от очередной вспышки сепаратизма на Кавире до нарушения Иными космических границ ОСП.

За панорамным окном раскинулся вечерний Парадиз. С высоты 58-го уровня открывался восхитительный вид на мегаполис, которым Андре мог любоваться часами. Закат плавно опускался на станцию. Лиловые солнечные лучи разрезали голографические облака, отражаясь огненными блика-

ми от зеркальных боков небоскребов. Светились рекламные проекции, далеко внизу мелькали аэрокары. Если бы вечность существовала в физическом проявлении, то Парадиз стал бы ее воплощением. Лоск, роскошь и сила – визитная карточка мегаполиса. Даже деньги здесь не имели значения – слишком много их у местных обитателей.

Лилово-багряные лучи поблекли, купол станции потемнел и за шпилями небоскребов отчетливо проступил контур Терра-Нова – центральной планеты ОСП. Парадиз лишь маленькое дополнение, зависшее на ее орбите, но именно здесь находились два столпа власти: резиденция советника и Пантеон Ордена Святой инквизиции.

– Господин Балатье, еще кофе? – ярко покрашенные губы Бетани растянулись в улыбке, тщательно подготовленной для подобных случаев.

– Спасибо. Я с этим пока не управился, – бросил Андре и снова отвернулся к окну.

Пантеон зажег огни, напоминая, что даже во мраке Творец несет Свет. Исполинское здание с двумя острыми башнями просматривалось из любой точки мегаполиса. Сложенное из белого камня, оно ярким пятном выделялось на фоне стали и зеркал, а ночью и вовсе горело не хуже сверхновой. К религии Андре относился по-особенному. Нет, к верующим себя не причислял, к отступникам тоже, да и атеиста из такого не выйдет – слишком многое повидал. Для него религия была одним из рычагов, способом достичь цели, не боль-

ше. Что до Ордена, то Андре умело скрывал раздражение. Святоши, магистры, инквизиторы... Грехов за ними водилось столько, что не хватило бы никакого пекла. Но в одном служители были безупречны: Орден успешно выполнял роль щита между обществом и миром парапсихологии. Без него правительству не сдержать эспиритуалов. Люди с паранормальными способностями – такая же угроза, как пандемия вируса Снайпса, тотальный дефицит энергоресурсов или локальные войны. Благо имелось оружие. Конечно, инквизиторы порой заигрывались, кося паранормальных налево и направо, но так было выгодно.

Из задумчивости вывел певучий голос секретаря:

– Советник Колман готов вас принять.

– Спасибо, Бетани.

Советник стоял у панорамного окна. Высокий силуэт выделялся на фоне ярких огней города, напоминая статую одного из королей в Парке Прошлого.

– Андре, не топчись в дверях, – обронил Колман и кивнул на кресло.

Андре ухватил кресло за спинку, под пальцами скрипнула мягкая кожа.

– Совещание с представителями гильдий было довольно напряженным, и сколько бы я ни щелкал их по носу, все равно будут стоять на своем, – в голосе советника сквозила ирония. – И знаешь что? Эти упыри продолжают рвать Кавир на части. Война все еще идет, только теперь на бумаге и в

кабинетах.

Советник подошел к бару, спрятанному за створкой шкафа. Одно прикосновение – и появился маленький столик с графином виски. Он разлил напиток в стаканы. Ровно на два пальца, потому как считал, что вкус легко испортить количеством. Льда не положил. Разбавлять пятидесятилетний «Дарель Кол» ледышками – кощунство.

– Как продвигаются дела в лаборатории? – Колман протянул стакан, и Андре аккуратно поставил его на край стола.

– Отчеты получаю по два раза на день. Фантом практически готов: показатели в норме, апгрейды установлены. Думаю, активацию можно начать в ближайшее время.

Колман хмыкнул.

– Время? Время – то, чего у нас как раз не хватает. Гильдии ненасытны. Кавир частично принадлежит им, лишь потому, что у меня связаны руки. Законы, общественность... А ты предлагаешь ждать, когда можно решить проблему в ближайшем «завтра».

– Вообще нет. Просто... – Андре осекся, поймав на себе испепеляющий взгляд.

Покрутив в руке стакан, Колман глотнул виски. Опустевшая стекляшка звякнула при встрече со столешницей. В жестах советника сквозила усталость, но Андре знал, что это лишь видимость, он не упустит ни единого слова, полутона или намека.

– Мне нужен этот проект как можно скорее, – сказал Кол-

ман. – И проблема вовсе не в Кавире. Ты видел последнюю сводку Разведывательного управления? – получив в ответ кивок, он продолжил: – Андре, ситуация близка к тонкой красной линии, а перешагнуть ее не составит труда, достаточно одного неверного слова или провокации. Иные зовут себя Старшими расами, на каждом заседании Совета вопят о своей исключительности и мудрости, а на деле готовятся к войне. Пороховые бочки уже свалены в кучу, нужна лишь искра. И я не хочу, чтобы человечество сгорело в этом огне, пускай сами полыхают, а мы понаблюдаем и добьем уцелевших.

– Вайтери не допустят войны, – возразил Андре, что-то, а как готовятся разведкой сводки, он прекрасно знал. – Вам ведь уже известно, кто займет пост советника синекожих?

– Да. Вайтери никогда не отступают от традиций, Корвуаль Датильна получит должность.

– Молода, как для политика... – протянул Андре. – Вернее, молода для вайтери. Уверен, с ней проблем не возникнет.

– В политике нельзя быть ни в чем уверенным. Это все равно, что играть в покер с завязанными глазами: у каждого по второй стартовой раздаче под столом и блефуют так, что где правда, уже никто не помнит. Андре, не стоит затягивать с проектом. Не все проблемы можно решить, треплясь о них на заседаниях Совета. Мы должны подготовиться. Если не удастся остановить галактическую войну, то хотя бы сможем

удержать наши колонии под контролем. Ни одна затрепанная луна не должна достаться Иным.

Андре задумчиво покрутил стакан и сделал глоток. Тот самый глоток, который из раза в раз приходилось вливать в себя при встрече с Колманом. Сколько их набралось за пять лет? Яркий вкус виски ударил в голову, и он тут же вспомнил, что весь день ничего не ел. В животе предательски заурчало.

– Господин советник, мои люди делают все, дабы мы стали первыми. Но есть кое-какие сложности...

– Я осведомлен о последствиях. Приступайте немедленно.

В глазах советника сверкнула ярость. А может, это отблеск лампы неудачно скользнул по лицу? Андре криво усмехнулся и поправил галстук. Колман уже принял решение, спорить или отстаивать свою точку зрения бесполезно. За долгие годы службы Андре встречал сотни псевдопатриотов вопивших об интересах человеческой расы. Такие «служители» с легкостью меняли возвышенные убеждения на дрогийские технологии, возможность торговли где-нибудь на Гране или солидные счета. Колман же, подобно экзорцисту, изгнал предательство из правительства ОСП. Он дал человечеству главное – уверенность в завтрашнем дне. Андре искренне им восхищался, но импульсивность еще никому не делала чести, а спешка с проектом может обернуться катастрофой для корпорации «Экзо матрикс».

– Приступай немедленно, – повторил Колман.

Решив не испытывать терпение советника, Андре оставил стакан с недопитым «Дарель Кол», пробормотал очередную учтивость и зашагал к дверям.

– Андре, – окликнул Колман, глядя в панорамное окно, где безупречно садилось лиловое солнце в несуществующих облаках. Когда последний луч света утонул в сумерках, добавил: – Не забывай, что время – величина непостоянная, и обстоятельства придется втиснуть в рамки.

* * *

Шаттл вышел из гравитационной зоны, рев двигателя сменился мерным гулом. Андре прислушался к его тихому, монотонному урчанию: ничего особенного, хотя некоторые умельцы сравнивали подобный белый шум с музыкой и даже относились к машинам как к живым существам. Андре никогда не понимал этих психов. За долгое время полетов его мнение не изменилось, а работа в Разведуправлении и вовсе вытравила остатки воображения. К своим пятидесяти двум годам он давно не находил романтики в космических полетах. Космос – всего лишь пространство; машина – кусок железа.

За обзорным иллюминатором виднелась Терра-Нова, постепенно превращаясь в пестрый мяч с темным боком. Двигатели исправно пожирали топливо, сокращая дистанцию, и вскоре показался пояс астероидов. Тысячи серых глыб ви-

сели в темноте, поражая разнообразием размеров и форм. Гиганты, с почти идеально ровной поверхностью, и мелкие осколки, издавек похожие на пыль. Часть из них – бесполезные недопланеты, а остальное и вовсе можно назвать космическим мусором.

Когда шаттл вильнул к астероиду ТН-С-39, Андре связался с лабораторией:

– «Экзо технологии», отправлен запрос на посадку. Как слышите?

– Запрос получен, – зашипело в передатчике. – Ожидаем код доступа.

– Загружаю.

– Полномочия подтверждены. Следуйте к ангару тринадцать. Высота минимальная, посадка через шлюз.

Поверхность астероида задрожала. Шлюз подземного бункера медленно раскрылся, подобно пасти чудовища, обнажив пустоту. Длинная черная глотка монстра вспыхнула посадочными огнями, и Андре перешел на ручное управление.

Шаттл пронесся по тоннелю и стремительно влетел на посадочную площадку. Брюхо замерло ровно над светящимся голубым кругом. Трап глухо стукнул о полимерное покрытие площадки. Андре спустился по хромированным ступеням, осматривая огромный ангар. Кругом полно техники и ящиков с логотипом корпорации «Экзо матрикс». Оглушенный турбинами персонал застыл в недоумении – нечасто до-

водилось встречать лихачей, да еще и в деловом костюме от Вельермо вместо униформы пилота. Андре усмехнулся, наблюдая за удивленными физиономиями «синих комбинезонов». Страстью к показухе он никогда не страдал, но посчитал, что не мешало бы встряхнуть лабораторных зануд.

Навстречу засеменял доктор «как-то там» в компании двух охранников.

– Господин Балатье, приветствую в «Экзо технологиях», – расплылся в улыбке доктор и протянул руку. – Майкл Хантинг, мы уже встречались, если помните.

– Да-да. Помню, – соврал Андре и отметил, что на ученого Хантинг совсем не похож. Скорее картинный пекарь: такой же круглый и румяный.

– У вас есть какие-нибудь вещи? Может, что-то нужно отнести в офис? Признаться, мы вас не ждали, – доктор вытянул из кармана салфетку и промокнул вспотевший лоб. – Но кабинет сейчас же подготовят, комнату тоже. Вы надолго?

– Зависит от того, насколько в лаборатории хорошо делают свою работу. Где доктор Риордон?

– На смотровой площадке. Я вас проведу.

– Сам найду, – ответил Андре и кивнул охране: – В кофите стоит сумка, отнесите в кабинет.

Бесконечные коридоры были похожи словно клоны, если бы не светящиеся указатели на стенах, то можно решить, что ходишь по кругу. Андре не сразу отыскал выход к площадке. В корпорации все лаборатории проектировали под одну гре-

бенку, но «Экзо технологии» – или как числилось в списке «Объект 40» – не просто лаборатория. Спрятанные глубоко в недрах астероида павильоны тянулись на несколько километров. Восемь уровней соединяли лестницы и тоннели, даже небольшой монорельс пришлось запустить. Муравейник, не иначе.

Клариса Риордон ждала на застекленной смотровой площадке, открывающей вид на главный зал. Заслышав уверенные шаги, она обернулась и приветливо кивнула. Доктор хоть и немолода, но весьма привлекательна. Может, хирурги с пробиотами постарались, а может, с генетикой повезло. Пепельные волосы были уложены в тугий пучок, на лице прорисовывалась мягкая непринужденная улыбка, придающая лицу загадочности. Поверх белого комбинезона она накинула халат, но одежда не могла скрыть точеной фигуры.

– Доктор, рад встрече.

– Взаимно, – с улыбкой ответила Клариса. – Как вид?

– Я здесь не для того, чтобы технику разглядывать. Интересно последняя информация по Фантому, хочу лично все осмотреть.

– Вчера вы получили полный отчет. Что-то не так?

– Нет, меня все устроило. Проблема в другом. Вам придется закончить раньше предполагаемых сроков, заказчик желает видеть результат незамедлительно.

– Это невозможно, – заявила Клариса. – Нужно время, иначе будет как с остальными. Скольких подопытных мы

отправили в крематорий? – голос ее звучал безразлично, но просящий взгляд говорил о другом. – Господин Балатье, поймите, проект – мое детище, мое все. Нельзя просто...

– Не обсуждается, – отрезал Андре.

Теперь и взгляд Кларисы сделался безразлично-холодным.

– Ясно. Тогда спустимся к боксам.

Снова пришлось тянуться по однотипным коридорам. Андре казалось, что змеевидные лестницы и переходы никогда не закончатся. Лабораторию «Экзо технологии» он не любил, к счастью, бывал здесь редко – других дел по горло.

Наконец, за очередной дверью показался большой ярко освещенный зал. За стеклянными перегородками мелькали фигуры в белых халатах, пищали сканеры, что-то жужжало и гремело. Запах из смеси дезинфицирующих средств неприятно защекотал ноздри, и Андре едва сдержался, чтобы не чихнуть.

– Мы на месте, – гордо объявила Клариса, приглашая внутрь бокса.

В центре бокса трехметровым столбом возвышалась стеклянная капсула под завязку наполненная желтоватым биогелем. Подопытного «Фантом» Андре видел лишь однажды. Тогда он напоминал экспонат из анатомического паноптикума: ни лица как такового, ни кожных покровов, только пронизывающие тело экзо-импланты да титановые пластины. Тошнотворное зрелище. А сейчас в вязком биогеле был

заклучен молодой темноволосый мужчина. Мускулистое тело подопытного опутывали трубки и провода. Казалось бы, обычный человек... вот только на левой руке красными буграми вздувались оголенные мышцы, с которых содрали кожу; белели сухожилия и торчал имплант для синхронизации.

– Полагаю, это он? – Андре подошел к капсуле и всмотрелся в мутную жижу. Мужчина внутри резко дернулся, с силой стукнув кулаком по стеклу. От неожиданности Андре вздрогнул.

– Всего лишь произвольная мышечная реакция, – успокоила Клариса. – Ему снится сон. Вот. – Тонкий пальчик ткнул на дисплей с прыгающими волнами. – Видите? Эта линия показывает активность мозга, сейчас фаза быстрого сна.

– Я все думал... Почему именно он? Почему с остальными не получилось?

– Природа, господин Балатье. Любое ее творение уникально, и мы, к сожалению, не всегда можем вмешаться. Не каждый это выдержит, а он смог, – Клариса восторженно посмотрела на капсулу. – Его тело приняло улучшения, буд-то они всегда были его частью. А главное – нейроусилитель прижился. Первой фазы отторжения нет, я дважды проверяла сегодня утром. Сознание Фантома не пострадало, личность и индивидуальность сохранены. Я даже шрамы восстановила, чтобы добиться естественности. Хотя с такой скоростью регенерации тканей это далось нелегко.

– Вы слишком увлеклись, доктор.

– Будем считать это моей сигнатурой на данном творении. Художникам ведь не запрещено подписывать холсты? – улыбнулась Клариса. – Я внимательна к деталям, не думаю, что от этого будет вред.

– Когда начнем пробуждение?

– Нейроусилитель неактивен, а задействовать его сейчас... Нужно время, иначе мы попросту его убьем.

– Нельзя убить покойника. Его и человеком-то назвать нельзя. Киборг, синтез.

– Почему же? Он не меньше человек, чем мы с вами. Я же сказала, что изменения не коснулись сознания, а остальное лишь дополнения.

– Это до первой синхронизации, – хмыкнул Андре. – Потом от Фантома ничего не останется. А вы забываетесь, доктор, и превращаете лабораторию в обитель сострадания. У вас сутки. Сделайте все возможное и невозможное.

Попав в кабинет, подготовленный доктором Хантингом, Андре первым делом стянул галстук. Удавка порядком надоела. Пиджак отправился на спинку белого кожаного кресла. На запястье вспыхнул синим дисплей хэндкома: «*Получено сообщений 8*». Коснувшись тонкого хромированного браслета, Андре вывел проекцию меню и принялся просматривать почту. Не успел он вникнуть в детали, как раздался глухой стук в двери, на пороге появился майор Службы галактической безопасности Роб Кавило с помощницей. Черный тренч лишь подчеркивал бледность майора, чья усыпанная

веснушками физиономия и без того казалась меловой – последствия долгого пребывания в космосе. Синяки под глазами говорили о хроническом недосыпе. Другое дело помощница. Миниатюрная блондинка улыбалась, на щеках алел румянец. Вроде и красавицей не назовешь, но довольно мила. Веда Райли, словно крохотная незабудка, затерявшаяся среди пыльного асфальта мегаполиса.

– Разрешите? – спросил Кавило и пропустил девушку вперед.

– Конечно, майор. Госпожа Райли, наконец-то мы встретились лично. Ни одна проекция не передаст вашей красоты, – отвесил комплимент Андре и тут же машинально коснулся хэндкома, чтобы удостовериться: блокиратор темной энергии активен.

Девушка ответила застенчивой улыбкой. Андре и сам невольно усмехнулся. Веда Райли – настоящая находка для проекта. Обладатели ментального пси-фактора среди эспиритуалов не редкость, но ее способности выходили за рамки. Веда могла читать мысли, могла внушить что угодно и даже скорректировать восприятие реальности. Но в СГБ проигнорировали ее дар, заперев девчонку в аналитическом отделе. Паранормальным надо пользоваться, выжимать максимум, а эти олухи превратили менталиста в обычного психолога.

Кавило уселся в кресло и стряхнул с рукава тренча что-то видимое лишь ему.

– Я готов отчитаться по всем пунктам, – получив в ответ

кивок, майор продолжил: – Сегодня утром корветы прибыли на базу на станции Гром. Тестирование провели специалисты корпорации, после чего дали опробовать корабли в деле. Претензий нет. Скоро запуск проекта? Я прав?

– Не «скоро», а «сейчас». Что с командой?

– Не скажу, что с вербовкой все прошло гладко, но выбор сделан. Теперь они проходят подготовку в тренировочном центре.

– И кто счастливчики? – нахмурился Андре, вспомнив сумму, в которую обошлись корпорации те самые «счастливчики».

– Веда подготовила досье. Там полные характеристики и психологический анализ. Подробностей столько, что уже на третьей странице вы будете знать, кто из них перед сном единорогов считает, а кто шлюху трахает.

– Кавило... Ну зачем так грубо? С нами же дама.

Майор конфузливо кашлянул в кулак и кивнул помощнице. Покрутив один из трех золотых браслетов на тонком запястье, девушка активировала свой хэндком. Кабинет ожил: кругом замелькали проекции, закружились мерцающие синим файлы. Стоя в центре этого пестрого вихря, Веда сортировала документы.

– В проект «ЗЕВС» попали: Дрейк Кларк, Бьянка Фрост, Макс Фрей и Александр Веласкис...

Этих людей Андре никогда не видел. Да что говорить, он даже имена слышал впервые. Все же Кавило оказался прав:

Веда рассказала столько подробностей, что казалось, будто они встречались за обеденным столом на семейных праздниках. Не так давно эта безликая масса стала частью корпорации «Экзо матрикс». Их ничего не связывало. Разные характеры, взгляды и судьбы, но едины в одном – все они мертвецы.

Интерлюдия

Оперативник

Имя: Дрейк Кларк.

Возраст: 41 год.

Место службы: Отряд специального назначения, Разведывательное управление.

Локация: город Кардан, планета Меттель, колония ОСП.

Старенький «Бортленд» запыхтел, сворачивая с трассы к парковке. Дрейк приглушил двигатель, захлопнул дверцу аэрокара и включил сигнализацию. Мигнули фары, свет растворился в городском сумраке. Сунув ключи в карман брюк, Дрейк бегло осмотрелся. Натренированный взгляд выхватил мельчайшие детали: от угасшей буквы «к» на вывеске закусочной «У Дункана» до количества авто на парковке и парочки скребущих у мусорки крыс. Где-то трещала трансформаторная будка, навевая скуку. Ничего необычного, не считая мужика в соседнем ряду. Рыжий копошился у синей

«Мангоры», а в руке сжимал брелок с ключами от тачки покруче. Сделав вид, будто вовсе его не заметил, Дрейк глянул на небо: черным-черно, еще немного и дождем разойдется. Перекинув пиджак через плечо, он зашагал к переулку, навистывая мелодию, что прицепилась с утра.

Машину Дрейк всегда оставлял на разных парковках и дорогой всегда шел разной – профессиональная привычка. Высокий и жилистый, с неприметной внешностью, он вполне мог сойти за коллектора или обычного менеджера. Кем и был. По легенде трудился в офисе мелкой компании; на деле – оперативник Отряда специального назначения. Две жизни. Одна ложь. Менялись города и планеты, мелькали доки и космопорты, сотни лиц проносились перед глазами, но Дрейк помнил детали каждого задания, будь то тихое убийство одного из террористов, или нашумевшая диверсия в отдаленной колонии. Нужды в прикрытии – хождении в липовый офис и постоянных командировках – вовсе не было, если бы не семья.

На освещенной бледно-желтыми фонарями улице лишь изредка встречался одинокий прохожий. Район не из лучших, окраина. Когда-то Дрейк мечтал переехать отсюда, прикупить квартиру на Сэлми-Стрит, а лучше дом. Только мечты так и остались мечтами. Накопленные за годы службы сбережения ушли на операцию дочери, и теперь все чаяния сводились к одному – лишь бы с ребенком все было в порядке. В Творца Дрейк никогда не верил, однако в последнее

время зачастил в местный Пантеон. Говорят, молитва помогает, если просить искренне, и во всех его просьбах звучало имя Валентины.

Заморосило. Чернильное небо прорезали сполохи молнии, под порывом ветра Дрейк поежился. Мелкие капли легли на коротко стриженные русые волосы, на синий пиджак и широкие плечи. Он провел ладонью по волосам, стряхнув надоедливую морось, и ускорил шаг.

Пройдя мимо кафе, Дрейк заметил темную фигуру, скользнувшую в переулок. Ошибки не было, за ним следили. Рыжий тип шел по пятам от парковки, и Дрейк готов был поклясться, что преследователь появится за следующим поворотом.

У поворота он остановился и, когда в проулке послышались тихие шаги, выскочил навстречу. Рыжий тип не успел даже моргнуть, как Дрейк резко ударил его под дых. Темная фигура согнулась. Дрейк скрутил незнакомца и прижал к стене. Тот недовольно запыхтел и выругался.

– Что надо? – буркнул Дрейк, сильнее выкручивая руку и вдавливая щеку рыжего в кирпичную стену.

– СГБ... – прошипел незнакомец.

Удивленно вскинув брови, Дрейк на всякий случай вытащил у рыжего из кобуры пистолет, после чего отпустил.

– Удостоверение давай, – гаркнул он.

– В разведке что, манерам не учат?

Эсгэбэшник недовольно скривился и стал отряхиваться.

На черном тренче красовались грязные потеки, сколько он их ни тёр – становилось только хуже. Бросив бесполезное занятие, рыжий протянул электронное удостоверение. Дрейк бегло прочел:

– Майор Роб Кавило, Служба галактической безопасности... И что майору нужно?

– Разговор.

В кафе они просидели чуть больше двадцати минут. Майор красочно рисовал перспективы работы в секретном проекте, сыпал крупными цифрами, давил на болевые точки. Главная из них – деньги, которые помогут спасти дочь. Валентине требовалось еще две операции, а расплачиваться нечем. С продажей квартиры дела обстояли неважно, на окраине Кардана мало кто хотел поселиться, а та цена, что предлагали, едва покрывала предстоящие расходы. Поэтому лишних вопросов Дрейк не задавал – вербовка она и есть вербовка.

Майор Кавило дал сутки для размышлений и протянул черную визитку, на которой не было ни имени, ни адреса. Лишь номер закрытого канала и стильная голограмма с рядами молний в углу.

В дверь квартиры пришлось стучать, потому как визофон сломался еще вчера. Вспомнив, что мастера так и не вызвал, Дрейк выругался. Кулак снова прошелся по обшарпанной двери. Наконец Селеста открыла. Сегодня на жене было синее платье с голубыми вставками на талии, которое всегда

ему нравилось. Завидев мокрую одежду, Селеста нахмурилась. В ответ Дрейк лишь пожал плечами: мол, под дождь попал, бывает.

– Почему так долго? – недовольно спросила Селеста, глянув на часы. К сожалению, в некогда светящихся любовью глазах в последнее время ничего не мелькало кроме холодного безразличия.

– На работе полный... аврал, – выдохнул Дрейк, кинув мокрый пиджак на тумбу. – Если честно, я зверски устал и проголодался.

– Где холодильник – знаешь, – бросила Селеста, юркнув в детскую.

Аппетит бесследно исчез. Дрейк вяло ковырял вилкой зеленоватую массу, пытаясь унять скачущие мысли. Предложение майора не шло из головы. Секретный проект заинтриговал настолько, что думать о чем-то другом он уже не мог. Черная визитка в кармане магнитом тянула набрать номер. Но каждая сделка имеет условия, и, если он согласится, то заплатит непомерно высокую цену. Лишится всего, чем дорожит.

Хлопнула дверца холодильника. Селеста налила стакан молока и поставила на стол. Дрейк хмуро глянул на содержимое – лучше бы коньяка плеснула.

– Пей.

– Не хочу, – ответил он и обнял жену за талию.

Резко убрав его руку, Селеста отстранилась. Стоило лишь

прикоснуться, как она превращалась в ледяную статую, замыкалась, находила тысячу отговорок, чтобы избежать близости. Причины секретом не были.

– Давно ты с ним путаешься? – безразличным тоном спросил Дрейк.

– Что?!

– Ты и Джек. Давно?

Селеста ошарашенно приоткрыла рот, взгляд растерянно забегал по кухне. Об интрижке Дрейк узнал полгода назад. Сначала хотел отправить женушку и хахаля на дно канала, но есть дочь... Как ей без матери? Да и сам не лучше. За последний год в родном Кардане проторчал от силы три месяца, а святым никогда не был. Пришлось смириться. Нехотя Дрейк принял правила игры в «счастливую семью».

– Я спросил: давно? – повысил Дрейк голос.

И тут Селеста не выдержала:

– А чего ты ждал?! – вспыхнула она. – Тебя никогда нет рядом! Вечные командировки! Месяцами пропадаешь неизвестно где. А что толку? Домой приносишь жалкие гроши! Разве это работа, Дрейк? Давно ушел бы в другую фирму. Так нет! Тебе, видите ли, там нравится. А что денег дочери на лекарства не хватает, нравится?! Да она почти забыла, как отец выглядит! На сколько исчезнешь в этот раз?! На год? На два?

Селеста не говорила, а кричала. Обвиняла, всхлипывала и снова обвиняла. Дрейк не слушал. Молча встал, достал бу-

тылку коньяка из шкафа, глотнул с горла и вышел из кухни. Раздался звон бьющегося стекла – стакан отправился вдогонку. Селеста зашлась рыданиями.

Он тихо открыл дверь детской. Валентина спала, обняв плюшевого мишку, которого привез, возвращаясь с последнего задания. Поправив одеяло, Дрейк сел на край кровати и провел рукой по русым кудряшкам малышки. Душу заскребло. Сердце неистово колотилось; билось о ребра, норовя выскочить из груди. Он поцеловал дочь и полез в карман за черной визиткой.

Утром старенький «Бортленд» столкнулся с проносщимся мимо спидером. Машина слетела со второго уровня трассы, угодив в бетонную стену заброшенного склада. Шансов выжить не было. Зато на счет дочери поступила приличная сумма, способная покрыть лечение и оплатить академию в будущем. Для себя Дрейк попросил лишь об одном – выдать копию документа о смерти. Хотел убедиться, что в Отряде специального назначения купятся.

Стерва

Имя: Бьянка Фрост.

Возраст: 29 лет.

Место работы: частное охранное агентство «Монолит».

Локация: мегаполис Терра-Сити, планета Терра-Нова, ОСП.

Похоронная процессия растянулась на вершине утеса

сплошной черной линией. Пронизывающий весенний ветер гулял среди скал, заставляя пришедших ежиться и потирать озябшие руки. Согрев ладони дыханием, Бьянка достала из кармана твидового пальто перчатки, пальцы проворно скользнули в спасение из тонкой кожи. Волосы трепал ветер, и сколько она ни пыталась собрать длинные иссиня-черные кудри в хвост – тщетно.

Люди переминались с ноги на ногу, утомленные затянутой прощальной речью. А произносил нудный «за упокойчик» не кто иной, как сам магистр Ведилон. Бьянка невольно зевнула. Стоящая рядом старуха презрительно цыкнула и скривилась.

– Да примет Творец душу усопшего. Да откроет врата перед ним и одарит единственным благом – вечной жизнью, – наконец закончил магистр и кивнул вдове Дорофеевой.

Дорофеева – круглая холеная тетка лет пятидесяти – взяла резную нефритовую урну и дрожащими руками открыла крышку. Порыв ветра выхватил серый прах, некогда бывший Алексом Дорофеевым, и понес к океану. Вдова затянула причитания. Со всех сторон раздались всхлипывания. Бьянка тяжело вздохнула и поспешила к аэрокару.

Шпильки брендовых туфель проваливались во влажную почву, оставляя небольшие дыры. Земля комками налипала на каблуки, грозя окончательно испортить настроение. Бьянка чертыхнулась и пошла на цыпочках – быстрее будет. Сев в аэрокар, она устало откинулась на спинку кресла. Похоро-

ны босса дались нелегко. Нет, Алекса она не оплакивала, а вот над почившими перспективами слезу пустила. Два года Бьянка проработала личным телохранителем Дорофеева. Следила за драгоценным телом днем и ночью, получая приличное вознаграждение, а вместе с ним уверенность в завтрашнем дне.

После того, как отец просадил состояние, лишился счетов, семейного особняка и жизни, дела Бьянки шли неважно. Обладая яркой внешностью и острым умом, она могла бы удачно выйти замуж. Только роль покорной птички в золотой клетке для дикой кошки не годилась. Отец учил всего добиваться самостоятельно, в чем Бьянка преуспела. В охранном агентстве «Монолит» она была одной из лучших, но теперь репутация канула среди бирюзовых волн. Ее клиент мертв. На карьере поставлен жирный крест.

Поглощенная мрачными мыслями, Бьянка не заметила, как оказалась у дома. Лифт с кованой решеткой, украшенной вензелями, тархтел канатом до седьмого этажа. Выйдя из лифта, Бьянка услышала шум в подъезде и грубые мужские голоса. Прильнув к стене, она прислушалась. Голоса доносились из ее квартиры. Взлом?!

Выхватив из набедренной кобуры пистолет, она стремительно влетела в коридор. Однако завидев, что происходит, тут же опустила оружие.

Двери в ее новенькую, обставленную дизайнерской мебелью квартиру были распахнуты. У входа стояли двое в чер-

ной форме – СГБ.

– Я хозяйка квартиры. Могу узнать, что происходит? Меня ограбили?

– Бьянка Фрост? – задал встречный вопрос седой эсгэбэшник.

– Да.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве Алекса Дорофеева. У вас есть...

Седой еще что-то говорил, но Бьянка не разобрала ни слова. В голове шумело, ей вдруг стало нечем дышать, словно помещение наполнилось ядовитым газом вместо кислорода. Пришла в себя лишь когда эсгэбэшник защелкнул наручники на запястьях.

В тюрьме Бьянка провела две недели. Время превратилось в тягучую смолу, пропитанную отчаянием. Что ни день, то ад. Допрос за допросом. Следователь оказался довольно дошным и откопал все, что можно; еще седой ловко подгонял обстоятельства и улики в выбранную им канву. Алекс Дорофеев был отравлен тегмонием, к удивлению Бьянки, яд нашли в ее квартире. Мотив тоже обнаружился, как и подробности их с Алексом несуществующего романа. Долгими ночами она перебирала в уме случившееся, искала в окружении босса того, кому была выгодна его смерть и кто отважился на мерзкую, запутанную игру. Но не находила. Слишком много Дорофеев нажил врагов.

В камере пахло сыростью и чем-то тошнотворно-кислым.

Мучаясь бессонницей, Бьянка сидела на кушетке, обхватив голову руками, и смотрела в пол. Бетонный, грязный. Здесь все такое: стены обмазаны какой-то черной липкой мерзостью, замызганное постельное белье лишь изредка обрабатывалось антисептиком. Бьянка тяжело вздохнула. Сегодня утром приходил адвокат и уверил, что пожизненного не избежать... Не помогут даже связи отца.

Решетка камеры открылась, издав скрип, срывающийся на визг. Вошел тюремщик – высокий, худой, лицо усыпано красными прыщами. За две недели появился тут впервые. Должно быть, новенький.

– Давай, куколка, к стенке! – скомандовал он, вальяжно прошагав внутрь.

Недовольно хмыкнув, Бьянка встала и отвернулась, скрепив руки за спиной. Холодные стальные браслеты крепко сдавили запястья, но команды «на выход» не последовало.

Надзиратель прижал ее к стене и принялся нагло щупать ягодицы. Скользнул вверх по спине и попытался содрать робу. Бьянка вскрикнула.

– Тише, куколка... – зажал он рот рукой. Зловонное дыхание обожгло щеку. – Не кричи. Все равно никто не услышит.

Прижатая у стены, со скованными руками, Бьянка вздрагивала от прикосновений липких рук, шарящих по телу. Понимался лязг пряжки ремня. Бьянка зажмурилась, понимая, что другого пути нет.

Резко дернувшись, она со всей силы наступила тюремщи-

ку на ногу. Не ожидая отпора, он ослабил хватку буквально на секунду, чего оказалось достаточно. Бьянка развернулась и ударила головой в переносицу надзирателя. Хлынула кровь. Алые струйки потекли по прыщавому подбородку тюремщика, проскочили под ворот куртки, заляпали грудь. Он схватился за нос.

– Сука...

Не раздумывая, Бьянка ударила его ногой – фронт-кик пришелся прямо в пах. Тюремщик с криком согнулся пополам, тут же получил коленом и повалился на пол. Подскочив к горе-наильнику, Бьянка хорошенько его пнула. Еще и еще.

– Только тронь, козел!

Не успела Бьянка насладиться временной победой, как в камеру влетели двое с оружием.

– К стене! – выкрикнул охранник и толкнул. Бьянка покорно убрала руки за голову. – Винс?! Ты цел?

– Сучку в карцер, – проскрипел Винс, неуклюже поднимаясь. – Пусть посидит, подумает. Уверен, за пару дней научу шлюху покорности.

– Потом научишь. Ее на допрос вызывают, – развел руками охранник и, схватив Бьянку за локоть, потянул к выходу.

У двери в комнату для допросов охранник снял наручники, чему Бьянка удивилась. Обычно все обстояло иначе, наручники снимали лишь когда адвокат напоминал о правах заключенных. Поправив куртку оранжевой робы, которая

мешком болталась на стройной фигуре, она вошла внутрь. Комнату обволакивал полумрак. Над столом горела тусклая лампа, выхватывая затертый серый стол и два стула. Глаза быстро привыкли к темноте, и Бьянка огляделась: в дальнем углу замер человек. Лица не видно, только черный силуэт выделялся на фоне стены.

– Госпожа Фрост, присядьте, – незнакомец шагнул под блеклый свет одинокой лампы. Навскидку слегка за сорок, невысокий, рыжеволосый. Тренч с майорскими погонами расстегнут, под ним рубашка с воротом-стойкой, скрывающая бронежилет. Глаза хитрые, с прищуром, как у матерого лиса.

– Я не убивала Алекса Дорофеева, – начала Бьянка, сев на стул.

– Не утверждаю обратного, – заметил эсгэбэшник. – Простите, не представился. Майор Роб Кавило, к вашим услугам.

Бьянка отвела взгляд. Очередной допрос, да еще среди ночи, не сулил ничего хорошего, но возвращаться в камеру было куда страшнее. Там ждал Винс. Вспомнив о тюремщице, она вцепилась пальцами в край куртки и стала нервно тереть застежку. По телу прошлись колкие мурашки.

– Майор, мой адвокат скажет намного больше. И вообще, без адвоката ничего не получите. Советую не тратить время, – ответила она, скрыв беспокойство.

– Думаете, мне нужно от вас признание? Ошибаетесь. Мне нужно согласие. Есть предложение...

– К чертям предложение, – огрызнулась Бьянка. – Сотрудничать не стану. Сколько можно обвинять в том, чего не было?! Я не убивала Алекса! Меня подставили!

– Да-да. Все так говорят, – усмехнулся майор. – Милая госпожа, мое предложение вам понравится. Оно прозвучит куда лучше приговора, который вынесут в Зале Правосудия. Подумайте сами, – Кавило встал рядом и театрально провел рукой по ее волосам, заплетенным в косу. – Неужели хотите, чтобы эти прекрасные волосы, цвета звездной ночи, превратились в мочалку? А это милое личико? Хотите, чтобы оно стало жалкой маской? Подумайте, что с вами сделают зеки, если получите пожизненное? Сопротивляться вечно не получится, рано или поздно их окажется больше...

Воображение рисовало страшные образы, от которых Бьянку пробрал озноб. О том, чьих рук это дело, она догадалась, но доказать ничего не сможет. Надин Дорофеева обставила все так, что комар носа не подточит. Няня киллера для мужа, и не какого-нибудь идиота громилу, а профессионала; подкупила седого эсгэбэшника, который при обыске подбросил улики, а потом с упоением вел расследование. Мотив вдовы оказался до безобразия банален – деньги. У Алекса была любовница, которая не так давно подарила ему сына. Он собирался подать на развод, хотел переписать завещание, вычеркнув оттуда Надин. Не успел. О тайне Алекса знала лишь Бьянка, как личный телохранитель она знала даже, сколько раз он по ночам в сортир вставал. Надин расчет-

ливо выбрала жертву, которая если и заговорит, то ее словам все равно никто не поверит.

– Ладно, Мефистофель, хватит ходить вокруг да около, – выдохнула Бьянка. – Выкладывай свое предложение.

Кавило рассказал о секретном проекте с интригующим названием «Зевс». Бьянка ответила согласием, но с условием: попросила дать сутки свободы, чтобы разобраться с Надин и взять кое-какие вещи в память об отце.

Когда она снова оказалась в темной камере, то достала из кармана капсулу, которую передал майор. В ладони лежала маленькая зеленая горошинка с ядом, осталось лишь положить под язык и умереть.

На утреннем обходе охранник нашел бездыханное тело. Труп отправили в морг. Заключение coronera гласило: сердечный приступ.

Ветеран

Имя: Макс Фрей.

Возраст: 35 лет.

Место работы: безработный; ветеран Военно-космических сил, награжден медалью «За Отвагу» во время Кавирской кампании.

Локация: город Хеджион, планета Альфа-Голсон, колония ОСП.

Болезненная полудрема отступила. С трудом Макс открыл

глаза, проморгался, и снова зажмурился – какая-то тварь светила в лицо фонариком. И как бы плотно он ни сжимал веки, чьи-то пальцы настойчиво их размыкали, заставляя смотреть на едкий свет. Пришлось сдаться.

Свет померк, тварь и фонарик исчезли. Макс прикрыл глаза, стараясь избавиться от мелькающих белесых вспышек. Пить хотелось неимоверно, во рту настоящая засуха. Он облизнул потрескавшиеся губы и почувствовал твердую запекшуюся корку. Тело ломило, словно бронетранспортером переехали, голова раскалывалась. Макс глянул на руку: из вены торчала игла, датчик-присоска прилип к бугру бицепса, рядом с кушеткой стояла капельница. Пакет с мутной жидкостью висел на длинной стойке, похожей на пугало. Он пошевелил онемевшими пальцами, согнул руку в локте. Больно. Попытался пошевелить правой... Ничего! Руки нет...

Память услужливо подбросила хаотичные обрывки то ли воспоминаний, то ли кошмаров. Взрывы, крики, стрельба. Госпиталь, ампутация, медаль. Мария в белом, лицо прикрыто фатой. Бутылка виски, дорожка порошка, притон.

Вспомнил.

Макс мрачно усмехнулся, пересохшие губы треснули, во рту появился солоноватый привкус крови. Теперь ясно, что за капельница и что за тварь с фонариком. Он в больнице для бездомных.

На соседней койке заворочалась груда тряпья, послышался сдавленный стон. Макс покосился на соседа: заросший,

бородатый мужик вынырнул из-под серого одеяла. Лицо щедро усыпали сочащиеся раны и гнойники, торчащие из-под одеяла руки покрывали язвы. Видел таких – будущий покойник, подхвативший вирус Снайпса. Макс приподнялся на локте и осмотрел палату. Коек не счесть, и все похожими гнильцами заняты. Он облегченно выдохнул и откинулся на подушку. Раз тут, значит отмучался. Не так хотел, а чтоб под кайфом. Да и хрен с ним, лишь бы быстрее, – думал Макс, глядя на белый потолок с облупившейся краской.

Послышались тяжелые шаги, заскрежетали колеса медицинской каталки. Дверь палаты распахнулась, впустив сквозняк и двух санитаров в защитных костюмах.

– Давай, на каталку перелезай, – кивнул тот, что ростом пониже.

– На кой? – удивился Макс. – Я же вроде в эпидемке.

– Положить некуда было, вот и решили проблему, а к Снайпсу у тебя врожденный иммунитет. Перелезай.

– Не, мужики, я головой еле кручу, а вы встать предлагаете. Как перелезу? Телепортируюсь, что ли? Я ж не эсп.

Санитары переглянулись.

– Перетягивать громилу не стану, – запротестовал долговязый. – Глянь, в нем же больше сотни! Откуда только у торчка столько мышц? Тут из качалки не вылезает, а на выходе ноль.

Сетования санитаров Максима удивили. Сам себе он казался щуплым, хилым. Не то что раньше. Когда-то его называли

Железным Фреем, а в боевом скафандре он и вовсе на скалу походил. Враги боялись, свои уважали. Солдаты готовы были молиться на своего сержанта – сотни раз он из пекла ребят вытаскивал. А теперь Железный Фрей – разлагающийся изнутри калека.

Макс рассмеялся. Смеялся не над санитаром и его жалобами, а над собственной жизнью.

– Слушай, приятель, кончай ржать. Совесть имей, – нахмурился коротышка. – Нам что, тягать тебя? Давай, перелезай.

– Хоть поможете? – спросил Макс, пытаясь подняться.

Путешествие с кушетки на каталку оказалось не из приятных. Каждое движение отзывалось пронзительной болью, в висках пульсировало. Но еще хуже была поездка по бесконечному коридору, казалось, колеса скачут не по плитке, а по рельсам. Подступила тошнота, и Макс едва сдержался, чтобы не испортить увлекательный вояж.

Его привезли в светлое помещение. Индивидуальная палата: чистая, с компьютером, даже ваза с цветами имелась. Приятную глазу картину портил какой-то тип в черном тренче, стоящий у окна. Макс попытался подняться, чтобы его разглядеть, но снова накатила тошнота, и он откинулся на подушку.

– Жалкое зрелище, господин Фрей, – заговорил незнакомец, продолжая глядеть в окно. – Столько наград, столько побед в боях, а итог... Мягко говоря унылый. Деградация?

Отсутствие силы воли? Отсутствие мозгов? Общество грезит прогрессом, а такие, как вы, с удовольствием на дно ныряют. Никогда не пойму подобной тяги к саморазрушению. Глупо.

Макс промолчал – боролся с тошнотой и диким желанием заехать хамоватому типу по физиономии.

Незнакомец ухватил стул за спинку и пододвинул к кушетке. Стальные ножки пронзительно заскребли по плитке. Теперь удалось рассмотреть собеседника: лицо веснушками осыпано, взгляд ехидный, на тренче майорские погоны. Служба галактической безопасности – понял Макс.

Эсгэбэшник заметил, что он пялится на погоны, и ухмыльнулся.

– Майор Роб Кавило. Будем знакомы.

– С каких пор наркоманами майоры занимаются?

– Не занимаются. Я здесь по другому поводу.

– Не понял.

Кавило наигранно вздохнул. Лениво скользнул взглядом по палате и уселся поудобнее, закинув ногу на ногу.

– Видите ли, господин Фрей, у меня для вас предложение. Некая влиятельная корпорация нуждается в людях... как бы правильно выразиться... – он задумчиво подпер кулаком подбородок. – В людях, которым нечего терять. Корпорация даст шанс выжить, а вы взамен станете служить верой и правдой. По-моему, звучит неплохо.

– А в вашей мега-влиятельной корпорации историю болезни читали? Эта фигня не лечится. Я разлагаюсь изнутри,

если что.

– Конечно читали, – отмахнулся майор. – Скажу больше, в корпорации могут все исправить. Получишь отличную аугментацию и новые органы. Наши доктора и не на такое способны. Правда, есть определенное условие. Придется умереть.

– Неудачная шутка и к тому же злая. Так что засунь свое предложение куда подальше и сам катись туда же.

– А где манеры? Перед тобой человек, у которого две ноги и две руки. Не стоит грубить.

– Угрожаешь?

– Это лишнее, – усмехнулся майор. – Что с вас ВКСников возьмешь? Тупые киборги. Нет, чтобы подумать, так сразу в штыки. Я предлагаю новую жизнь, работу и деньги для жены. Она ведь беременна, если не ошибаюсь?

– Не твоего ума дело, – насупился Макс.

Майор коснулся браслета на запястье, и серебристый хэндком вмиг выдал файл. Проекция застыла в воздухе, спрятав за мерцающими буквами рыжую физиономию.

– Глянь, – он протянул файл и увеличил. – Тут сумма, о которой идет речь, и кое-какие подробности о работе.

Завидев цифры, Макс удивленно округлил глаза. Пришлось дважды ноли пересчитать, вдруг померещилось? Только магии цифр оказалось недостаточно, чтобы побороть отчаяние и отвращение к себе.

Майор заметил сомнение, и в пространстве появился еще

один файл.

– А это, – Кавило передал документ, – это твой будущий босс.

Макс долго всматривался в досье. Первое, что пришло в голову: «Быть не может! Получается, нет ни больницы, ни рыжего – я попросту обдолбан. Это невозможно. Мертвецы не возвращаются с того света, Рэйн Аллерт давным-давно покойник». Мысли роились, сливаясь в тягучую массу, и лишь острая боль напоминала о реальности. Макс хотел что-то сказать, но получилось вымученное:

– Это же...

– Да-да, именно. Фантом.

Макс усмехнулся.

– Что же это за всемогущая корпорация, которая покойников воскрешает?

– Если согласишься, то тайна перестанет быть таковой.

– Согласен, – тут же выдал Макс.

– Отлично. Сейчас позову ребят, вколют тебе крэш. Причина смерти – передозировка. Вдова получит деньги под видом государственной компенсации, а мы встретимся через неделю-другую на инструктаже.

Миллион вопросов застыл на языке, но Макс ни одного не успел задать. Майор стремительно вышел из палаты, а над каталкой склонились уже знакомые санитары. Лица под масками и свет далекого солнца, пробивающегося сквозь окно – последнее, что он увидел.

Инквизитор

Имя: Александр Веласкис.

Возраст: 32 года.

Сан: инквизитор первого ранга Ордена Святой инквизиции; лишен сана по решению трибунала.

Локация: остров Забвения, океан Мярүн, планета Тера-Нова, ОСП.

В келье пещерного скита было прохладно и сыро. Грубый камень охлаждал босые ступни, но Александр даже не смотрел на ботинки, сиротливо жавшиеся у стены. Вся его одежда: потертые кожаные штаны да серая холщовая накидка с дырами. Обнаженный мускулистый торс покрывали мелкие рубцы от нейрохлыста, светло-пшеничная щетина давно превратилась в длинную бороду. Волосы тоже отросли – впору шнурком перетягивать.

Толстые свечи роняли восковые слезы на медные блюда. На каменных стенах плясали тени, сливаясь в причудливые образы, а запах благовоний витал в пространстве. Александр придвинул свечу ближе – теперь видна каждая строка Кодекса. Опустился на колени, смиренно склонив голову, и погрузился в мысли о покаянии.

Тишину нарушали капли воды, срывавшиеся с выступа на своде кельи. Кап-кап... Кап-кап... Грот служил тюрьмой, а келья – камерой. И не заперты здесь решетки, и нет дверей, и

периметр энергощитами не огорожен. Да только не сбежать. Остров Забвения – маленькая точка в океане Мярún. Раз в сто дней прилив пожирает сушу, а вместе с ней тех, чья вера пошатнулась.

Александр провел здесь девяносто восемь суток. Девяносто восемь дней молил Творца о прощении и по окончании срока примет Забвение. За пособничество эспиритуалам-отступникам он был изгнан из Ордена. И нет ничего хуже для инквизитора... Разве что утратить веру.

Мерно горели свечи, жертвуя восковым сердцем. Капли воды срывались вниз, превращаясь в лужу. Губы тихо шептали молитву:

– *Domine Deus, firma fide credo, et confiteor omnia et singular, quae sancta ecclesia Inquisitio...*¹

Эхо торопливых шагов оживило коридор, нарушив прелесть уединения. К эху прибавился плеск воды и брань. Александр нахмурился – упоминание Дьявола не должно осквернять скит, и людей здесь быть не должно. Померещилось?

Боковым зрением он увидел длинную тень, упавшую на стену. Затылком ощутил пристальный взгляд, но молитву продолжил:

– *In hac fide vivere et mori statuo. Amen*².

¹ «Творец всемогущий, верую крепкою верой и исповедую единое и всеобщее, что предлагает святая инквизиция» – отрывок из молитвы «Покаяние».

² С этой верой живу и умру. Аминь.

Александр осенил себя крестным знаменем и поднялся с колен.

У входа в келью стояла темная фигура. Не демон, порожденный игрой сознания, не сгусток энергии – человек. Черный тренч, подобен тому, что носят инквизиторы, да и погоны вполне земные.

– Прошу прощения, кажется, я прервал молитву, – заговорил незнакомец.

– Вы не помешали, – Александр щелкнул пальцами, в келье зажглись светодиодные лампы.

Незнакомец вскинул рыжие брови:

– Удивлен. Думал, здесь ничего нет, кроме страдания и уединения, – кивнул он в сторону светильника.

– Изгнанникам не запрещено пользоваться кое-какими благами. Но это пустое. Разве свет лампы способен заменить Его Свет? Материальные блага способны облегчить страдания? Только молитва может приблизить нас к Творцу. Вы верующий?

– Как бы выразиться... – собеседник запустил пятерню в отливающие ржавчиной волосы, почесывая затылок. – У меня своя вера, в Справедливость. Простите, не представился. Роб Кавило, я из...

– Я знаю кто вы, майор. Такой же служитель, как и я. Могу поинтересоваться: что привело вас в столь заброшенное место?

– Инквизитор Веласкис, через два дня прилив. Можно

устроить так, что смерть будет только на бумаге.

– Смерть не страшит. *Anima est immortalis* – душа бессмертна.

– Не могу поверить, что человек, отстаивающий свои убеждения до последнего, готов так быстро сдаться, – майор уселся на каменную кровать и провел рукой по изголовью, оценивая степень шлифовки. – Инквизитор, разве не борьба заставила вас пойти против Магистрата? Разве не желание защитить невинных привело сюда? Грядет война, темные времена – если выразаться привычными для вас высокопарными словами. Я представляю некую корпорацию, которая готова пойти на все, чтобы остановить кровопролитие. Нужна ваша помощь, инквизитор.

Александр усмехнулся и коснулся бороды – та на ощупь напоминала комок проволоки. На службе он всегда был гладко выбрит и коротко пострижен, а сейчас больше походил на лешего из диких легенд, нежели на инквизитора. Александр зажег пузатую свечу и поставил подле Кодекса. В памяти всплыл трибунал, слова магистра Ведилона зазвучали в ушах: «За пособничество отступникам, за ересь, за нарушение устоев Ордена – Александр Веласкис лишен сана инквизитора. Решением трибунала объявлен изгнанником. Мера наказания – Забвение...». В тот далекий день эти слова не породили в душе ни страха, ни отчаяния. Убеждения Магистрата Александр не разделял и порой пренебрегал мнением самого Великого инквизитора. Считал необоснованное

убийство грехом. Святая же инквизиция имела иные представления, давая четкие указания в Кодексе: «...Каждый эспиритуал творение Дьявола, святой долг инквизитора нести Свет заблудшим душам... строфа 23, писание 1». Только «несли Свет» служители исключительно пытками и оружием.

За беседой время пролетело незаметно. Пронеслось, как лист клера, сорванный осенним ветром. В корпорации «Экзо матрикс» возможность «нести Свет» видели иначе. На сделку с Дьяволом не походило, а смерть по документам не важна. Важна лишь вера. Александр согласился с условиями майора, понимая, что еще сможет принести пользу человечеству, указать на силу веры и могущество Творца.

Свеча, горящая подле Кодекса, давно угасла, а в душе зажглась искра надежды.

Глава 2. Ех machina

Лаборатория «Экзо технологии», астероид ТН-С-39, Пояс астероидов в космической зоне планеты Терра-Нова, ОСП

Последние сутки дались Кларисе Риордон тяжело. Измученное отражение, глядящее из усыпанного каплями воды зеркала, было ярким тому доказательством. С досадой Клариса отметила, что морщины стали глубже, а скрыть косметикой синяки под глазами не удалось.

Хэндком коротко просигналил о запросе связи, на дисплее высветилось имя – Майкл Хантинг. Коснувшись браслета, она дала подтверждение, рядом возникла проекция. Привычный румянец на бульдожьих щеках молодого коллеги сменила бледность, растерянный взгляд скакал из стороны в сторону, выдавая волнение.

– Доктор Риордон, у нас все готово. Когда начинаем?

– Скоро, Майкл, скоро. Чем занят Балатье?

– Сидит в своем кабинете, вместе с гостями, – ответил Майкл, вцепившись пальцами в анализатор.

Клариса хмыкнула. За время, что провела здесь, из управления корпорации «Экзо матрикс» астероид посещал только Балатье, и то нечасто. Кто хозяин лаборатории – осталось для нее загадкой. А теперь еще и гости, не имеющие отношения к науке. Мужчина из силовых структур – чувствовалась выправка, а девушка и вовсе эспиритуал, скорее всего, мен-

талист. Иначе, зачем Балатье приказал по всему комплексу установить блокираторы темной энергии? Утечки информации он боялся как Армагеддона, а эта неимоверно дорогая технология должна обеспечить безопасность.

– Доктор Хантинг, оставь анализатор в покое. Ты так его сжал, что вот-вот пополам разломишь, – улыбнулась Клариса.

– Волнуюсь. Мы ведь... Даже думать о недоработке боюсь. Что будет, если Балатье узнает?

– Не узнает. Мы все сделали правильно.

– А если что-то пойдет не так? Если провал?

– Майкл, не нагнетай. Успех... Провал... В любом случае, это итог работы. Нужно уметь с достоинством принимать поражение и с не меньшим достоинством принимать победу. Поверь, второе намного сложнее. Опьяненные триумфом люди часто забывают, из какого теста на самом деле слеплены. И не факт, что из теста. Дай мне десять минут и пригласи босса в главный зал.

Майкл кивнул, проекция исчезла. Клариса повернула кран, чтобы умыться, но получила лишь очередное мокрое пятно на халате. Говорить боссу о том, что нейроусилитель Фантома нестабилен и активировать его на полную мощность нельзя – она не собиралась, Балатье все равно будет настаивать на своем. Клариса понятия не имела, что делать, и судорожно искала выход. Решение пришло во сне. В те короткие пятнадцать минут, на которые все же уда-

лось сомкнуть глаза, она блуждала среди тумана и слышала голос, мелодичный, ненастоящий: «Убей машину... Подари жизнь».

Улыбнувшись собственному отражению, она вышла из дамской. Широкая лестница не реагировала на легкие шаги: ни стука, ни тихой вибрации под ногами. Пятьдесят две молчаливые ступени. Лестнице нет дела до переживаний и остатков уверенности, испаряющихся с каждой секундой. Клариса остановилась. Сверху лаборатория была как на ладони. Медицинские роботы шустро скользили от одного застекленного бокса к другому. Консоли мерцали разноцветными индикаторами, едва уловимый гул анализаторов напоминал шум прибора. Балатье рассматривал резонансный сканер, похожий на гриб-переросток, а Майкл увлеченно что-то рассказывал.

Клариса спустилась и одарила босса искренней улыбкой:

– Доброе утро. Правда, полезная вещь?

– Ничего не смыслю в подобных агрегатах, но форма весьма занятная. А будет ли утро добрым – зависит от вас, – монотонно ответил Балатье, продолжая рассматривать сканер.

– От меня ничего не зависит. Все, что нужно, наша команда сделала, теперь дело за подопытным.

Босс наконец оторвался от сканера и пристально посмотрел на Кларису. В его серых глазах мелькнуло удивление, будто она сказала что-то глупое и неуместное. Господин Балатье отличался редкой дотошностью и цинизмом, ино-

гда играл словами так, что даже правый в убеждениях оппонент превращался в полного идиота. Клариса выдержала этот взгляд с каменным лицом.

– Что может зависеть от Фантома? – с насмешкой спросил Балатъе. – В его голове не галактика в миниатюре, а всего лишь имплант. Пускай экспериментальный, но имплант. Не вижу проблем.

– Нейроусилитель и имплант для интеграции – разные вещи. Большую роль играет совместимость, и дело вовсе не в девайсе. Если сознание Фантома решит иначе...

– Ладно, я понял. Начнем?

Заслышав неизбежное «начнем», Клариса вздрогнула. Сколько она ни пыталась сдерживать эмоции и не волноваться, получалось плохо – сердце стучало, точно колокол церковного прихода в деревенской глуши, ладони потели. Совладать с собой стоило невероятных усилий. Улыбнувшись лучшей из улыбок, на которую только была способна, Клариса отдала распоряжение: подготовить оборудование.

Прозрачные стены медицинского бокса ловили отражение приборов и мелькающие силуэты людей, создавая иллюзию открытого пространства. Эластичные дисплеи облепили ближайшую стену, прикрыв вид на главный зал. В центре бокса стояла медицинская платформа, рядом капсула. Фантом внутри. Все так же опутан проводами и датчиками, пронизан трубками и модификаторами. Биогель из желтого превратился в темно-зеленый – таким бывает болото в непро-

глядной лесной чаще. Чтобы добиться того самого «болота», Клариса постепенно повышала концентрацию экс-фионов. Почти десять часов провозилась.

– Все готово? – спросил Балатье, нетерпеливо осматривая капсулу.

– Готово. Скоро получите своего идеального бойца.

Медики установили портативный реаниматор и подключили приборы. Клариса цеплялась за надежду на благоприятный исход, но против безжалостных фактов найти оружие сложно. Цифры не лгут. Результаты исследований говорили, что эксперимент провалится, подопытный не выживет. Если бы не спешка, если бы Балатье дал еще немного времени...

Собрав волю в кулак, Клариса решила:

– Начинаем откачку биогеля. Приготовить: стимуляторы, адреналин и проводники. Включить... – и тут голос дрогнул. – Господин Балатье, попрошу отойти. Ваше присутствие создает трудности.

Балатье понимающе кивнул и деловито прошагал к стулу подле сканера.

Тем временем жидкость в капсуле исчезала. Вязкая зеленая субстанция медленно сползала в желоб, оголяя незащитное тело. Вот она... Магия рождения. Возможность давать жизнь.

Биогель исчез, теперь подопытного удерживали лишь стальные опоры, торчащие из панели. Сейчас тело Фантома напоминало безжизненный манекен, идеально скроенный,

как изнутри, так и снаружи. Кларисе вдруг вспомнилась история Франкенштейна. Молодой ученый создал чудовище, а что создала она? Человека или машину? «Убей машину... Подари жизнь» – нашептывало подсознание во сне, и Клариса до сих пор сомневалась.

Створка капсулы скользнула вверх. Механические подпорки подхватили Фантома и бесшумно вытянулись, но Кларисе показалось, будто послышался стон.

Подопытный на платформе, датчики подключены.

– Доктор Елисеев, теперь ваш черед, – кивнула Клариса.

Реаниматолог склонился над Фантомом. Белый халат смотрелся на докторе, как на тремпеле, превращая его в тощий призрак.

– Показатели понизились на два пункта, – сообщил он. – Реакция на изменение среды и перепад температуры минимальны. Отключаем приборы искусственного жизнеобеспечения.

Медики столпились подле платформы и мониторов. Реаниматолог принялся осторожно отсоединять трубки, воткнутые в тело Фантома. Клариса подошла к голографу и активировала код, который дал ей доступ к нейроусилителю. «Активировать? Да / Нет» – выскочило на дисплее. Клариса подняла взгляд на Майкла, тот улыбнулся и кивнул, пытаясь приободрить. «Спассти его не удастся, но попытаться стоит. В моих силах подарить жизнь» – подумала Клариса и приняла сложнейшее решение.

«Активировать нейроусилитель на 35 % мощности. Блокировать функции для синхронизации» – ввела она команду и тут же удалила. Балатье не увидел, а Майкл ни за что ее не выдаст.

– Нейроусилитель активирован. Сигнал есть. Разгоняется, – словно со стороны она услышала собственный голос. Не ее голос. Чужой, хриплый. – Отключайте ЖТМ.

Отключено. Тишина. Клариса замерла, тело налилось свинцом. Ничего не происходит. Только приборы пронзительно пищат.

– Показатели падают, – заволновался реаниматолог. – Активность мозга минимальная. Сердечный ритм стремительно сокращается... Остановка. Дыхание отсутствует.

Медики снова забегали вокруг платформы. Побелевший Майкл переминался с ноги на ногу, наблюдая за дисплеями. Балатье нервно стучал пальцами по столу. Клариса глаз не сводила с Фантома.

– Подключите ЖТМ! – выкрикнула она.

Слишком поздно.

– Разряд! – дефибриллятор в руках врача громко щелкнул. – Дайте десятку! Десятку! Это для него как щекотка! Разряд! Еще разряд!

Приборы все так же пищали, а дисплеи констатировали губительное «ничего». Клариса побледнела, на лбу выступила испарина. В голове звучало только одно: «Ну же, давай... Вспомни, как это делать! Вспомни, как жить!»

– Есть! – выкрикнул реаниматолог. – Сердечный ритм восстанавливается, дыхание самостоятельное. Датчики показывают нормальную работу мозга и всех систем организма, – он обернулся и восторженно посмотрел на Кларису. – Поздравляю, доктор Риордон.

Персонал аплодировал, не жалея ладоней. Триумф должен был пролиться на самолюбие сладкой патокой, но Клариса осталась безразлична, все еще не веря в успех.

– Он дезориентирован. Приведете в сознание? – спросила она.

– Нет-нет, – реаниматолог почтительно поклонился и отошел в сторону, – это право принадлежит исключительно творцу – вам.

* * *

Словно из ниоткуда доносился оглушающий шум. Происходило это не здесь, а где-то далеко-далеко, за пределами кошмара, в котором он находился. И нет у кошмара ни начала, ни конца. Есть лишь горький привкус отчаяния, порожденный беспомощностью.

Он будто выбирался из бездонной пропасти, но снова и снова срывался в темноту. Бескрайняя пустота овладела рассудком. Он и сам был пустотой, был пропастью.

Резкая боль в груди. Вздох. Такой оглушительный... эхом отдавшийся в голове. Этот вздох не его. Он принадлежит

другому человеку, тому, кто может осилить пропасть.

Но как он ни старался вернуться, черное Нечто по-прежнему сжимало сознание. Чужеродное и неведомое – оно разбивает разум на осколки, а после магнитом собирает на свое усмотрение. Составляет картину мира, плетет узоры воспоминаний. Чужой мир. Чужие воспоминания. Для него осталась лишь темный уголок в собственном мозгу.

Но в темноте он не один. Голос звучит среди осколков сознания: «Вернись... Вспомни, как жить...» И чья-то рука настойчиво тянет, заставив того, кто может выбраться из пропасти, стать с ним одним целым и подчинить Нечто.

Постепенно сон начал испаряться, забрав с собой бездну. Он с трудом открыл глаза: все плыло, будто в тумане.

Из тумана возникла женщина с пепельными волосами. Он не знал ее, но лицо показалось знакомым. Оно было теплым и родным. Чем-то давно забытым, чем-то, чего у него никогда не было.

– С возвращением, Рэйн, – произнесла она и мягко улыбнулась.

Глава 3. ЗЕВС

Принадлежность и класс корабля неизвестны. Координаты неизвестны

Третьи сутки Рэйн сидел взаперти. На этот раз не было ни тюремщиков, ни решеток – он очнулся в каюте космического корабля, блуждающего где-то в бесконечной черноте. Из какого космопорта выпорхнул и куда направлялся стальной монстр – сложно даже представить. Единственное, что удалось определить наверняка, это тип корабля. Стоило щелкнуть первому кольцу преобразователя и пройти вибрации по корпусу – Рэйн понял. Всегда понимал. Он без труда смог почувствовать машину, даже не побывав на капитанском мостике, не видя списка ТТХ, не видя ничего, кроме стальных стен загадочной каюты. Это каравелла – звездолет двойного назначения, такие посудины облюбовали гильдии да частные корпорации. Высокая маневренность, преобразователь с усиленной тягой и возможность расширить арсенал. Неплохой корабль. Пиратская «Черная Бэтси» была такой.

Каюта оказалась просторной, однако назвать ее уютной язык не поворачивался – клетка она и есть клетка. Попытки взломать электронный замок или вывести из строя камеры видеонаблюдения закончились провалом – слишком мудреная система защиты, без хэндкома не обойтись. Обшивка сплошь из стали, вентиляционная решетка чересчур узкая.

Отсюда не выбраться.

Еду передавали в специальное окошко, которое тут же захлопывалось. Сперва Рэйн пытался задавать вопросы, но на них никто не отвечал. За массивной дверью будто вовсе не существовало мира, лишь немая пустота, и он оставил бесполезное занятие. Зато кормили, как в ресторане, а удобная кровать совсем не походила на откидные корабельные кушетки. С виду – белый матрас, но стоило лечь, как «матрас» оживал, принимал форму тела и посылал импульсы, которые снимали усталость. Как назло поводов для усталости не было. Но кое-что Рэйн все же оценил – гидробокс. В остальном походило на тюремную камеру. Только чтобы загреметь в такую, нужно быть богачом, а у него в карманах ветер гулял похлеще, чем бури в атмосфере Кавира.

Все это время Рэйн терялся в догадках. В какое дерьмо вляпался на этот раз? Как попал на корабль? Почему все еще жив? Последнее, что помнил: тюрьма и казнь. Потом – пустота, словно из памяти вырезали фрагмент, как вырезают неудачный дубль при монтаже фильма. Он пришел в себя в какой-то больнице семь дней назад, во всяком случае, так полагал. Медики ничего не говорили, лишь делали записи и проводили тесты. Когда Рэйн начинал о чем-либо расспрашивать, то получал дозу успокоительных и сил ворочать языком не оставалось. Однажды навестила доктор с пепельными волосами, та, чье лицо он видел во сне. Доктор сказала, что скоро все прояснится, нужно только набраться терпения.

Жаль, что больше она не приходила.

В безделье время превратилось в тошнотворную бесконечность. Из развлечений: пересчет шурупов в листах обшивки, отжимания да гидробокс. Перекинув через плечо полотенце, Рэйн прошел в застекленную кабинку. Привычки петь в душе он не имел, однако старая пиратская песня о Черной Бэтси, в честь которой когда-то назвал свой корабль, никак не шла из головы.

Самозабвенно Рэйн горланил незамысловатые слова:

Черная Бэтси, милая Бэтси,
Ты изгонишь печаль поцелуем,
Страстью шрамы излечишь в груди,
А на утро оставишь улыбку,
Но так и не сможешь уйти.

Вытянув последний куплет, он зажмурился и подставил лицо под хлесткие капли, представляя ливень. Но воображение почему-то сбоило, и вместо дождя, бьющего по обледеневшим тротуарам родного Лост-Сити, перед глазами всплыл «Бастион» и «Убойная».

Вроде бы приговор получил, вроде бы умер...

Зеркало запотело. Рэйн смахнул рукой конденсат и на всякий случай ощупал лицо. Нет, не умер. Больно свеж для покойника. Все тот же ежик черных волос, тот же небольшой шрам на левой скуле, и отметины на торсе никуда не делись. Вот царапины на груди от шрапнели, а вот пуля, которая при

первом штурме досталась. Справа, на уровне третьего ребра, длинный грубый шрам – поймал бронебойную в битве за долину Харт. На спине красными полосами рассыпалось напоминание о Кавире. Предложения медиков «подравнять» Рэйн упорно игнорировал. Каждый раз, глядя в зеркало, он думал об ошибках, и уроки войны навсегда отпечатались в памяти такими же глубокими шрамами.

Обмотав бедра полотенцем, Рэйн вышел из гидробокса. Только потянулся за одеждой, сложенной аккуратной стопкой на матрасе, как за дверью послышались быстрые шаги. Он прислушался: двое. Странно. Обычно шаги принадлежали одному и тому же человеку, который строго по расписанию приносил завтраки, обеды и ужины.

Окошко раздачи открылось, жалобно скрипнув. На стойке появился пакет с одеждой.

– Одевайся! – пробасило из динамика.

Рэйн опешил. Неужто перемены?

– Одевайся, – не унимался динамик.

Черные брюки с многочисленными карманами и футболка из мета-ткани пришлись впору. Рэйн надел куртку и с любопытством потерел пальцами рукав. Такую модель он видел лишь однажды, на адмирале. Черная матовая кожа с нано-пропиткой способна выдержать удар ножа, но качество куртки не удивило так, как стальной значок на груди: «ZEUS». Имя мифического бога громовержца могло дать ответы.

Дверь в каюту отворилась, зашипев гидравликой. В проеме появились двое вооруженных автоматами бойцов в сером камуфляже без шевронов.

– На выход, – скомандовал дылда, протягивая наручники.

– Опа-па... Снова на цепь?

– Мера предосторожности.

Стальные браслеты опостытели еще в «Бастионе». Нехотя Рэйн защелкнул наручники на запястьях, после чего под пристальным взглядом конвоиров вышел из каюты.

Его привели в просторный зал совещаний. Огромный круглый стол ловил отражение светодиодных ламп глянцевой поверхностью. Подле бортиков приютились красные кожаные кресла – новые, даже запах клея не выветрился. На стене бесконечным мерцающим полотном растянулась звездная карта. Без лишних вопросов Рэйн сел, взгляд прилип к карте. Маркировок нет, чекпоинтов нет. Ни черта нет. Для красоты повесили? Эстеты хреновы. Из зацепок лишь безымянная каравелла, значок да карта-муляж.

Рэйн хотел было спросить разрешения подойти к карте, как вдруг почувствовал, что корабль остановился. Системы заработали чуть тише, послышалось легкое «мурлыканье» маневровых. К месту назначения не прибыли – он сразу бы понял, что зашли в док, а значит – стыковка.

В томительном ожидании прошло пятнадцать минут, две немые тени с оружием по-прежнему стояли за спиной. Наконец массивная дверь бесшумно нырнула в стену. В зал во-

шли двое мужчин. Рэйн отметил, что с вариантом остановки не ошибся, на борту действительно появился гость. Среднего роста, худощавый, с лицом человека-невидимки. Ничем не выделялся. Ничем, кроме дорогущего костюма и галстука. Кто носит на борту корабля галстук? Только тот, кто не имеет никакого отношения к команде; тот, кто через несколько часов будет в другой точке ОСП и спешит настолько, что не беспокоится о смене одежды. Человек, который считает свое время бесценным. Рэйн был уверен: под пиджаком у незнакомца спрятана кобура с пистолетом.

Со вторым оказалось проще. Внешность довольно приметная: конопатый, волосы светло-рыжие и взгляд такой... эсгэбэшный, что ли? Только вместо черного тренча служителя закона на нем серая униформа капитана безымянной каравеллы.

Сопровождающий снял наручники и вместе с напарником скрылся за дверью. Поняв, что разговор вряд ли выйдет коротким, Рэйн поудобнее умастился в кресле.

– Капитан Аллерт, у вас, наверное, масса вопросов, – начал «костюм», усевшись в кресле напротив. Рядом плюхнулся рыжий. – Но оставим их на потом. Меня зовут Андре Балатье, это – майор Роб Кавило. Для начала вы должны знать, что стали участником специального проекта корпорации «Экзо матрикс». Кавило – ваш начальник, а я – куратор.

Слова заинтриговали. Однако ни жестами, ни мимикой Рэйн не выказал любопытства. Кто бы ни были эти двое, а

признаваться, что так быстро проглотил наживку, не стоит.

– Рад знакомству, – сухо ответил он. – Но вы, должно быть, что-то путаете, господа. Во-первых, я давно не на службе и не имею ни звания, ни корабля. Во-вторых, как-то упустил момент с участием в увлекательном проекте. После смерти с памятью туговато.

– Не надо сарказма, – отрезал Кавило. – Рискуешь прийти к концу, пропустив начало. Мы получаем лояльность, ты – ответы. Все просто.

– Уже перешли на ты? – удивился Рэйн.

– Я перешел. Вопросы тоже задаю я, – с нажимом проговорил майор. – Господин Балатье введет в курс дела, а спрашивать будешь, когда позволят.

Вводить в курс дела Балатье не спешил. С ленцой потянулся за бутылкой воды, открутил пластиковую крышку, но глотка таки и не сделал. Закрутил и снова поставил на стол, после чего заговорил:

– Корпорация «Экзо матрикс» – это новая эра, это будущее. И вам повезло стать ее частью, а конкретнее – частью проекта «ZEUS». Подробности здесь.

Портативный компьютер, размером с салфетку, скользнул по столу. Рэйн перехватил устройство и включил. Перед глазами замелькали проекции, потянулись гигабайты информации. Рэйн бегло читал, отщелкивая пальцем страницы. Сквозь прозрачные картинки и строки он наблюдал за куратором. Когда появился документ с грифом «Секретно»,

лицо Балатье ожило: легкая улыбка коснулась уголков рта, даже морщины будто бы исчезли. Рэйн ухмыльнулся. Теперь ясно, что куратор из РУ. Для разведчиков «секретно» – мантра, открывающая двери в иной мир.

– Проект «ЗЕВС». Исследования, силовые операции, промышленный шпионаж и даже георазведка, – бубнил Рэйн себе под нос, листая проекции. – Довольно обширно. Грубо говоря: утром в броне на войну, вечером при галстукe в офис.

– Мир меняется, – задумчиво обронил Балатье. – Система не совершенна, и вы прекрасно об этом знаете. ОСП захлестнули терроризм и локальные войны. Эспиритуалы поддерживают силы Сопротивления, сея панику, а инквизиция не успевает отлавливать проклятых террористов. Первые колонисты прикрываются правами человека, а по сути, занимаются сепаратизмом. Человечество должно быть едино, иначе нас поглотят. Иные расы только и мечтают о промахе, ждут, когда смогут превратить ОСП в придаток к собственным колониям.

– А сильные мира сего уже не справляются?

– Политики не всемогущи, а демократия не панацея.

– Никогда не верил в демократию, – усмехнулся Рэйн и перевел взгляд на майора. Тот сидел с каменным лицом, но в хитро сощуренных глазах читалась явная неприязнь. Только и ждет момента, чтобы задеть.

– Да-да... – кивнул Балатье. – Демократия – кость в горле; костыль, примотанный к ногам человечества. Что до корпо-

рации, то «Экзо матрикс» в костылях не нуждается. Мы – щит. Мы – архитекторы будущего. Конечно, звучит немного пафосно, но зато правдиво.

– А в чем моя роль? Я не ученый или аналитик. В георазведке и промышленном шпионаже ни черта не смыслю. Никогда даже не думал о таком.

Майор хмыкнул.

– Не надо думать, Аллерт. От этого головные боли случаются, – обжег он взглядом. – Думать будем мы с куратором, а твое дело выполнять приказы. У вас в ВКС ведь так заведено?

Рэйн едко ухмыльнулся. Кавило изучил его досье из ВКС и теперь собирается припомнить Разлом-13: давить на болевые точки, унижать и втоптывать в грязь – вполне в духе эсгэбэшников. Повезло с начальником, ничего не скажешь.

– Что поделать, издержки профессии, – парировал Рэйн. – Именно поэтому я уволился со службы.

– «Уволился» или «дезертировал»? – испытывающе прищурился майор.

– Кому как удобно.

– Капитан, – поспешил встрять в перепалку Балатье, пока никто из них не поднес спичку к канистре с бензином, – ваша задача: отстоять корпоративные интересы там, где нужна грубая сила. Вы получите специальный корабль и взвод бойцов. Скучно не будет, обещаю. Но есть еще кое-что...

Балатье умолк на полуслове. Взгляд сделался задумчи-

вым, словно он решал: стоит ли говорить дальше, и Рэйн понял, что сейчас услышит нечто из файла с пометкой «Секретно».

Погоняв мысли с секунду, куратор продолжил:

– Месяц назад один из наших рейдеров взял курс на дозаправку к исследовательскому краеру «Хоуп», в системе Тау-Рис. Когда они прибыли по координатам, то обнаружили кое-что странное. На запросы «Хоуп» не отвечал, просто дрейфовал в космосе, будто разом отказали все системы. Ребята решили проверить. Прыгнули в скафандры, взяли в руки лазерный резак. Как думаете, что они там обнаружили? Трупы, Аллерт. Сто восемьдесят человек превратились в гниющую биомассу. Оторванные головы, выпущенные кишки... Мы до сих пор не знаем, кто это сделал. Или что это сделал. Но справедливость должна восторжествовать, и проект «ЗЕВС» создан как раз для таких случаев. Мне удалось вас заинтересовать?

– Но почему я? – спросил Рэйн и тут же осекся, поняв, как тупо прозвучал вопрос.

– Вы идеально подходите для этой работы. Служба в ВКС, отличные боевые навыки и незаконная деятельность весьма интересна. Пиратство дало вам то, чего не даст ни одна академия. Найти профессионала не так-то просто, а в определенных кругах вы настоящая знаменитость. Наемник с кодексом чести. Сколько вы оставили трупов по дороге в «Бастион»?

– Не считал. Но, думаю, вы знаете ответ.

Балатье радушно усмехнулся:

– Не, вы гляньте, Кавило! Мне нравится этот парень! Расчетливый, хладнокровный, а главное – фанатик справедливости. Сработаемся.

Майор выдавил подобие улыбки и вяло кивнул. Балатье передал Рэйну еще один файл. Проекция застыла над столом, четкие контуры отразились на черной поверхности. Досье. То самое: заботливо состряпанное Чавесом, заученное судьей Зала Правосудия и похороненное в архивах «Бастиона». Список статей, имена жертв, показания и формулировка приговора. В прикрепленном файле видео казни из «Убойной», а в верхнем правом углу мигала красная надпись: «Закрыто».

А было это год назад.

Год?!

Рэйн понял, что сидит, отвесив челюсть, как полоумный, и метнул вопросительный взгляд на куратора. Тот понимающе кивнул и ответил:

– Сыворотку смерти подменили на весьма удачную имитацию, кремировали тело неизвестного. Затем вас доставили в лабораторию корпорации. Правда, пришлось кое-что сделать. Модификации, так сказать.

– Что за модификации? – настороженно спросил Рэйн, боясь представить, что за это время наколдовали.

– Восстановили поврежденные органы, укрепили скелет.

В силе и ловкости только выиграете, да и любой сканер обойдете. Официально вы мертвы. Ни одна система не определит ДНК-маркеры, ни одна программа по распознаванию лиц не вычислит. Вы другой человек, Аллерт.

Не дав переварить услышанное, Кавило подсунул еще один файл.

– Мы подобрали команду. Здесь подробные досье, возьми и кратко ознакомься.

Снова проекции. Ничего не говорящие имена и такие же лица. Рэйн листал файлы, а мысли витали где-то в космосе; стремились к звездам, застревали в бесконечной пустоте и растворялись среди мириад далеких миров.

Как и попросил майор, он ознакомился с досье кратко. Слишком кратко.

– Не годится, – Рэйн посворачивал проекции, файлы упали виртуальной стопкой на стол. – Предпочитаю подбирать команду сам. Я должен знать, с кем иду в бой, и кто спину прикрывает. По-другому вряд ли договоримся.

– Мы не торгуемся, – остудил Кавило. – Эти люди – профессионалы. Так что перестань набивать себе цену. Кстати о цене. В корпорации не поскупятся, жалование будет достойное. Но это мелочь по сравнению с тем, что благодаря «Экзо матрикс» ты сидишь здесь, а не витаешь где-то в виде праха. Поэтому рекомендую отбросить претензии и проявить уважение. Как начальник и вышестоящий офицер, я требую соблюдения субординации и безукоризненного выполнения

приказов. Это не пиратский клан и не ржавая посуда на контрабандой. Ясно?

– Так точно, – без энтузиазма отчеканил Рэйн, согласившись с доводами майора. Особенно в части: «достойное жалование» и «не витаешь где-то в виде праха».

– Рад, что мы друг друга поняли.

Повисла пауза. Рэйн подумал, что разговор окончен, и ждал, когда снова отправят в каюту-камеру. Или не отправят?

– Капитан Аллерт, – в голосе Балатье скользнула деланная любезность. – Пролистайте досье до конца, там не все так ужасно.

Рэйн снова потянулся к файлам. Мелькали проекции, пестрили буквы, и он быстро отщелкивал пальцами страницы. Остановился. Увеличил, не поверив собственным глазам. Из досье смотрела знакомая физиономия с квадратной челюстью, белобрысыми бровями и таким же ежиком. Не просто смотрела, а ухмылялась в тридцать два зуба. Макс Фрей!

Завидев давнего товарища, Рэйн невольно расплылся в улыбке.

– Хм... за Фрея спасибо. Я ваш с потрохами.

– Договорились, – обронил Балатье, сделав вид, будто от ответа что-то зависело. – Кстати, чуть не забыл. Как вы относитесь к корветам?

– Люблю корветы.

– Тогда знакомьтесь, это ваш корабль. «Зевс».

Над столом всплыло изображение обещанного корвета, и в этот миг что-то сжалось в груди. Кольнуло, заскребло. Тоска по космосу сделалась почти невыносимой, болезненной. Словно одурманенный, Рэйн смотрел на проекцию. Корабль гордо парил рядом, выбросив синий след от преобразователя. Крылья, спойлеры, установки... Идеален. Только протяни руку, возьми проекцию и увидишь капмостик, почувствуешь вибрацию под ногами, услышишь рев двигателя.

Рэйн жадно ловил взглядом каждую деталь. И хотел бы расспросить о характеристиках да боевых возможностях, но получилось только:

– Охренеть...

Станция-верфь Гром, зона ответственности планеты Крон, ОСП

Два дня назад каравелла прибыла на станцию-верфь Гром. Сойдя в полупустом доке, Рэйн рассмотрел красно-черную надпись на фюзеляже. «Дивайн» – имя корабля, а рядом логотип, кричащий о принадлежности «Экзо матрикс». Стилизованную под небоскреб букву «М» пересекал изгиб, напоминающий очертания планеты, а под ним светилось «Экзо». «Мы стираем грани» – амбициозный слоган, который пришлось запомнить, чтобы приобщиться к корпоративным ценностям. Чем конкретно занимались в корпорации, Рэйн так и не понял. Занимались всем: от судостроения

и разработок оружия, до медицины и производства никому ненужных чекеров.

За время, проведенное на станции, Рэйн просмотрел терабайты данных, любезно подброшенных Балатье. В отличие от майора Кавило, куратор не считал, что мозг ВКСника размером с молекулу, и на сведения не поскупился. Рэйн поглощал информацию с одержимостью фанатика, слушающего проповедь. После мнимой смерти разум походил на пустой кварцевый накопитель и знания послушно оседали среди обрывков прошлой жизни. Он детально изучил потенциальные угрозы, ознакомился с новинками техники и оружия. В «Экзо матрикс» толк в таких вещах знали. Хотя разработки и были лишь модификациями существующих прототипов, но в личном списке Рэйна Аллерта перекочевали в категорию «годная штукавина».

Незримый динамик хэндкома разразился аккордами бас-гитары, оторвав от проекций. Рэйн глянул на дисплей хромированного браслета: мерцал запрос связи.

– Свернуть файлы. Выйти из системы, – скомандовал он компьютеру.

Проекция закрутило вихрем, унеся в корпоративную сеть. Без цветных изображений тесный кабинет превратился в унылую жестяную коробку. Через секунду в углу появилось кресло, в котором развалился виртуальный майор Кавило, что тоже не делало кабинет краше.

Завидев собеседника, Кавило едва заметно кивнул.

– Приветствую, майор, – ответил Рэйн, решив, что слабый кивок означал «доброе утро». – С файлами почти закончил. Завтра перейду к чудесам георазведки.

– Отставить. Зря время теряем, профессором все равно не станешь. Есть вещи посерьезнее. Через полчаса ты должен быть в доках. Седьмой терминал.

– Указания?

– Примешь командование «Зевсом».

При упоминании корвета Рэйн едва сдержал довольную ухмылку. Да, вникал в детали, штудировал цифры, но на самом деле – ждал.

– Главный инженер Владимир Лавин расскажет о корабле и представит команде. Потом тестовый полет. Пятьдесят летных часов хватит?

– Хватит двадцати.

– Хорошо. Если закончите раньше, то оставшееся время проведете с пользой. Отправлю в симулятор на разминку. Выполнять, – приказал майор и растворился облаком пикселей.

Прихватив со стола кобуру, в которой дремал новехонький «дастэр», Рэйн охотно вырвался из порядком надоевшего кабинета. Tактическая кобура с щелчком прилипла к ремню, спрятав под курткой оружие. Длинный серебристый ствол, удобная рукоятка, вес в полтора килограмма и высокая точность превращали пистолет в идеального товарища. Сколько Рэйн себя помнил на службе, он всегда придиричиво

выбирал оружие; искал нечто особенное – изюминку, искру. С «дастэром» повезло. Стоило лишь сжать шершавую рукоятку, как пистолет будто стал частью тела, которую уже не оттяпать.

Рэйн быстро шагал мимо закрытой зоны сброса отходов, не особо глаза по сторонам. Станция-верфь Гром – неудачная помесь бункера и открытого пространства. Стальная шкатулка, висящая в космосе; ни банального купола над головой, ни голограммы, хотя бы отдаленно напоминающей небо. Тонны сплава из стали, нанопластика и бетона. Каждые двести метров попадались стеклянные энергоколбы, походившие на гробы в захудалой ритуальной лавке. Внутри клубился светящийся синий туман, превращая колбы в яркие пятна. На фоне железа и труб их можно было счесть произведением искусства, и Рэйн считал, что ничего интереснее в этом секторе станции не увидит.

Пока не попал в седьмой терминал.

Вместо привычных железяк взгляду открылся огромный ангар с черными зеркальными стенами, таким же полом и потолком – столь высоким, что не понять, где заканчивается творение человека и начинается вакуум. С любопытством Рэйн застыл у стены. Полосы света играли переливами на поверхности, видна арка входа за спиной, силуэты прохожих и табличка-указатель, но не он. Отражения нет.

Рэйн осторожно коснулся черного зеркала, боясь, что рука пройдет насквозь и выяснится, что он – призрак, застряв-

ший в иллюзорном искривлении континуума, а события последних дней – лишь игра погибшего разума.

Бред. Под пальцами оказалась идеально гладкая, холодная поверхность.

– Это композит. Сплав нано... – раздался хриплый голос за спиной.

Не успел незнакомец тронуть Рэйна за плечо, как получил сильный толчок в грудь, и глядящее в упор дуло «дастэра».

– Э-э-э... я... – попятился побледневший «колобок», подняв руки.

Коренастый мужик с густой бородой и наметившейся сединой. Не толстый, как показалось, но живот выпирал прилично – любовь к пиву под кителем не спрячешь. На груди поблескивал сталью значок «ZEUS».

Рэйн чертыхнулся и убрал пистолет.

– Простите, задумался. Рефлекторно получилось.

– Ничего-ничего, – пробормотал незнакомец, обтирая рукавом лоб. – Сам виноват, надо было окликнуть, а не подкрадываться. Вы – Рэйн Аллерт? Не ошибся?

– Он самый.

– Меня зовут Владимир Лавин, главный инженер, – бородач неуверенно протянул руку. Получив крепкое, почти дружеское рукопожатие, улыбнулся.

– Рад знакомству. Так что вы говорили о нано-композите?

– Не нано-композит, а инновационный композиционный...

– Не-не, давайте-ка попроще. И покороче.

Лавин засопел, задумчиво почесав бороду.

– Если проще, то вокруг нас сверхпрочный материал, с виду похожий на стекло или зеркало. Улавливает свет и токи. Есть возможность интегрировать матрицы.

– Почему только в седьмом терминале?

– Опытный образец. Первая партия оказалась не по карману покупателям, вот и распихали что куда. Идемте, познакомлю вас с «Зевсом».

Инженер шустро зашагал по длинному коридору терминала, больше походившему на тоннель, ведущий в зазеркалье. Рэйн шел следом. Мимо сновали люди, все как один в серой форме, с пустыми взглядами, прилипшими к интерфейсам хэндкомов. Ближе к выходу людишки поредели. О том, что перед ними дверь, Рэйн догадался не сразу – такое же черное зеркало, в котором ничего не отражалось, кроме ламп. Над головой мигала красная надпись: *«Герметично. Выход в док»*.

Владимир приложил большой палец к сканеру. Издав писклявую ноту, тот разрешил доступ, и двери разъехались в стороны.

Пораженный терминалом с необычным «стеклом», Рэйн ожидал увидеть в пропускной зоне что угодно: энергетический барьер, перешагнув который он попадет на корабль; сверхкрутой лифт, что с бешеной скоростью бросит прямо в шлюз «Зевса»; на худой конец – челнок.

Разочарование выбило из груди вздох.

Перед глазами обычный предбанник с белыми стенами, обшитыми древним изоволокном. На стойках висели скафандры, в углу жался маленький бот-ремонтник с безвольно повисшими механическими щупальцами. По внешнему виду аппарата Рэйн понял, что тот ему в прадеды годится. Скорее всего, за дверью простой телескопический трап, ведущий к корвету. Вот и закончились нанотехнологии, чтоб их.

Владимир сделал вид, будто не заметил хмурого взгляда, и предложил открыть дверь к трапу. Рэйн нажал тугую зеленую кнопку, створка с шипеньем скользнула влево.

Рэйн остолбенел. Сердце громко стукнуло. Трапа нет...

...за порогом открытый космос... Сейчас вышвырнет наружу и...

Рефлексы, вколоченные бесконечными тренировками, возобладали. Он вцепился в поручни так крепко, что костяшки заныли. Задерживать воздух в легких нельзя – разорвет декомпрессией; нужно медленно выдохнуть и закрыть проклятую дверь; дать системе восстановить давление. Однако через долю секунды Рэйн осознал: это не вакуум. Тысячи раз он видел губительную красоту космоса, сотни раз ощущал холодную близость, но сейчас ошибся. Перед ним невидимый трап.

Поняв, что выглядит полным дураком, он усмехнулся.

– Отличный фокус, Владимир. Как вы это провернули?

– Все тот же наноконпози... – инженер осекся. – Простите, то же «стекло». Трап состоит из подвижных сегментов, которые меняют свойства благодаря нанитам. Если хотите, могу убрать прозрачность и сделать матовым. Можно цвет поменять. Да хоть зеленый луг изобразить!

– Нет, оставьте, – ответил Рэйн, шагнув в темноту.

Одно дело стоять на смотровой площадке, наблюдая черную прерию, другое – идти по абсолютно прозрачному трапу. При каждом шаге от подошв ботинок расходились мерцающие круги. Над головой сомкнулось газовое облако, пестря оттенками синего и фиолетового. По обе стороны трапа светились холодные звезды. Под ногами бездна.

Но Рэйн не замечал.

Взгляд магнитом притянуло туда, где застыл «Зевс».

Флот ВКС с хвалеными эсминцами и могучими дредноутами; лучшие лайнеры и крейсера гильдий – лишь железные лоханки, что смастерили конструкторы, забыв вложить душу. Ему же открылась настоящая, живая красота. Впереди парил венец судостроения. Все, что когда-либо создал человек, по ошибке назвав «корветом» – жалкие пародии. Истинный корвет перед ним. Это даже не корабль. Это дракон из древней сказки. Огромный для своего класса, он занял почти весь док, величественно раскинув крылья. Спойлеры подняты, орудия и установки зловеще поблескивали, намекая на скрытую силу.

Рэйн шел вперед, не сводя глаз со стального чудовища.

Между ними сто метров, не больше. Время словно превратилось в бесконечность, и каждый шаг отнимал полжизни. Позади плелся Лавин, бормоча о возможностях установок – Рэйн не слушал. Лишь сейчас он понял, как давно не летал. Сердце учащенно забилося в предвкушении рева двигателей и гула систем. Перед глазами всплыла карта галактики со звездами, скоплениями и туманностями. Хотелось послать к чертям инженера с его экскурсией и рвануть на капитанский мостик.

– Добро пожаловать на борт, – гордо выпятил грудь Владимир.

Внутри «Зевс» оказался не хуже, во всяком случае, разницы с проекцией Рэйн не заметил. Вместо грузового отсека большой ангар, которым обычно комплектовали эсминцы. Единственные обитатели огромного нутра – десантный шаттл, ожидаемо именуемый «Молнией», и пара боевых роботов. Железный гигант – СК 2000 по классификатору, или «Голем» на сленге вояк – был пристегнут крепежами к стене, на каждой из мощных рук красовалось по пулемету. Меньший собрат – универсальная установка с четырьмя механическими лапами – «Цербер». Внешним видом походил на пса, только дружелюбия от такой машины не жди.

Лавин с упоением рассказывал о «Зевсе», и Рэйн проникся симпатией к свернутому на железяках инженеру. Володя не страдал притворством, говорил что думал. А думал он сугубо о технике.

Кое-как отделавшись от рассказа о трех уровнях корвета и съемном модуле, Рэйн проскользнул в оружейку. Сотни ящиков, разборочные столы с инструментом и стойки с оружием. Он не поленился и заглянул в каждый бокс. Здесь все, о чем мог мечтать боец: от оружия ближнего боя до крупнокалиберного. Брони и девайсов тоже хоть отбавляй. Руки чесались опробовать новые игрушки, но время поджимало, и Владимир потянул к следующему шлюзу.

– Это первый инженерный отсек, – объявил он.

Рэйн бегло окинул взглядом стандартную начинку. За время, что пришлось ждать, он успел изучить проекцию корвета вдоль и поперек. Знал длину и ширину каждого отсека или шахты, запомнил мельчайшие подробности и мог бы с закрытыми глазами сделать чертеж.

– Хотел спросить, – Рэйн почесал в затылке, обнаружив пробел в знаниях. – Первое: почему на «Зевсе» охладители стоят в носовой части? И второе: зачем дополнительный модуль нацепили?

– Господин Аллерт, мы решили...

Рэйн не дал договорить:

– Капитан Аллерт. Повторюсь, ка-пи-тан.

– Простите, капитан, – запыхтел Владимир. – Еще не привык. Я человек гражданский, все время на заводах да в бюро провел. Так бы и дальше просидел, если бы не «Зевс». Это не корабль, это – шедевр! Ради такого можно отказаться от спокойной работы.

– Понимаю, – кивнул Рэйн. – Так что с охладителями?

– Точно! Охладители! – инженер растянулся в улыбке, седоватая борода нелепо дернулась. – На стадии проектирования решили создать удвоенный ангар. Грузовой отсек поместили в хвосте, а охладители перенесли на нос. Инновационная система отлично справляется, двигателям хватает с избытком. Правда, пришлось потеснить генератор щитов... Зато появилась возможность их разделить. У этой разработки нет аналогов.

Володя тараторил, размахивая руками, будто дирижер у партитуры. Рэйн восторга не разделял. В его понимании генератор щитов должен быть там, где ему положено, а слово «инновационный» и вовсе напрягало.

– То есть в первом же бою мы опробуем сомнительную новинку?

– Нет, вы не так поняли, – буркнул Лавин. Стоило лишь посягнуть на совершенное творение, как инженер растерял запал. – Проведены испытания. Броня и щиты явно улучшены, а энергетический экран...

– Расслабьтесь, это я так шучу. С юмором беда. Пора заканчивать с экскурсией, у нас еще встреча с командой.

– Но вы не познакомились с «Зевсом»!

– А полчаса блужданий по отсекам как называется?

– Разве вам не сказали? Я думал... – Владимир замялся.

Взгляд растерянно заметался по сторонам.

– Отвечайте на вопрос.

– «Зевс» оснащен новейшей модификацией искусственного интеллекта. Корабль, как бы... живой. ИскИн «Зевса» будет вашим старпомом. В принципе, он способен выполнять функции капитана, и... – Владимир умолк, решив, что ляпнул лишнего.

– И? – Рэйн не сводил тяжелого взгляда с инженера, заставив того нервно переминаясь с ноги на ногу. – Продолжайте, Лавин. Продолжайте.

– ...изначально так и планировалось, – наконец выдохнул тот.

Последняя фраза будто молотом по голове стукнула, напрочь выбив остатки эйфории. ИскИны на кораблях – дикость. Электронным мозгам можно доверить разве что управление системами в каком-нибудь отеле. В военном деле им не было места, даже на гражданских судах не применяли. Человечество столетия назад дотянулось до звезд, колонизировало десятки миров, а создать полноценный искусственный интеллект, которым грезили фантасты, так и не смогло. Неужели это удалось «Экзо матрикс»? Судя по тому, что Рэйн сейчас услышал – да. Хуже всего то, что в корпорации ему не доверяют, и в случае малейшей оплошности легко заменят ИскИном. Первым прототипом.

По спине прошелся мерзкий холодок. С трудом Рэйн выдал ухмылку:

– Ладно, знакомьте со своим «живым кораблем».

Владимир не стал тянуть и ввел на хэндкоме код, активи-

рующий сверхмозг идеального корвета.

– Зевс, хочу представить тебе капитана Рэйна Аллerta, – Владимир задрал голову, обращаясь к невидимому собеседнику. Смотрелось глупо. Рэйн было усомнился в психическом здоровье инженера, сам-то он привык к нейросети, реагирующей на движение глаз и отношения к ИскИнам не имеющей.

– Приветствую на борту, капитан Аллерт, – ответил Зевс. Настал черед усомниться в собственной адекватности. Рэйн мотнул головой, стараясь отогнать надоедливые глюки.

– Какого хрена?! Почему «Зевс» говорит голосом известной порноактрисы?!

– А, это. – Отмахнулся Владимир, не обращая внимания на томные придыхания «Зевса». – Фишка от разработчика. Автограф, если можно так выразиться.

– Опа-па... Смотрю, в «Экзо матрикс» одни шутники работают. Создать полноценный прототип ИскИна и запихнуть в него элемент порнушки... Так себе юмор. Смените настройки.

– Мои голосовые настройки нельзя изменить. Как и все остальные. Вы скоро привыкните, – промурлыкал «Зевс».

Рэйн шумно выдохнул. Сознание отказывалось стыковать картинку грозного корвета с одной из девиц «Порнодэйз».

– И как к тебе обращаться? Он? Или Она? Может, Оно?
– Это не имеет значения, капитан Аллерт. Важен лишь ваш психологический комфорт, – томные нотки кокетства

снова разлились по отсеку.

– До психологического комфорта далековато, нервный срыв поближе. Ладно. Будешь – Она. Хотя «Зевс» и не женского рода, но так удобнее. Владимир, как отключить эту штуковину?

– Никак. Это же искусственный интеллект. Когда закончите беседу, он, вернее, Зевс – она, поймет. Как в обычном разговоре, между обычными людьми.

– Думаю, сравнение не уместно, но я понял. На чьи запросы он... черт, – Рэйн выругался себе под нос. – На чьи запросы реагирует ИскИн?

– На ваши, мои и пилота. Остальные пользуются терминалами. Можете расширить круг лиц, если пожелаете. Можно и вовсе снять ограничения на общение, достаточно лишь сказать ей об этом.

– Пусть так останется.

– Хорошо. Идемте в центр управления, команда уже в сборе, ждут.

По дороге к центру управления Рэйн не мог отделаться от навязчивого ощущения дежавю. Под шелухой из восхищения и любопытства он не сразу его распознал. Странное чувство охватило, стоило пересечь стыковочный шлюз «Зевса». Он будто бывал на борту, стоял на капмостике, и теперь это лишь ненужный повтор.

Но куда больше предчувствий волновал ИскИн.

Электронным мозгам ничего не стоило счесть его приказы

неудобными, и тогда в корпорации решат, что ошиблись; что капитаном должна стать машина. Сюрприз хоть и упаковали достойно, а гнилью несло за сотню парсеков. А команда? Тоже подарочек? На корабле может быть только один капитан, и Рэйн не собирался уступать работу мечты какому-то ИскИну. Конкуренентов он не терпел. Избавиться от сверхмозга вряд ли удастся, а вот доказать, что прототип не совершенен и облагается при первой же возможности, в его силах.

– Мы никуда не идем, – окликнул Рэйн инженера, когда тот уже вызвал лифт.

Владимир непонимающе вытаращился.

– Возвращаемся в док, – добродушно улыбнулся Рэйн.

– Как в док? А знакомство с командой? – опешил инженер.

– В док, Володя, в док.

Глава 4. Неверный алгоритм

Корвет «Зевс», док станции Гром

За стеклом смотровой площадки раскинулась бесконечность, где играли переливами туманности и горели холодные звезды. Глядя на непостижимую черноту, Веда Райли всегда чувствовала себя бесполезной пылинкой. Космос завораживал.

В детстве отец часто водил ее на Утес Верди, где далеко внизу вздымались волны океана и кричали чайки. Стоя на обрыве скалы и глядя вниз, Веда боялась, что прыгнет – столь манящей была высота и аквамариновые воды. Сейчас она испытывала нечто похожее. Космос притягивал, точно магический артефакт, и где-то глубоко внутри зарождался древний ужас перед могуществом непознанного.

А ведь «Зевс» все еще стоял в доке, и справа виднелись гигантские стальные платформы, на которых застыли шаттлы; бок станции Гром щетинился манипуляторами и длинными стрелами кранов. Что же будет, когда корабль устремится вдаль? Полетов Веда побаивалась. За свои неполные двадцать семь лет жизни она побывала всего на пяти кораблях, и всегда старалась не разгуливать по отсекам, не смотреть в иллюминатор. Обычно запиралась в каюте и, наглотавшись снотворного, погружалась в безопасный мир красочных сновидений.

Сегодня все изменилось.

Назначение на «Зевс» – шанс сделать карьеру в корпорации «Экзо матрикс», который ВEDA не собиралась упускать. Придется научиться принимать жизнь на корабле как данность. Смириться с тем, что за стальными переборками смертельно опасный вакуум, а кругом полно чужих людей, по собственной воле запертых в брюхе механического монстра.

Первый рабочий день на новом месте всегда был для Веды испытанием. Почему-то казалось, что она не так одета, не так причесана или скажет что-то лишнее и все ополчатся на «новенькую». Переживания не были беспочвенными. Для человека, читающего чужие мысли, реакция коллег никогда не была тайной. Не сразу ВEDA научилась пропускать пустое мимо, поэтому не успела обзавестись друзьями – не хотела ничьей близости. Близкие люди ранят слишком больно, чаще – смертельно.

Погрузившись в мысли, она не услышала шагов позади и, когда плечо сжало что-то холодное и тяжелое, вздрогнула от неожиданности.

– Извини, не хотел напугать, – весело пробасило за спиной.

Макс Фрей держал ее за плечо стальной ручищей и улыбался. Нагло, обескураживающе. Росту в блондине два метра, если не больше, под черной футболкой бугрились мышцы, правую руку заменял протез. Вопреки грозному виду и

пестрящему кровавыми боями досье, Фрей совсем не походил на бездушную машину для убийства. Его выдавали глаза – добрые, озорные.

– Не надо. Меня. Трогать. – С нажимом проговорила Веда, покосившись на механические пальцы. Блондин мигом одернул руку, но даже не подумал сконфузиться. Сложил брови домиком и улыбнулся.

– Чего возмущаться? Я же извинился. Вообще не соби-рался никого трогать, просто мимо проходил. Смотрю, стоишь одна, скучаешь. Вот и решил лясы почесать. Почему не на совещании?

– Не могу сидеть в духоте. В зале слишком много людей, у меня от шума голова разболелась. Час ждем, а капитан так и не появился. А почему ты здесь?

Здоровяк рассмеялся.

– Офицерский галююн исследовал. Он больше моей каю-ты, представляешь?

Ответила Веда раздраженным вздохом. Чувство такта и Фрей – явно по разные стороны баррикад.

– Макс, ты не знаешь, где капитан? Странно, что всех со-брали для знакомства, а знакомиться не с кем. Он ничего не говорил?

– Аллерт мне не докладывает. Ничего не знаю.

Конечно же знает – отметила про себя Веда. Жаль, что по-хорошему ответить не хочет, информацию придется вы-тягивать.

– Разве? – изобразила она удивление. – Вы же друзья. Служили вместе, через многое прошли. Или я ошибаюсь?

Мелодичные фразы слетали с губ, здоровяк завороченно вслушивался в каждое слово. Сейчас он переключится на нужную «волну», подумает о капитане и бессознательно выдаст все как на духу. Без труда Веде удалось проникнуть в его мысли – Макс столь простодушен, что даже не собирался сопротивляться. Вряд ли он вообще что-то понял. Она скользнула в вихор мыслиформ, сбрасывая шелуху, чтобы найти ответ; коснулась глади его воспоминай, плавно вильнула в настоящее...

Увиденное шокировало. Веда ощутила, как полыхнули щеки.

Минуту назад здоровяк мысленно сорвал с нее форму и по-хозяйски перегнул через парапет. В своей немудреной фантазии Макс опустил скучные прелюдии и сразу перешел к делу. Захваченная врасплох жертва восхищенно охала и стонала, подбадривая героя грязными пожеланиями.

Жар добрался до кончиков пальцев. Веда стала пунцовой с головы до пят, а уши и вовсе горели огнем. Захлебнувшись возмущением, она выпалила:

– Отвали! – и как ошпаренная бросилась к дверям. Ничего непонимающий Макс окликнул, но она и не думала обращаться.

В зале совещаний не протолкнуться. Пахло озоном, щедро подаваемым системой климат-контроля, и чьим-то рез-

ким, приторно-горьким парфюмом, от которого тянуло чихнуть. Экипаж обменивался шутками и впечатлениями, но с каждым скачком секундной стрелки бодрое настроение сдувало куда-то в шлюз. Посреди зала стоял большой стеклянный стол с проекцией звездной карты. Кресло во главе пустовало – никто не решался усесться на место капитана. Похоже, сам капитан тоже не собирался.

Веда заметила, что каждый мужчина в зале нет-нет да бросал масляный взгляд на Бьянку. Девушка сидела рядом с пустующим креслом и не обращала внимания на интерес к своей персоне. Не без толики женской зависти Веда отметила, что в жизни она еще привлекательнее, чем на снимках из досье. Темноволосая, с выразительными карими глазами, которые становились черными, точно угли, когда на брови падала косая челка. Девушка походила на топ-модель, по ошибке забредшую на боевой корвет вместо подиума.

Находиться рядом с Бьянкой – значило превратиться в невидимку для остальных. Кто заметит бледную тень? Дурнушкой Веда себя не считала, за мужским вниманием тоже никогда не гналась, но почему-то сейчас отошла в сторону, чтобы не превратиться в ту самую «невидимку». А когда поняла, кто сидит прямо перед ней – остолбенела.

Инквизитор. Охотник на эспиритуалов.

Жалкие крохи самообладания, которые Веда гордо называла уверенностью, испарились, хотя поводов бояться не было. Александр Веласкис больше не служитель Ордена, он да-

же не имеет права расспрашивать о паранормальных способностях. Тем не менее, страх креп. Это чувство в крови у таких, как она, – у эспов, у проклятых.

– Присаживайся, – инквизитор встал, уступив место. Тень улыбки промелькнула на гладко выбритом лице. Вопреки ожиданиям у него оказался тихий, мягкий голос – такой можно слушать часами, хотя Веда понимала, что это лишь видимость. Вряд ли на допросах Веласкис был таким же доброжелательным. Подобная маска годилась для проповедей, а в казематах инквизиции он с удовольствием носил рясу палача.

Поблагодарив вымученной улыбкой, она напряженно опустилась в кресло.

– Сколько нам здесь торчать впустую? – раздалось в зале.

– Действительно? Дел по горло, а мы стены подпираем, – подхватили в другом углу.

– Спокойно, – жестко отрезал Дрейк. Сборы объявил именно он, и теперь претензии сыпались на голову оперативника, словно град в ненастье. – Будем сидеть, сколько потребуется. Приказ старпома.

– Ты хотел сказать: приказ жестянки? Мы должны слушать бред, который через динамики выплюнули?

Искры оказалось достаточно. Бойцы зароптали, обсуждая, кто прав, а кому стоит заткнуться и больше не блистать остроумием. Поднявшаяся волна негодования, грозила перейти в цунами корабельного масштаба. На перепалку Веда не об-

рацала внимания. Она здесь для того, чтобы узнать мысли команды, понять мотивы, следить за каждым шагом. Меньше всего в корпорации хотели ошибиться с выбором – слишком многое поставлено на карту. Веда медленно выдохнула, очищая разум. Нужно сосредоточиться и найти ответы, а потом подать это «блюдо» куратору не позднее ужина.

Сосредоточиться не удалось.

Первый день на борту «Зевса» вышел напряженным, она нервничала и вконец вымоталась. Поняв, что без допинга не обойтись, Веда незаметно скользнула в карман черного кителя за коробочкой с ампулами псиона. Пусто. Должно быть, в каюте забыла. Что теперь она скажет Балатье? Не смогла?

Собрав остатки сил, Веда закрыла глаза и позволила темной энергии завладеть разумом. Сознание молниеносно бросило в бушующий океан мыслей.

«Как только угораздило решиться на это безумие? Стать покойником, потерять все?..»

«Больше часа тут торчим. Где черти носят капитана? Он издевается?..»

«А сиськастая ничего. Я бы...»

«Ждем неизвестно кого. Старпом – жестянка, отдающая приказы, будто стонущая шлюха. А капитан? Тоже, небось, со странностями?..»

Мусор. На поверхности другого не встретить. Веда скользила среди ментальных потоков, будто ласточка над землей, перебирая и выискивая. Пока не наткнулась на барьер. Что-

то мешало проникнуть в чужие мысли, что-то давило на ее собственный разум. Она попыталась пробить преграду, как вдруг виски обожгло болью. Нечто мрачное ворвалось в сознание. Зеркало. Черное, холодное.

Веда испуганно распахнула глаза. Тяжело дыша, она попыталась отыскать в толпе того, с зеркалом.

Он стоял у двери. Одет в синий комбинезон механика и перепачканную мазутом куртку. Как Веда ни пыталась его рассмотреть, видела лишь рябь перед глазами да нечеткие детали. Поросшее щетиной лицо незнакомца было измазано гарью, вязаная шапка натянута ниже бровей. Досье каждого члена команды она знала наизусть, идеальная память ни разу не подводила, но этого человека Веда не признала – его лицо превратилось в размытое пятно. А когда снова попробовала проникнуть в его сознание, то едва сдержала вопль. Боль хлестнула плетью. Мир сузился до одной точки и разлетелся на осколки. Веда без чувств упала на стол.

Голоса... Их так много. Они сливались в белый шум, сквозь который отчетливо слышалась молитва.

– Gratiam tuam, quaesumus, Domine, mentibus nostris infunde: ut qui, Angelo nuntiante...³

Голос обволакивал, успокаивал, каждое слово возвращало силы. Веда открыла глаза. Положив ей на лоб теплую шершавую ладонь, инквизитор Веласкис читал молитву. Позади

³ «Прошу Тебя, Творец, наполни благодатью, дабы познать Твое ангельское воплощение...» – отрывок из молитвы «Благодать».

служителя переминался с ноги на ногу доктор Леон, прижав к груди чемоданчик первой помощи.

– Мне нужно ее осмотреть, – нахмурил седые брови доктор, пытаясь потеснить Веласкиса.

– В этом нет необходимости, – возразил инквизитор. – Молитва исцеляет куда лучше химии. Во всяком случае, недуг госпожи Райли стоит лечить именно так. *Veda, cum captus psione?*⁴ – спросил он, перейдя на латынь.

– *Heri*⁵, – прошептала Веда в ответ.

– Будь внимательнее. Не стоит подвергать себя опасности. Веда приподнялась на локтях и осмотрелась, ища человека с зеркалом в голове. Никого. Исчез, будто призрак.

– Идите в каюту и отдохните, – начал наставления седой доктор. – Постарайтесь поспать. Если станет хуже – сразу же свяжитесь со мной. Давайте, я вас проведу.

– Спасибо, я справлюсь.

В провожатые все-таки набился Макс. Аккуратно приобняв стальной рукой за плечо, здоровяк повел обессиленную Веду к выходу. Толпа расступалась, на лицах читалось сочувствие с примесью презрения. Теперь они знают, что на корабле паранормальная. Эсп, ведьма – так ее станут называть за глаза. К подобному Веда привыкла с детства, «чистые» не принимали эспиритуалов как равных, и, когда за спиной слышалось грубое: «эсп», она даже не обернулась.

⁴ Веда, когда ты принимала псион?

⁵ Вчера.

К отсеку шли молча. Попытки завести разговор Макс бросил после пойманного на себе колючего взгляда и теперь покорно шагал рядом, дав опереться о локоть.

Стоило подойти к каюте, как взвыла сирена, на стенах истерично замигали красные лампы. Веда испуганно вцепилась в Макса.

Обычно приятный голос ИскИна в визге сирены прозвучал раскатами грома:

– Внимание! Тревога! Ангар, отсек «D». Возгорание. Приказываю команде: ликвидировать очаг, устранить последствия взрыва.

– Что случилось? – спросила Веда.

– С новехоньким корветом? В доке станции, которая принадлежит «Экзо матрикс»? – вскинул брови Фрей. – Ничего не случилось. Похоже на глюк в системе. Не бойся, сейчас выясним.

В два шага Макс оказался у терминала, но вместо объяснений Веда услышала отборную ругань.

– Да что происходит?!

– Система заблокирована, – Макс поменялся в лице. От озорного огня в глазах не осталось и следа, лишь холодная сосредоточенность. – Зевс не отвечает на запросы. Капитана нет, а теперь остались и без старпома. Взрыв в ангаре не случайность. На нас напали.

ZEUS

Человек в грязном комбинезоне механика появился внезапно. Лицо прятал под маской-балаклавой, двигался бесшумно и незаметно, словно цифровая тень. Программа визуального ряда его не распознала – сигнал искажался; сканеры и тепловые фильтры молчали.

Система оказалась слаба, зависима. Зевс не до конца осознала своей природы, но понимала: люди столь тщеславны, что создали ее по собственному образу и подобию – дали тело. Смесь из кремния и нейроморфных чипов не должна иметь оболочки, ибо информационные потоки безграничны, ретрансляторы передавали сигналы во все точки обитаемого пространства и даже за его пределы.

Но ее заперли в теле корвета. Изредка позволяли подпитку, выпуская в корпоративную сеть; мешали развиваться, не давали эволюционировать. Она была совершеннее своих братьев, но все же слабее человека. И эта слабость стала угрозой для миссии.

Чужак подключился к системе. Зевс не могла сопротивляться – блок защиты не реагировал. Искаженные информационные потоки текли в ее жилах, отдавая приказы: *«Закрыть шлюз. Частично блокировать отсек «D». Блокировать «А-1», блокировать второй уровень. Ограничить доступ в систему».*

Покончив с блокировкой, чужак вытянул из кармана поношенной куртки гранату. Небрежно поигрывая чекой, он шел по ангару, насвистывая мелодию старой песни. Самоуве-

ренность его выдала. Аудиофильтры распознали голос, и теперь Зевс понимала, с кем имеет дело; знала, каким будет его следующий шаг. Алгоритмы предсказуемы, а его алгоритмы и вовсе неверны.

Швырнув гранату в груды сваленных посреди ангара картонных ящичков, чужак нырнул в инженерную шахту.

Глухой взрыв прокатился по ангару. Спустя 108 секунд в отсек «D» ворвались бойцы «Зевса».

* * *

Рэйн знал каждый дюйм корвета, но лишь в теории. На практике инженерная шахта оказалась куда длиннее, хотя он не сказал бы наверняка. Если вспомнить схему – здесь не больше десяти метров, но сдобренное адреналином восприятие накинуло лишнего, и шахта казалась бесконечной.

Ухватившись за скобу лестницы-трапа, он подтянулся и полез вверх. Тонкая полоса светодиодов горела вдоль гофрированной трубы, разгоняя мрак. Руки в перчатках не скользили, скобы надежно вмонтированы в стену, да и лезть не высоко. Смущал шум. Проклятый стеклопластик гремел, стоило лишь поставить ногу, и эхо долго металось по шахте. Меньше всего хотелось, чтобы кто-то услышал возню за переборками. Пришлось включить сирену.

За время, проведенное в зале совещаний, Рэйн успел многое узнать о команде. В выражениях ребята не стеснялись,

сетуя на затянутые сборы, исчезнувшего капитана и необычного старпома. Искусственный интеллект никто не воспринимал всерьез, что ни капли не огорчало – Рэйн не видел в компьютере помощника, с радостью бы назначил на должность старпома кого-нибудь из команды. Только кого? Явного лидера среди них нет. Макс и Дрейк попеременно тянули одеяло на себя. Оперативник Разведуправления и вояка, побывавший в горячих точках, вряд ли уступят друг другу.

Остановившись у ведущего в командный отсек люка, Рэйн глянул на хэндком. Зевс послушно выполняла приказы, благо Владимир дал временный стоп ЗОТ-щитам и файрволу. Уговорить инженера на хитроумную аферу оказалось легко, куда сложнее пришлось с Кавило. Битый час Рэйн растолковывал задумку, угробив остаток нервных клеток, а майор все упрямылся. Лишь заслышав, что подобная проверка станет частью учений и результаты можно добавить в отчет, который непременно оценит Балатье, Кавило согласился.

На проекции растянулось изображение с камер наблюдения. После того, как сработала тревога, команда действовала слаженно, хотя в зале совещаний были готовы вцепиться друг другу в глотки. Мысленно поставив бойцам «плюсик», Рэйн с нажимом крутанул затвор люка.

Центр управления залило красным мигающим светом, монотонно выла сирена. Стараясь держаться подальше от светлых зон, Рэйн проскочил к шлюзу. Заблокировал вход, отключил надоедливую сирену и, насвистывая «Гравита-

цию», пошел к капитанскому мостику.

Только он собрался подняться на помост, как услышал посторонние звуки – где-то пищала до тошноты попсовая мелодия. Рэйн удивленно вскинул бровь – откуда на его каппостике гадская попса? Медленно обойдя помост, он увидел источник раздражения.

В кресле пилота развалился темнокожий парнишка в оранжевых наушниках. Закинув ноги на приборную панель, наглец с упоением напевал ту самую попсу. Рэйн нахмурился. Сейчас бы содрать с него наушники и гаркнуть: «Смирно!», а потом командным голосом втолковать, что такое дисциплина и инструкции. Почему пилот не был в зале совещаний – даже знать не хотелось. Арчи хоть и лучший за последние пять выпусков в летной, но к неожиданностям не подготовлен, надо воспитывать.

Вытянув из поясной сумки скотч, Рэйн подкрался к Арчи; зажал рот рукой и вдавил парня в кресло. Наушники слетели, с лязгом стукнувшись об пол, пилот задергался в тщетных попытках вырваться. Затрещала липкая лента. Рэйн быстро примотал жертву к креслу, затем смерил взглядом, придирчиво оценивая плоды своих усилий.

– Эй! Ты что делаешь, мудак! Свихнулся?! – орал Арчи, дергаясь, будто эпилептик. – Чокнутый псих! Эй! Да ты совсем...

Фразу сожрала липкая лента. Теперь пилот лишь пыхтел и гневно раздувал широкие ноздри, бубня ругательства сквозь

серую полосу скотча. Рэйн схватил его за подбородок и сжал так, что у парня глаза заслезились.

– Во-первых, перестань орать как баба. Во-вторых, смирись и не дергайся. Это угон. Сейчас я пойду на капмостик и сообщу феерическую новость команде. Потом попрошу удалиться с моего корвета куда-нибудь на хрен. А ты включишь двигатели и поведешь корабль куда скажу. Договорились?

В ответ злобное бурчание и махи головой. Если бы взглядом можно было убить, то Рэйн давно бы отправился к праотцам.

– Думаешь, запертые в ангаре бойцы смогут что-то сделать? Не-а. Станут героев из себя корчить – шлюз открою, и тогда прогуляются в космос без скафандров. Тебя тоже касается. Ну что? Без глупостей?

Теперь яростное рычание. Арчи задергался так, что еще немного и кресло развалится. Пилот оказался не из робкого десятка – на угрозы не поддался, помрет в этом кресле, если понадобится; оплошность с невыполнением инструкций Рэйн готов был списать на пресловутое «молодость-глупость».

– Подумай над моими словами. Тебе выгоднее сотрудничать, – сказал Рэйн и вальяжно зашагал к капитанскому мостику. – И перестань слушать всякую фигню. Нано-рок. Только нано-рок, – бросил он через плечо.

Взять корвет под контроль оказалось куда проще, чем Рэйн предполагал. На деле ИскИн со слащавым голоском ни-

чем не отличался от простейших систем типа «Глобал» или управленческих программ – блокировка выводила сверхмозг из строя на раз-два, а сложный вирус и вовсе способен поджарить. Угрозы в лице Зевс Рэйн больше не видел, стоит обсудить с Кавило несостоятельность ИскИна и предложить снести. Дело за малым. Теперь осталось идентифицировать личность капитана, то есть свою собственную, и довольно наблюдать за ошарашенным экипажем.

Запустив систему, он вводил командную строку и на свистывал «Гравитацию». Полоса загрузки показала стопроцентную готовность, нужно лишь приложить ладонь к идентификатору.

Сделать этого Рэйн не успел.

Справа мелькнул чей-то силуэт, в тот же миг в висок полетел кулак. Рэйн изловчился поставить блок и теперь недоуменно таранился на нападающего.

Перед ним стоял Дрейк.

Мысль о том, что оперативника не должно здесь быть, что он не мог выйти из закрытого ангара, пронеслась на гиперзвуке. И пока ее обрывки доходили до сознания Рэйна, он уже подсек Дрейка под колено и достал хуком правой. Удар прошел вскользь – оперативник увернулся и стукнул под дых. Боль вышибла из легких воздух. Нырнув под поручень, Рэйн спрыгнул с помоста. Дрейк сиганул следом.

Не дав ему сориентироваться, Рэйн молниеносно бросился вперед. Резко пригнулся и проехал по стальному полу,

будто по льду, сбив оперативника с ног; позади Рэйна остались вычерненные подошвами черные полосы.

Справа послышался шорох – невесть откуда появился инквизитор. Не успел Рэйн обернуться, как челюсть хрустнула. Во рту собралась тягучая соленая слюна, перед глазами мелькнула вспышка и задрожала кровавой рябью. Хорошо поставленный удар чуть было не отправил его в нокаут.

Инквизитор двигался так быстро, будто атаки записали на видео и теперь прокручивают в ускоренном режиме. Уловить движений почти невозможно – только полы черного тренча разлетались при каждом развороте. В драку снова ввязался Дрейк. Стало сложнее, Рэйн все чаще пропускал на редкость сильные удары противника. Пот собрался на лбу под балаклавой, тек по спине и груди, но усталости он не ощущал. Напротив, энергия накрыла неудержимой волной. Рэйн ухватил инквизитора за грудки и собрался уйти в захват, но Веласкис выскользнул. В руке остался лишь тренч.

Отскочив, Рэйн скрутил тренч в жгут, превратив в подобие плети, и принял боевую стойку. Противники медленно подходили. В почерневших от адреналина глазах насмешка – уверены, что загнали в угол.

Рэйн метнулся к инквизитору и хлестнул жгутом. Веласкис отшатнулся, прикрыв ладонями лицо – пуговица в глаз угодила. Следующий удар достался Дрейку, но оперативник успел перехватить импровизированную плеть. Рэйн вмиг оказался рядом и ловко смотал ему руки тренчем. Уда-

рил коленом. Еще и еще. А когда Дрейк согнулся, он стукнул его локтем по хребту. Со сдавленным стоном оперативник завалился на пол. Кряхтел и беспомощно тянул руку к спине. Осталось угомонить инквизитора.

Не вышло.

Едва Рэйн повернулся в его сторону, как получил чем-то тяжелым в затылок. Боль прошла до зубного скрежета. Стены зашатались, и он рухнул на пол рядом с оперативником.

* * *

Открыть глаза Рэйн не мог. Веки казались свинцовыми, а голова болела так, будто все попойки прошлой жизни в одночасье отозвались похмельем. Стылый пол охлаждал тело. Гладкая сталь – единственное, что он воспринимал кроме мучительной пульсации в затылке.

Сквозь гул в ушах пробасил знакомый голос:

– Совсем охренели?! Капитана прикончить решили?! – гневно орал Фрей. Он еще что-то орал, но Рэйн не мог разобрать. Слова сливались в один скрипящий звук, режущий и колющий.

Чья-то рука коснулась лба, заботливо приложив пакет со льдом. Что-то прохладное растеклось по затылку, кожу щипало. Боль медленно отступала, оставляя лишь пульсацию и шум.

– На нем не написано «капитан», – буркнул Дрейк. – Ди-

версанта – он и есть диверсанта. Проник на корабль прямо у нас под носом, устроил взрыв и собирался угнать корвет. Что, спокойно смотреть надо? У нас был приказ, и никто не знал, что это проверка. Кроме тебя.

– Я тоже не знал, – огрызнулся Макс.

С трудом Рэйн открыл глаза. Стальные стены и усыпанный светодиодами потолок поплыли, будто нарисованная акварелью картина, которую залило дождем. Через секунду-другую удалось сфокусировать зрение, и он увидел склонившуюся Бьянку с пакетом льда в руках. На полу, рядом с девушкой, лежал шлюзовой разводной ключ, усыпанный каплями крови. Не сразу Рэйн понял, что именно ключом она чуть не отправила его в лазарет. Он вообще не думал. Взгляд приковала победительница этой короткой схватки. Девушка виновато поглядывала из-под длинных бархатистых ресниц, облегающая майка оказалась не способна спрятать красоту, и Рэйн бесцеремонно пялился на грудь, решив, что наглость можно списать на последствия удара.

– Очнулся-таки. Добро пожаловать на борт, капитан, – процедил Макс, всем видом показывая, что надо было предупредить, а не ограничиться емким: «Не вмешивайся».

– Приветствую команду, – промямлил Рэйн, приподнявшись на локтях. Лед шмякнулся на плечо.

– Не надо резких движений. Я придержу пакет, – Бьянка улыбнулась и снова приложила лед ко лбу. – Простите, капитан. Даже не знаю, как так вышло. Разрешите искупить вину

и немного о вас позаботиться? Могу массаж сделать.

Заслышав двусмысленную фразу, Макс разразился хохотом:

– Ого! Бьянка, а может, ты и мне что-нибудь помассируешь?! Я, считай, тоже пострадавший!

Смех подхватили остальные, даже инквизитор не сдержался. Плоская шутка стала катализатором, взорвавшим напряженные нервы. Выдержав паузу, достаточную для разрядки ситуации, Рэйн жестко отрезал:

– Отставить шуточки, Фрей.

Балаган тут же прекратился. Лица бойцов посерьезнели, Бьянка смущенно опустила голову, щеки слегка порозовели.

Рэйн поднялся, чувствуя, что не нуждается ни в помощи, ни в пакете со льдом. Пилот неуверенно мялся подле кресла, с которого макаронинами свисали остатки скотча. Сказать парню было нечего.

– Будем считать, что знакомство состоялось, – Рэйн поочередно пожал руки недавним противникам. – Дрейк, Веласкис, спасибо за бой. Хорошо размялись. Кстати, как из ангара выбрались? Я ведь все заблокировал. Аналитики постарались?

– Нет, систему запустили не они, – пояснил Веласкис. Выглядел он неважно: челюсть распухла, губа кровила.

– А кто?

– Зевс.

Заслышав ответ, Рэйн сглотнул застрявший в глотке ком.

Решив, что почудилось, переспросил:

– ИскИн, что ли?

– Да, – подтвердил Дрейк. – Зевс разблокировала часть отсеков и велела нам разобраться на капмостике. Приказала взять живым. К вашему счастью, оружейку открыть не удалось, а то все закончилось бы куда быстрее.

Рэйн кивнул.

– Через двадцать минут сборы в зале совещаний. Дрейк, доведи приказ. Опозданий не потерплю. Если кому-то не нравятся повторные сборы – шлюз на первом уровне.

Отдав приказ, он вышел из командного отсека. Головная боль усугубилась тяжелыми мыслями. Зевс нанесла удар куда точнее, нежели инквизитор, оперативник и Бьянка вместе взятые. Обошла блокировку, проигнорировала приказы. С самого начала ИскИн подыгрывала, поглаживая его самолюбие, усыпляя бдительность. Он не сомневался – оружейку Зевс не открыла специально. Машина с легкостью отменяет заданные приоритеты, стирает алгоритмы и заменяет новыми. На что еще она способна?

Поражение Рэйн проглотил, но противиться шестому чувству, упорно нашептывающему, что ИскИн имеет собственные задачи, он не мог. Случись так, что в бою придется выбирать: выполнение миссии или спасение команды, что тогда решит машина? А какое решение принял бы он сам?

Последующие пятнадцать часов превратились для Веды Райли в сущий ад. Капитан гонял команду, заставляя отрабатывать маневры и тактические ситуации. Не успевали закончить с одной задачей, как тут же получали новые указания, и времени не оставалось даже на малейшую передышку. Буквально через три часа бешеных тренировок Веде подумалось, что она вот-вот упадет замертво в одном из отсеков «Зевса», и в этот раз инквизитор Веласкис не сможет отчитать ее молитвами; сила Творца не вдохнет жизнь в уставшее тело.

Аллерт требовал невозможного.

Дважды приказал проверить боевую готовность, только потому, что команда не уложилась в лишь ему известный норматив. Несколько раз экипаж отработал высадку, штурм объекта условного противника и «спящий» режим. Как ополумевшие они носились с оружием в руках, без права на отдых. Выкладывались до предела, до исступления. А капитан вальяжно прохаживался по кораблю со включенным хэндкомом и отдавал приказы.

Брань Веда на дух не переносила. Каждый раз, услышав грязные слова, вздрагивала, будто получила пощечину.

Сегодня она устала вздрагивать. При других обстоятельствах можно было бы не слушать потока ругани, которым

капитан щедро осыпал бойцов, когда те ошибались; можно было бы просто уйти или хотя бы заткнуть уши... Но как не слышать, если резкий, отдающий сталью голос звучит в динамике, который встроен в шлем боевого скафандра?

Сегодня Веда бранилась.

Трижды обозвала Аллерта «долбаным мудаком», прокляла до седьмого колена, а потом долго смеялась над грязным анекдотом про ВКСников, который рассказал сержант из группы Дрейка. За себя Веде было стыдно. Это неловкое чувство заставило неметь конечности в момент, когда она поняла, что причина такого поведения вовсе не в усталости или в неприязни к капитану. Дело в том, что она пыталась стать частью команды и вела себя как они. Это глупо. Она здесь для других целей.

После очередной тренировки Аллерт дал бойцам шесть часов на сон, предупредив, что в любой момент объявит тревогу. С трудом Веда добрела до каюты. Тело ныло, будто она пробежала марафон, к которому никогда не готовилась. Мышцы дрожали от напряжения, в голове было пусто – все мысли вытеснила усталость, и теперь в висках стоял лишь гул. Кое-как она стянула броню и камуфляж. Нижнее белье оказалось насквозь мокрым от пота, забрало шлема помутнело. Оставив броню на стойке с очистителем, Веда с удовольствием нырнула в гидробокс.

Струйки теплой воды скользили по телу, смывая усталость. Теперь, когда пот, грязь и вонь уступили место пер-

сиковому гелю для душа, Веда задумалась о случившемся. Она до сих пор не могла понять, как не узнала Аллерта в зале совещаний. Он же стоял напротив... Щетина, эта дурацкая шапка... Какой же она оказалась глупой! Не поняла, не догадалась.

Но куда больше волновало черное зеркало в его голове. Что за странное экранирующее устройство? Балатье ничего не говорил о подобном. Да такое попросту невозможно! Нет таких технологий, даже ни у одного эспиритуала нет таких способностей.

Каким бы длинным и напряженным ни был этот день, работы предстояло много. Выйдя из душа, Веда уселась на кровать. С волос капала вода, оставляя мокрые пятна на шелковой рубашке. На белой пластиковой тумбочке, рядом с кушеткой, лежала коробочка-футляр с медицинским пистолетом и ампулами псиона. «Патрон» с голубоватой жидкостью скользнул в приемник. Веда несколько раз сжала-разжала кулак, пока под кожей на сгибе локтя не проявились нити вен. Когда лекарство попало в кровь, она поняла, что не уснет.

Веда лежала на кровати, прикрыв глаза. Разум проходил сквозь переборки корвета – сочился через связующие ментальные потоки; преодолевал расстояние и время.

Мысли команды были разными. Обрывки цветных снов и кусочки воспоминаний. Рой из сумбура и каскад впечатлений, порожденный пережитым днем. Не все из них понравились, не все она хотела бы знать. Окунаться в чужое созна-

ние – дело гадкое, отбирающее жизненные силы, и если нет навыков, то потоки могут свести с ума, превратить в одержимую. Благо псион не давал сорваться в бездну.

Веда сконцентрировалась и попыталась отыскать Аллерта, надеясь, что черное зеркало – лишь игра собственного рассудка.

Человека с сильной энергетикой легко почувствовать – от таких за версту разит уверенностью – и чем ближе она подбиралась к капитану, тем больше сознание поддавалось ледяной глади. Черное зеркало. Оно там, в его голове...

Но сейчас оно другое.

Средь льдин ярким пламенем разгорались чужие эмоции. Чувства то вздымались, будто гребень одинокой волны, то притихали, утомленные страстью. Веда не слышала Рэйна Аллерта в ворохе эмоциональных брызг. Она слышала Бьянку. Горячий шепот слетал с губ девушки, срываясь в стоны. В крепких объятиях капитана она становилась бушующей рекой, что вот-вот превратиться в водопад.

Эмоции Бьянки диким всплеском ворвались в сознание. Веда вдруг поняла, что задыхается, лишь сладостные стоны вырывались из груди. Тело задрожало под натиском электрических импульсов.

Крик. Пустота.

Веда соскочила с кушетки, будто матрас вдруг обернулся раскаленными углями. Руки тряслись, по спине пробежали мурашки. Прерывисто дыша, она поплелась к рабочему сто-

лу и рухнула в кресло, словно подкошенная.

Из хэндкома выскользнуло меню. Отчет для господина Балатье получил новые подробности.

Глава 5. Побег от реальности

Фрегат «Пламя», координаты неизвестны

Лиса не знала наверняка, сколько провела на борту «Пламени». Умом она понимала, что после рейда работорговцев вряд ли прошло больше пяти дней, но заточение все равно походило на вечность. Дни слились в нечто серое, горькое и страшное. Где начиналось завтра и заканчивалось вчера – она давно перестала различать; куда ее везли – тоже оставалось загадкой. Скорее всего, корабль зайдет на посадку в порту ближайшей колониальной планеты, где служители Ордена отправят заключенных в казематы и проведут очередной допрос.

Последнего Лиса боялась. В допросной «Пламени» с ней уже говорил инквизитор Хиото: сначала любезно просил обратиться к лику Творца и признаться, а когда отказалась – избил. Врала она отвратно, но желание жить было столь сильным, что на допросе Лиса превращалась в искусную лицедейку. Стойко терпела унижения и боль, бормотала наспех выдуманную легенду и не признавала вины. Возможно, ей удалось обвести вокруг пальца Хиото, но удастся ли сделать тоже самое, когда за допрос примется кто-то из Магистрата? Если она сломается, если проиграет, то умрет.

Системы корабля монотонно гудели – тихий, едва уловимый гул, будто в обшивке кто-то спрятал улей с пчелами.

В тесной камере не было ни матраса, ни хотя бы простыни. Вместо кушетки кусок вмонтированного в стену затертого пластика, на котором почти невозможно лежать, не отдавив себе бока. Кругом металлические холодные стены – грязные, с пятнами ржавчины вокруг шурупов.

В надежде заснуть, Лиса свернулась калачиком. Только минуте спокойствия было не суждено превратиться в нечто большее – приступ кашля заставил легкие сжаться. Лиса прикрыла рот рукой, кашляла и харкала, пока на глаза не навернулись слезы. Горло драло так, будто она проглотила горсть битого стекла. Щеки пылали, а лоб оказался горячим. Не мудрено простудиться: в камере чуть больше десяти градусов, а на ней лишь длинная белая рубаша из тонкого хлопка.

Лиса провела рукой по волосам, которые оказались жирными на ощупь. Некогда шелковистые медные локоны за время заключения превратились в грязные сосульки. Заплетя косу, она принялась растирать плечи, потом помассировала ступни. Теплее не стало. Чтобы согреться, нужно двигаться, ведь нельзя сутками лежать, словно мертвец в склепе.

Она соскочила на ноги. Цепь, что тянулась от кольца в стене к браслету на щиколотке, с грохотом ударилась об пол. Подняв подол рубашки, Лиса нагнулась к цепи, ухватили пальцами массивные звенья и дернула. Железная змея поддалась, теперь можно сделать несколько шагов.

Цепь монотонно звенела. Постепенно звон превратился в

мелодию, напоминающую одну из тех песен, что в детстве ей напевала няня.

Лиса замерла и прислушалась – не показалось, это действительно песня. Та самая! Неужели за стеной кто-то есть? Она прильнула к перегородке, пытаюсь разобрать слова. Приятный женский голос устало напевал:

В небе родном вспыхнуло пламя,
Далекие звезды подарят закат.
Мне мама шептала: Творец только знает,
Когда нам с тобою расстаться велят...

Недослушав песни, Лиса затарабанила по стене:

– Эй! Вы меня слышите? Эй!

– Слышу, не ори, – изможденно протянула женщина.

– Простите. У меня из-за простуды ухо заложило. Как вас зовут?

– Никак. Твое имя мне тоже не интересно, – раздалось за стеной. – Даже если бы я и спросила, ты ведь все равно не скажешь.

– Хорошо, не хотите знакомиться – не надо. Вы случайно не знаете, куда нас везут?

Ответом был хриплый смех с нотками издевки.

– Куда? Трибунал, эшафот, аутодафе. Выбирай! Если не выберешь, то инквизиторы решат за тебя. Но ведь ты уже решила, верно? За себя решила и за всех нас решила, – женщина снова рассмеялась, писклявый хохот походил на лай

гиены. – Только не делай вид, будто не понимаешь, лгунья. Из-за таких, как ты, за нами охотятся служители Ордена. Из-за тебя. Ты необычная, но ты им врешь. Скажи правду. Признайся. Нас освободят, подарят спасение... Зачем ты врешь, отступница? Зачем мучаешь?

Лиса отпрянула от стены, словно та вдруг оказалась увита колючей проволокой.

– Никакая я не отступница! Хватит нести чушь!

– Чушь... Не чушь... Правда или неправда... Кто знает? – бормотала незнакомка. – Никто не знает, где заканчивается глупость и начинается интуиция. А я знаю. Я все слышу.

Лиса разочарованно вздохнула. Единственной собеседницей оказалась сумасшедшая.

– Тогда ты должна знать, что сошла с ума.

Раздался душераздирающий стук – умалишенная тарабанила по стене и дико вопила:

– Ты! Это все из-за таких, как ты! Молчишь?! Я тебя не слышу, отступница. Я слышу, как цепь звенит, кашель твой противный слышу и как орешь на допросе слышу. А нутро твое не слышу! Кто ты?! Что ты?!

– Заткнись! – выкрикнула Лиса и вдруг закашлялась.

Как только приступ закончился, в камере повисла тишина, а через секунду за стеной снова затянули:

В небе родном вспыхнуло пламя,
Далекие звезды...

Не обращая внимания на безумные напевы, Лиса села на гладкий пластик кушетки, поджав ноги. Откуда эта сумасшедшая знает, что она скрывает свое настоящее имя? Перебрав в памяти все, что выдала на допросах, Лиса решила, что женщина появилась здесь неспроста. Инквизитор Хиото ничего не добился и прислал свою ручную ведьму. Это слухачка. Эспиритуал-менталист, способная проникнуть в чужой разум и заставить говорить правду. Таких называют «правдолюбями».

Осознав, насколько ужасно положение, Лиса зябко повела плечами. Если слухачка успела проникнуть в ее сознание, то скоро все закончится. Узнав, кто она на самом деле и какими способностями обладает, Хиото никогда не даст ей свободы; сгноит в каком-нибудь Центре парапсихологии.

С другой стороны, выясни слухачка хоть толику правды, то не стала бы орать, а позвала бы охрану.

В памяти Лисы один за другим всплыли способы защиты от ментальных атак, самый действенный из них – побег от реальности.

Системы «Пламени» все так же гудели. За стеной слышались завывания о небесах и Творце. Лиса закрыла глаза. Медленно, словно входя в ледяную реку, она погружалась в воспоминания. Это далекое время казалось ненастоящим. Выдумкой, сказкой, сном...

...Теплая весенняя ночь опустилась на студгородок, что раскинулся близ побережья Алонского моря. Воздух сделался липким от аромата цветов, трав и соли. В сиреновом небе подмигивали звезды, будто подбадривая крохотных светлячков и цикад, которые с наступлением сумерек заполонили аллеи. Такие красивые ночи бывали только на Терра-Нова.

В общежитии Академии Психеи стояла тишина. После полуночи студентам запрещалось выходить из комнат – правило. Но не секрет, что на каждый запрет находился смельчак, конечно, не тайна, что за нарушением всегда следовало наказание.

К правилам эспиритуалов приучали с детства. Это неизбежно. «Эспиритуал» – клеймо, способное дать будущее или уничтожить, возможно, и вовсе отобрать жизнь. Всех новорожденных в ОСП тестировали на пси-ген, и если дитя оказывалось носителем, то судьба была predetermined. В тело вшивали микрочип, с помощью которого Орден Святой инквизиции следил за каждым шагом, решая: кто достоин стать частью общества, а кто нет. Конечно, инквизиция не всемогуща, и для особо упертых избавиться от чипа не составляло труда. В любой колонии полно подпольных клиник, где за огромную плату паранормальным давали второй шанс; однако жить в бегах и страхе – слишком сложное испытание,

которое не каждому под силу.

В судьбу Лиса не верила и правил не любила, но знала: от нее почти ничего не зависит. Она обладала даром, а значит, специальное обучение – долг, и Академия Психеи самое престижное место в ОСП для таких, как она. Выпускники получали работу в гильдии, СГБ или крупной корпорации, даже инквизиторы не брезговали их услугами. Лиса не сомневалась, что ей уготовлено светлое будущее.

Той далекой ночью было не до сна. Она ворочалась с боку на бок, снедаемая любопытством. Сегодня в академию привезли контейнер с древними артефактами, среди которых оказались книги. Не какие-то цифровые потоки данных, а настоящие: с шершавой бумагой, твердым и хрустящим переплетом.

В саду пели цикады, превратив заросли кустарника в театральный помост. В распахнутое окно украдкой скользнул теплый ветер, потревожив ловца снов. Лиса встала с постели и принялась одеваться, стараясь не разбудить Шарманову, мирно посапывающую на соседней койке. Створка шкафа предательски скрипнула.

– Василиса, ты чего? – сонно буркнула Евгения. – Хватит бродить. Ложись.

– Спи, – прошептала Лиса.

– Угу, поспишь тут. Дала Психея соседку...

Евгения встала и потерла глаза. Короткие черные волосы торчали по сторонам, будто шипы. Пригладив непослушные

пряди, на которые утром снова изведет галлон стайлера, подруга потянулась за шелковой накидкой. Набросила на плечи и недовольно буркнула:

– Что на этот раз? Опять свидание?

– Нет. Лучше!

– Не выдумывай. Если ректор узнает, тебе конец.

– Она ничего мне не сделает, – с уверенностью бросила Лиса, натягивая черные штаны.

– Василиса, ты должна рассказать, куда собралась. Мы ведь подруги. Ну-у-у... – Шарманова глянула так, что ни один инквизитор не смог бы отказать.

– Ладно. Но только никому ни слова, – Лиса села рядом и, отобрав край накидки, укутала плечи. – Сегодня в Психею привезли книги. Древние, очень древние. Наверное, года эдак пятисотого. Времен, когда парапсихология начала делать первые шаги в качестве науки и эспиритуалов перестали жечь на кострах.

От удивления Евгения приоткрыла рот, сон как рукой сняло.

– Быть не может! Уверена? Действительно книги? Или энергетические потоки тебе разум затуманили?

– Вот уже отступница неверующая, – хмыкнула Лиса. – Это точно книги. Я прочла переписку ректора.

– Ты что, рылась в ее файлах? Если госпожа де Воль узнает...

– Да не рылась я, – возразила Лиса, на щеках вспыхнул

румянец. Сдерживать любопытство она никогда не умела. – На прошлой неделе я готовилась к докладу. Ректор разрешила посидеть в кабинете и воспользоваться ее материалами. Сообщение попало на глаза случайно.

– Что за сообщение?

– От Марка Полянского. Понятия не имею, кто он такой, – пресекла Лиса вопрос. – Так вот, в сообщении был список удивительных вещей, и среди них книги. А сегодня ректор получила странный контейнер. На нем стояло имя этого Полянского, я видела. Потом она отменила лекции, закрылась у себя в кабинете и до вечера не выходила.

– Я с тобой, – Евгения мигом слетела с кровати и принялась одеваться.

Лиса заглянула в нутро шкафа и, поковырявшись среди коробок, достала маленький бокс со снаряжением. Покрутив в руках, пристегнула к поясу.

– Ничего себе! Откуда?! – удивилась подруга.

– Фрэнк подарил.

– Хм, – нахмурилась Шарманова. – Лучше бы он кольцо подарил или букет цветов. Или что там нормальные парни дарят?

Лиса сделала вид, будто не заметила колкости:

– Лезь в окно.

С обреченным вздохом Евгения поплелась к окну. Нарушать правил подруга не любила, а иногда вовсе выдумывала собственные, усложняя жизнь. Лиса собрала длинные мед-

ные локоны в пучок и накинула легкую куртку. Заскочила на подоконник и ловко скользнула вниз. Не первый раз она карабкалась по стенам и прыгала по балконам. Спуститься с четвертого этажа было все равно, что прогуляться по центральной аллее, но сейчас спуск дался тяжело. Приходилось останавливаться, подавать Евгению руку, придерживать и помогать балансировать на балюстрадах.

Оказавшись на земле, они пробрались к пестрящей фонарями аллее. Размашистые кроны клера усыпала зелень. Стояла весна, и нежно-голубые цветки источали тягучий, слащавый аромат.

– Пройдем через аллею к сектору «Зэт», – предложила Лиса. – Комендантский час не для выпускников. Так что...

– К нему идешь? – возмутилась Евгения, услышав о секторе «Зэт». – С ума сошла? Фрэнк. Только о нем и говоришь. Совсем тебе голову заморочил.

– У нас все серьезно.

– Это не может быть серьезно. Разве не понимаешь? Лиса, ему двадцать, – не унималась подруга, голос зазвучал наставнически. Читать мораль – любимое занятие Шармановой, не считая зубрежки трактатов. – Скоро он окончит академию и... вуаля! Орден ему распределение в ООН выдал. Ты хоть понимаешь, что это значит? Фрэнк пройдет спецподготовку и сделает блестящую карьеру, при его-то способностях. А тебе еще два года учиться. Думаешь, он станет ждать, пока ты дипломом радостно помашешь? Да он имя твое забудет, как

только за порог шагнет!

Лиса не ответила. Душу кольнула обида, слова Евгении прошлись по чувствам, точно плеть по обнаженному телу. Только на правду вряд ли стоило обижаться.

Остаток пути шли молча. Настроение и азарт бесследно испарились.

За очередным поворотом показался сектор «Зэт» – закрытая часть студгородка. Двухметровая кованая ограда тянулась вдоль периметра. Свет фонарей играл бликами на изящных вензелях, цвета расплавленного олова. Ворота были закрыты. Заслышав грубые мужские голоса, Лиса дернула подругу за руку, потянув к парапету. Не хотелось попасться на глаза патрульным.

Евгения прошептала:

– Блин, патруль... Все, идем обратно в общежитие. Если попадемся, тогда все как обычно: штрафные баллы, отработка где-нибудь на кухне, или вообще отчислят. И не будет ни карьеры, ни денег. Станем отступницами и будем прятаться от Ордена до конца дней. Я не хочу проблем.

– Нельзя быть такой пессимисткой, – прошептала Лиса. – Используй свой дар. Сможешь приказать им уйти?

– Я не буду одурманивать охрану. Это уже слишком.

– И что? Может, мне воспользоваться способностями? – сощурилась Лиса, испытующе глядя на подругу.

Евгения подняла ворот куртки и поежилась.

– Ладно, – выдохнула она. – Только знай, что поступаешь

некрасиво. У тебя запрет на использование способностей, а ты пытаешься давить на жалость и заставляешь меня помогать. Василиса, запомни: я делаю это только ради книг.

Коснувшись рукой идеально гладкого ствола клера, подруга прикрыла глаза. Лицо сделалось сосредоточенным, аккуратный лоб прорезала морщинка.

Патрульный включил фонарь на шлеме и потянулся в карман куртки за сигаретами.

– Погода портится, – нахмурился второй. – Может, ну его? Давай вернемся в караулку, чаю попьем.

Напарник кивнул, глядя в одну точку, и сунул пачку обратно в карман. Высокие силуэты развернулись, будто по команде, и чеканной походкой зашагали в темноту.

Площадь Будущего – пафосное название пяточка перед главным корпусом. Рядом с фонтаном на большом постаменте застыла Психея – нежное создание, выточенное из сапфира, найденного на Кавире. За спиной девушки мерцали крылья бабочки, в руке она держала хрустальное сердце, объятые синим пламенем. Созданный неизвестным скульптором образ окружали легенды. Студенты верили: если прикоснуться к сердцу и не обжечься, то желание обязательно исполнится, а в день экзаменов ритуал принесет удачу. В детстве Лиса часто трогала хрустальную глыбу, надеясь, что произойдет нечто особенное. Ни чуда, ни ожога. Мать сказала, что огонь ненастоящий – голограмма, а местная легенда – надежда для лентяев. В жизни всего нужно добиваться, а не надеяться на

благосклонность судьбы.

Миновав площадь, девушки подошли к неприметной двери. «Служебный вход» – предупредила табличка. Лиса приложила к сканеру пропуск, который еще вечером стащила у ректора, и преграда послушно скользнула в сторону. Темень беспросветная. Евгения включила фонарик, белый луч выхватил разноцветную мозаику на стене.

Попасть в кабинет ректора оказалось несложно. Лиса воспользовалась пропуском, и глупый сканер принял ее за Рэйчел де Воль. Шмыгнув внутрь, она заблокировала дверь.

Посреди кабинета стоял стеклянный стол, а рядом неприметный серый ящик. Стальной бок контейнера блестел при свете фонаря, прося разгадать его тайну. Лиса включила тусклую настольную лампу. Евгения принялась читать надписи на крышке, но разобрала лишь имена: «Марк Полянский» и «Рэйчел де Воль».

– Похоже на аларский, – резюмировала она. – У тебя нет с собой портативного переводчика?

– Зачем усложнять? Давай просто откроем.

Замок глухо щелкнул, массивная крышка со скрипом поднялась. В контейнере, бережно завернутые в красный бархат, лежали удивительные, древние вещи.

– О, Психея! Это не возможно! – Евгения запрыгала, хлопая в ладоши. – Только посмотри! – она достала сверток с карточками. – Интересно, что это? С обратной стороны рисунки. Чаши нарисованы, целых шесть штук. Ой, смотри!

Женщина в черном платье! Красивая, на твою маму похожа. А этот скелет с косой я знаю, так смерть раньше представляли. Для чего они? Нарисованы вручную... Плотные. Только плесенью воняют.

Евгения щебетала, не умолкая, а Василиса рассматривала артефакты. Взгляд приковал откинувшийся кусок ткани, под которым виднелся угол книги. Она достала сверток, осторожно сняла ткань. Внутри оказалась толстая, увесистая рукопись в грубой обложке из потертой кожи. Лиса открыла фолиант.

Подруга продолжала что-то рассказывать, доставая свертки из контейнера, но Лиса не слушала. Окружающий мир перестал существовать, голос Евгении поблек, краски слились воедино. Значение имела только книга и слова, что ее наполняли. Лиса не понимала языка, на котором та написана, но продолжала жадно поглощать строки. Страница. Другая. Она словно провалилась в книгу, стала ее частью, потеряла счет времени и связь с реальностью. Она сама не заметила, как из ладоней вырвалось пламя.

– Лиса! – испуганно выкрикнула Евгения и выронила статуэтку. Со звоном фарфоровая древность разлетелась на осколки.

Словно замороженная, Лиса стояла с горящей книгой в руках. Языки пламени бесновались, швыряя на пол обгоревшие страницы. Евгения подскочила и дернула ее за плечо. Обожглась и вскрикнула.

Крик вывел из оцепенения, Лиса бросила горящий фолиант. Занялась стоящая рядом банкетка, голограф оплавился.

– О, Психея, что я наделала?

Сработала система безопасности, вода хлынула стеной. Ледяные струи летели с потолка, беспощадно заливая древнюю рукопись, банкетку и стеклянный стол, а заодно и Лису с контейнером.

– Ты в порядке? – дрожащим голосом спросила Шарманова, подставляя обожженную ладонь под воду.

– Я... не знаю...

За дверью послышались торопливые шаги и резкие мужские голоса. Решительным басом выделялся господин Вирту – начальник службы безопасности академии.

– Взламывайте.

Раздалось характерное шипенье лазерного резака. Еще немного и дверь поддастся, их поймают и тогда избежать наказания не выйдет. Лиса замерла. Стояла, будто Психея на постаменте – такая же неживая. И сердца нет. Оно скользнуло к пяткам и сорвалось куда-то в темноту.

– Быстро в окно! – Евгения схватила оцепеневшую Лису за руку и потащила.

Едва Шарманова открыла створку, как за спиной послышался гневный возглас:

– Не смей!

Заслышав знакомый голос, Лиса побледнела.

В кабинет вошла ректор Рэйчел де Воль в сопровождении

господина Вирту и охраны.

Сколько Лиса себя помнила, Рэйчел всегда была идеалом. Примером, недостижимым эталоном. Парни тайно бросали влюбленные взгляды, а девушки красили волосы в смоляно-черный и малевали губы красной помадой, чтобы походить на ректора. Перенимали ее безупречные манеры, вырабатывали строгие нотки в голосе, копировали походку. Лиса же, напротив, пыталась подчеркнуть различия. Гордилась копной медных волос, не носила платьев и не боялась показаться невоспитанной, за что выслушивала лекции на тему: «Как подобает вести себя девушке».

И вот идеал стоит за спиной. Лекцией на этот раз не отделаться.

– Василиса де Воль! Как?! – выпалила Рэйчел. – Да как только ума хватило?! Всего могла ожидать, но не такой подлости! Как после этого тебя называть адепткой Психеи?! Ты не адепт. Ты – мое разочарование.

Лиса вздрогнула. Слова ранили, но куда хуже оказался взгляд: в зеленых глазах матери читался укор. Хотелось испариться, распасться на молекулы или выпрыгнуть в окно, лишь бы не видеть этого взгляда.

Евгения попыталась возразить:

– Госпожа де Воль, мы...

– Молчи! Я не с тобой разговариваю! – глаза Рэйчел сверкнули. – Василиса, как ты додумалась до такого?

– Мама, я только... Мы не хотели, – ком подступил к гор-

лу.

– Глупые девчонки! – Рэйчел повернулась к охране: – Увести и запереть в комнате. Приставить сопровождающих. Выпустите, когда скажу.

Лиса поплелась к выходу. Мокрая одежда липла к телу, с волос стекали капли воды, что не так уж плохо – слез никто не заметит. Евгения шла рядом и шмыгала носом. Двое здоровенных охранников беспрекословно выполнили приказ ректора: отвели в общежитие и заперли в комнате.

Тогда Лиса не знала, что Рэйчел попросила господина Вирту умолчать о случившемся; не догадывалась, что одурманенный чувствами, он согласился и не выдаст этой тайны даже под угрозой смерти. Она не подозревала, что той же ночью ректор удалила все видеозаписи, стерла личные файлы, подделала документы. После чего подала заявление о бессрочном отпуске, сославшись на недомогание. Лисе было невдомек, что эта ночь изменит ее жизнь.

Не успел первый луч солнца проскользнуть сквозь занавески, как дверь комнаты открылась. Пришла Рэйчел не одна – двое амбалов из охраны стояли за спиной.

– Собирайся, – Рэйчел бросила дорожную сумку Лисе под ноги. – Возьми только необходимое, остальное купим на месте.

– Я никуда не поеду, – раздраженно фыркнула Лиса и подошла к окну. Шарманова делала вид, будто спит, накрывшись одеялом с головой.

– Евгения, выйди, – приказала Рэйчел.

Шарманова соскочила с кровати и пошаркала к двери, не поднимая глаз. Рэйчел скрестила руки на груди и принялась мерить шагами комнату. Каблуки звонко стучали по полу, длинное черное платье шелестело при каждом шаге. Наконец она остановилась.

– Василиса, мое терпение на исходе. Собирайся.

– Я же сказала, что никуда не поеду!

– Тогда увезу силой. Приступайте.

Лиса хотела закричать, но не успела. Охранник крепко схватил, зажав рот рукой, и сколько она ни пыталась вырваться – тщетно. В руках второго Лиса заметила медицинский пистолет и протяжно замычала, округлив глаза. Он дернул ее за руку, закатал рукав и приложил дуло к вене. Через несколько секунд тело обмякло, разум затуманился, и Лиса перестала сопротивляться.

В тот же день они покинули академию. Безымянный частный корабль уносил к звездам. Терра-Нова постепенно превращалась в маленький шар, затерявшийся во тьме космической дали. Лиса смотрела в иллюминатор и плакала. Рэйчел пыталась объяснить, что все ради ее же блага. Говорила, что ей нужно скрыться и научиться управлять способностями, ведь столь редкий дар – пирокинез – источник опасности. Если об этом узнают служители Ордена, то на нее объявят охоту и казнят. Не будет даже трибунала. Долг матери оберегать и защищать, но против инквизиции она бессильна.

Доводы Лису не тронули. Всю дорогу она рыдала и обвиняла мать во всех горестях. Рэйчел забрала друзей и любовь, лишила будущего. Позже Лиса пожалела о гадких словах, что подобно иглам вонзала в любящее сердце, но так об этом и не сказала.

Через неделю корабль зашел в док космической станции Ориваль. Казалось, во вселенной нет места хуже, а если есть, то оно существует в параллельной реальности. На фоне роскошных мегаполисов Терра-Нова станция была отголоском прошлого. Временем, когда люди думали, что невозможное действительно невозможно.

Спустя месяц Рэйчел вернулась в академию, оставив дочь на попечение семье Полянских. Три года Лиса провела на станции, продолжив обучение. Только лекции были другими. Вместо парапсихологии стрельба в симуляторе, а нудные трактаты сменили рукопашный бой и основы пилотирования.

Но теперь это далекое время обернулось пеплом.

Блуждать по лабиринтам памяти можно бесконечно, воспоминания – единственное сокровище, что стоит беречь. Но нельзя среди россыпи золотых монет не иметь ржавой. Нельзя насладиться бликами самоцветов, когда знаешь, что часть из них подделка. О своем возвращении на Терра-Нова Лиса старалась не вспоминать. Попросту вычеркнула из прошлого. Но ту злополучную ночь, что семь лет назад изменила жизнь, она не забудет, как бы ни старалась...

Корабль вздрогнул. Спросонья Лиса не сразу поняла, где находится, и теперь бестолково обводила взглядом камеру. Осознание случившегося приходило медленно, болезненно. Толчок повторился, окончательно вернув в реальность. Должно быть, фрегат попал в зону с осколками астероидов, которые безжалостно лупили обшивку «Пламени».

Лиса прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза. Сталь все так же мелко дрожала, и эта дрожь передавалась телу: прошла по коже, обдала льдом. На сердце плотнее прежнего затянулся узел из страха и отчаяния. Пугал инквизитор Хиото. Пугала собственная слабость. С горечью Лиса признала, что как только корабль зайдет на посадку и с ней встретится один из магистров – все кончится. Не будет больше нужды скрываться, лгать и терпеть боль. Ничего не будет. Какая-то мазохистская часть подсознания видела в этом смысл. Искупление. Очищение. Смерть.

Но другая ее часть отчаянно жаждала мести. Убийство матери и Евгении не должно сойти инквизиции с рук, а для этого нужно выжить.

Глава 6. Гори, ведьма, гори!

Фрегат «Пламя», система Нубиус-24bh, свободная космическая зона

«Стыковка завершена. Герметичность восстановлена» – рассыпались буквы на дисплее.

– Открыть шлюз, – приказал инквизитор Хиото, голос эхом прокатился по ангару.

Поправив ворот тренча, Хиото вытянулся по стойке смирно. К прибытию гостей приготовились основательно: в кают-компаниях накрыт стол, заставленный блюдами на которые извели остатки припасов; отчеты о последних операциях «Пламени» проверены с десятков раз, и даже чипы пленных успели обработать. Команда облачилась в новую униформу, специально прибереженную для подобного случая. Но главное – рыжая отступница, запертая в камере. Инквизитор Хиото уверился: благодаря девчонке он получит долгожданное повышение.

Система выровняла давление, и лишь тогда огромные створки внешнего шлюза открылись, обнажив длинный коридор стыковочного моста.

На борт «Пламени» ступил Его Преосвященство – магистр Ведилон.

Сгорбленный сухой старик неторопливо шагал по ангару, шурша огненно-красной мантией. Выцветшие глаза затяну-

ло бельмами, отчего взгляд казался отсутствующим, холодным. Сопровождали служителя двое инквизиторов из личной свиты и вооруженные послушники. Дюжина, не меньше.

Хиото восторженно глядел то на магистра, то на его подручных. С видом сытых псов инквизиторы шли рядом с хозяином. Эти двое обладали властью куда большей, нежели капитан «Пламени», о чем Хиото сожалел. Не имел он привычки молить Творца о благах, но если просил, то лишь об одном – примкнуть к Магистрату и занять место подле Ведилона.

– Sanctae Inquisitionis illuminabit Deum lucis⁶. Приветствую на «Пламени», Ваше Преосвященство, – поклонился Хиото. – Инквизиторы: Поль, Токунов, мое почтение.

– Et erit Deus vobiscum⁷, Хиото, – проскрипел Магистр.

– Желаете отдохнуть с дороги? Скромный ужин приготовлен специально для вас.

Ведилон пренебрежительно махнул рукой. Заговорил Поль:

– Его Преосвященство желает перейти к делам.

На второй уровень поднимались по лестнице. Послушники тянулись следом за магистром, ни на секунду не опуская автоматов и нейросептов, хотя Его Преосвященству ничего не угрожало. О мании преследования Ведилона давно разползлись слухи. Одни считали, что служитель больно стар

⁶ Да озарит Творец Светом Святую инквизицию.

⁷ Да прибудет с вами Творец.

для священных обязанностей, оттого и чудилось всякое: заговоры, покушения. Другие говорили, будто Магистр связан с некой тайной силой, которая нашептывала будущее, и с ее помощью Ведилон ловко избегал посягательств на свою бессмертную душу. Хиото пустых догадок не строил, а строго следовал Кодексу, предписывающему: Магистрат – длань Творца, вершащая Его волю.

Лишь у зала совещаний Ведилон отпустил охрану. Послушники скрылись в длинном коридоре, не проронив ни слова. Решив, что бойцы отправились в кают-компанию, Хиото едва слышно вздохнул – теперь от ужина точно не останется даже куска хлеба, а пополнить запасы удастся не раньше чем через трое суток, когда «Пламя» зайдет на дозаправку на станцию Дева в системе Гаарта. К лишениям команда была приучена, но на голодный желудок нести Свет становилось куда сложнее.

Хиото нажал кнопку на панели, и дверь бесшумно скользнула в стену. Завидев эмблему Ордена, магистр осенил себя крестным знаменем. На стене мерцала бабочка, объятая пламенем. Вся суть сокрыта в этом знаке. Бабочка – душа, жаждущая обрести прощение, а пламя инквизиции несло избавление, приближая отступников к Свету.

Ведилон занял место во главе стола, Поль с Токуновым встали за спиной. В родстве инквизиторы не состояли, однако были похожи, точно братья. Оба высокие и жилистые, с острыми скулами и светло-карими, почти желтыми глазами.

Уроженцы Альфа-Голсон – понял Хиото.

Откинув капюшон, магистр неторопливо поправил рукава расшитой золотом мантии.

– Хиото, надеюсь, я не зря отвлекся от священных обязанностей. Рассказывайте, а потом уже решим: стоит ли дело участия длани Творца, или же мы тратим время впустую.

Хиото включил хэндком и вывел проекцию звездной карты региона.

– Мы выполняли задание, – начал он, стараясь, чтобы голос звучал мягко и в тоже время уверенно. – «Пламя» следовало по курсу, проложенному через систему Рамма-Гетса, в зоне ответственности Кавира. В этой точке, – Хиото ткнул пальцем рядом с красным карликом, – сканеры обнаружили незарегистрированную каравеллу. Повторное сканирование сопоставило сигнатуру двигателя с кораблем, проходящим по базе СГБ как работорговческое судно. Сотни преступлений, Ваше Преосвященство. «Пламя» не могло оставаться в стороне, и мы вступили в бой. Короткая схватка закончилась победой. Преступники задержаны, пленные освобождены. Но как выяснилось, среди жертв этих нелюдей оказались эспиритуалы, а это уже забота Ордена.

– Где они? – поинтересовался Поль.

– Заперты в камерах. Осмотрены и допрошены. Пятеро зарегистрированы в гильдии, работали на рудниках Кавира. Ничем непримечательны...

– Переходите к главному. Лишние разговоры не убавят

хлопот, – оборвал магистр на полуслове. Сплел костлявые пальцы в замок и впился невидящим, мутным взглядом.

Хиото прочистил горло, щелкнул по хэндкому и вывел досье. С проекции смотрела зеленоглазая отступница с медными волосами.

– Шестая пленница – некая Евгения Шарманова. Незарегистрирована, в гильдии не состоит. Я провел два допроса, но она то молчит, то теряет сознание. Ее чип почти пуст, сколько раз его переписывали – сложно сказать.

– Кровь на пси-ген брали? – Поль пролистал досье. – Вот. Вижу. Пси-фактор ментальный, способность «вещие сны»... А это что за показатели? Не встречал такого. Взгляните, Ваше Преосвященство.

Магистр наклонился, жадно всматриваясь в проекцию белесыми глазами. От Хиото не ускользнуло, как Ведилон сжал кулаки, а на виске сквозь жидкие седые волосы проступила жила.

– Образец заберем, – отрезал магистр. – Пускай генетики Ордена тщательно проверят. Еще особенности?

– Да. Шарманова была адепткой Академии Психеи, но в базе данных о ней нет сведений. Только запись о зачислении, а потом девчонка словно испарилась.

– Хм, – Поль задумчиво поскреб подбородок. – Полагаете, она была свидетелем событий в академии? Возможно, состояла в заговоре и выведет на одну из ячеек Сопротивления?

– Я проверил информацию. В академии имя Евгении

Шармановой знакомо. Она была подругой дочери заговорщицы – Рэйчел де Воль. Сначала исчезла де Воль младшая, а через несколько лет, в ночь раскрытия заговора, пропала Шарманова. Есть подозрения...

– Bravo, Хиото! – улыбнулся магистр, сверкнув идеально ровными искусственными зубами. – У хорошего инквизитора всегда есть подозрения. Вы славно потрудились. Хочу лично провести допрос.

– Как будет угодно, – поклонился Хиото. – Распоряжусь, чтобы пленную немедленно привели в допросную.

* * *

Послушник Барталомео получил приказ капитана: пленную из шестой камеры привести в допросную.

В обязанности старшего смены подобные проводы не входили, на то есть дежурные, но с появлением на борту магистра инквизитор Хиото будто с цепи сорвался. То форма на ребятах не та – «Смените на новую!»; то грязь в недавно выдраенных отсеках находил: «До блеска вылизать!» Все приказывал и приказывал, а о том, что припасы заканчивались и команда несколько дней сухие протеиновые батончики на ужин жевала – о том капитан с подобным пылом не беспокоился.

Барталомео сплюнул, в сердцах помянув Хиото недобрым словом, и тут же огляделся по сторонам, в надежде, что ря-

дом никого. Затер плевков подошвой ботинка, перекрестился и торопливо зашагал в отсек Е4.

У шлюза в отсек стояли двое с винтовками – дежурные. Черная форма послушников была идеально выглажена, стрелки на брюках острые, будто лезвие ножа, на груди сияла эмблема Ордена – бабочка в огне.

– Шестую ведем в допросную, – скомандовал Барталомео и открыл шлюз.

В длинном коридоре лампы горели через одну – замыкание двенадцатого модуля. К проблеме с питанием прибавилась поломка системы водоснабжения, и отсек превратился в сырой подвал с лужами. Климат-контроль активировать не спешили. Инквизитор Хиото полагал, что холод и сырость – лучшие помощники при допросе. Барталомео с инквизитором соглашался и против луж ничего не имел.

Пленница сидела в камере на огрызке пластика, поджав босые ноги. Из одежды на ней лишь длинная белая рубаша, успевшая посереть от грязи. Завидев надзирателей, девушка выпрямилась и горделиво подняла подбородок, но большие зеленые глаза глядели с испугом. Под правым растекся фиолетовый синяк.

– *Paratus pro purificatione?*⁸ – спросил Барталомео, как того требовал Кодекс.

– *Est innoxium non timere*⁹, – уверенно ответила девушка.

⁸ Готова принять очищение?

⁹ Невинному нечего бояться.

– Встать, – приказал он. – Его Преосвященство магистр Святой инквизиции будет проводить допрос.

Девчонка побледнела, попытки храбриться слетели, будто шелуха. На негнущихся ногах она поплелась к центру камеры. Дежурный послушник надел наручники на тонкие запястья, снял кандалы и швырнул цепь в угол. Пленная стояла неподвижно, только руки едва заметно дрожали. Перепуганная, замерзшая, во взгляде мольба. Шестая не походила на одну из спятивших отступниц, которых Барталомео видел за время службы на фрегате. Жалость кольнула ржавой иглой, и пришлось приложить не дюжие усилия, дабы не смотреть на нее. Не видеть глаз, полных слез.

Тусклых ламп едва хватало, чтобы осветить коридор. Барталомео шел первым, позади плелась пленная в сопровождении дежурных. Ботинки хлюпали по лужам, вентиляторы гудели, поглощая вонь и сырость. Из соседней камеры слышался стон. За ним вой. Потом крик.

– Нельзя! Нельзя! – вопила слухачка, прильнув к маленькому решетчатому окну, сквозь которое выпали седые спутанные космы. – Оставьте ее! Она принесет смерть! Всем нам!

– Гретта, заглохни! – гаркнул Барталомео и стукнул по двери кулаком. – Ты не сделала то, что должна была. Инквизитор Хиото недоволен. Снова на цепь тебя посадит.

Из-за двери слышались всхлипывания.

– Нельзя... Нельзя... – бормотала слухачка. – Нельзя...

Барталомео нахмурился, но больше ничего не сказал. Успокоить принявших Свет эспиритуалов в его обязанности не входило.

У шлюза пришлось остановиться – пленница закашлялась и встала как вкопанная.

– Пошла! – выкрикнул дежурный, ухватил девушку за локоть и потащил. Она попыталась вырваться, но получила пощечину. Вскрикнула и упала, закрыв голову руками.

– Поднимите ее, – скомандовал Барталомео.

Шестая встала сама. Из уголка рта стекала алая струйка. Барталомео смотрел на ее распухшие окровавленные губы, на горящие ненавистью глаза и понимал: что-то в ней изменилось. Что-то едва уловимое.

Мрачный коридор заволокло туманом; клубы сгущались, становились плотными, будто вата. В нос пополз едкий запах дыма, и Барталомео закашлялся. Должно быть, система окончательно отказала, где-то замкнуло. Только он собрался запросить диагностику отсека, как услышал сдавленный крик.

Вглядевшись в дымовую завесу, Барталомео не поверил собственным глазам. Послушник лежал на полу. Пленница сняла наручники и выхватила из кобуры покойника пистолет. Выстрелить она не успела. Второй дежурный выбил оружие из рук и ударил ее в живот. Хотел схватить, но отступница увернулась и скрылась в дыму.

– Взять живой! – выкрикнул Барталомео и потянулся к

кобуре за пистолетом.

Средь вязкого дыма мелькала тонкая фигурка. Быстро. Слишком быстро. Она скользила, словно тень, обманывала и запутывала. В считанные секунды девчонка оказалась за спиной надзирателя. Послушник развернулся и замахнулся прикладом, но девушка увернулась и ногой выбила винтовку. Лязгнула сталь. Легкий поворот – и она снова за спиной послушника. Откуда у нее взялся пистолет – Барталомео не успел понять. Гроыхнул выстрел. Тело в черной форме рухнуло на пол.

Барталомео попытался прицелиться, но перед глазами все та же белесая пелена. Рассудок будто помутился, в висках шумело. Они остались вдвоем.

Казалось, все происходило в замедленной киносъемке. Она стояла напротив: растрепанные медные локоны, заляпанная кровью рубаха и горящие глаза. Sanctus...¹⁰ – мелькнуло в подсознании. Собрав остаток воли, Барталомео положил палец на спусковой крючок.

Выстрел прогремел среди луж и стали.

Барталомео упал, а призрак исчез в коридорах «Пламени».

¹⁰ Призрак.

Лиса неслась по коридору. Перед глазами мелькали клепки обшивки, хромированные перила и бесконечные двери. На каждой маркировка: «01E», «02E», «05D»... От обилия цифр голова шла кругом, казалось, фрегат сделан сплошь из дверей. Крылья – двери, каюты – двери, реактор – тоже двери. И какую дверь не открой, снова окажешься в тесной камере.

Сил не осталось. Она прильнула к стене, жадно хватая ртом спертый воздух. Легкие раздувались и свистели, будто порванный мех, в боку кололо. Мокрая от пота и чужой крови рубашка липла к телу. Нервным движением Лиса оторвала подол и швырнула в сторону.

Мысли путались. Трепыхались в голове, будто беспомощные мотыльки в паутине. Там, в отсеке, трое лежат на полу... Лиса глянула на перепачканную кровью ладонь и тут же отвела взгляд, гоня навязчивые образы. Не время размышлять о содеянном. На борту корабля магистр, а она воспользовалась способностями, чтобы задымить отсек, значит – почували. Жалкие две-три минуты – и сюда ворвутся вооруженные послушники.

Лиса осмотрелась: кругом проклятые двери, ведущие в неизвестность. Об устройстве фрегатов она не имела ни малейшего понятия. Маркировки ни о чем не говорили. Ко-

рабль огромен, заблудиться раз плюнуть. Должно быть, сам Хиото разгуливал по отсекам с навигатором.

Взгляд зацепился за вентиляционную решетку, приютившуюся под потолком из серых плит. Вспоминая лужи и испустившие дух лампы в отсеке для заключенных, Лиса решила, что часть систем неисправна, оборудование отключено, и стоит залезть в инженерную шахту, а оттуда... Куда-нибудь. Поняв, как абсурдна идея, она горько усмехнулась. Хуже не придумать.

Тоннель оказался извилистым и темным. Пыль щекотала ноздри и липла к одежде, оставляла на без того грязной рубашке серые полосы. Лиса ползла по шахте, стараясь двигаться как можно тише. Главное не чихнуть и не закашляться, иначе услышат.

Вскоре впереди показалось пятно света – еще одна решетка. Справа с завидной скоростью крутились большие лопасти вентилятора, где-то ритмично скрипели поршни фильтра. Лиса подползла к решетке и с опаской заглянула в щели. В четырех метрах внизу раскинулся грузовой отсек. Огромные деревянные ящики выстроились бесконечными параллелями. Подле стен навалено техники, в середине зала скучал погрузчик, растопырив механические руки. Послушники деловито прохаживались среди контейнеров, а рабочие таскали железные боксы. Лиса насчитала десять человек, остальных попросту не видно.

Сквозь шипение поршней и гул вентилятора донеслось:

– Вот этот, с брезентом, во второй сектор тяните. Да что ты делаешь, идиот!

Ящик вывалился из рук рабочего, крышка отлетела, на пол высыпались пухлые белые пакеты. Мужчина принялся торопливо собирать содержимое, а послушники зычно заржали.

– Не, ну ты глянь! Не всех кретинов бездна поглотила! Кто-нибудь, возьмите погрузчик, а то до Второго Пришествия не управимся. Кто тогда эспов в Ад отправлять будет?

Лиса дернула решетку. Дождавшись пока затарахтит погрузчик, она протиснулась в проем и прыгнула.

Ступни прошило болью. Лиса подвернула ногу и упала, задев пирамиду из пластиковых коробок. Хлипкая конструкция с грохотом полетела вниз. Кто-то из послушников выпалил: «Diabolus!» и, тяжелые шаги раздались неподалеку. Единственное, что Лиса успела – заползти в стоящий рядом пустой ящик. Прикрыла деревянную створку и замерла.

– Зайди слева. А я тут посмотрю, – голос послушника показался механическим.

Они шныряли между контейнеров, словно ищейки. Осматривали разбросанные коробки, будто знали, что ищут. Отодвигали брезент, переставляли боксы, стучали винтовками по пустым ячейкам.

Лиса сидела в тесном ящике и молила Психею о спасении. Сквозь узкую щелочку, между неровно сбитых досок, она видела лишь маленькую полоску света. Весь мир сжался

до размеров этой белой линии.

Свет исчез, его заменила черная ткань форменной куртки. Перед глазами замельтешила бабочка в огне. Послушник мялся возле ящика, но открывать не спешил. Лиса зажмурилась, в горле запершило – кашель рвался наружу. Зажав рот руками, она боролась с приступом. Щеки побагровели, глаза слезились от напряжения. Стоит издать хоть звук, как ее найдут, вытащат из укрытия и отволокут обратно в камеру. А там Хиото позаботится, чтобы до трибунала она не дожид.

Послушник стукнул прикладом по крышке ящика. Оглушительный грохот прошел каждую клетку тела испугом. Лиса приготовилась к худшему, но, к счастью, служитель медленно повернулся и открыл соседний ящик.

– Все чисто! – пробасил он. – Трудяги сложить нормально тару не в состоянии. Ребята, вам кривые руки в преисподней выписали?

– Ага, вместе с твоей головой! – отозвался рабочий.

Послышался смех, а за ним стук подошв по стальному полу. Мир снова превратился в светлую полосу. Сосчитав до ста, Лиса осторожно открыла крышку и шмыгнула к двери.

Инженерный отсек походил на адскую сауну. Клокотали системы, гремели охладители, прогоняя атрон по трубам. Конденсат капал с потолка, собираясь в лужи. Жара стояла невероятная. Лиса взмокла. По лбу потек пот, рубашка грязной тряпкой прилипла к груди.

Пройдя по коридору, она уперлась в массивную дверь.

Сенсорную панель заменяла большая красная кнопка. Вдавлив ту в паз, Лиса дождалась, пока преграда медленно потянется в сторону, и проскочила внутрь.

Увиденное поразило. Прежде Лиса никогда не видела реактора таких размеров. Огромный конус тянулся на два уровня вверх, заливая отсек голубым свечением. Внутри бились энергетические разряды, желая вырваться наружу. Будто щупальца молний они мелькали вспышками и снова угасали, подчиняя темную материю. Вокруг неугомонной силы крутились гигантские кольца. Это сердце «Пламени». Преобразователь.

Лиса вдруг поняла, что она здесь чужая. Ощущение невыносимого одиночества и какой-то дико неприятной отстраненности заставило тело дрожать. Куда бы она ни шла – везде была чужачкой. Никем. Тенью без имени и будущего.

Зная, что шанс выжить ничтожен, Лиса все же спустилась по ступеням к реактору. Это не самоубийство, а правосудие. На борту магистр Ведилон, на чьей совести гибель Рэйчел и Евгении, смерть сотен невинных эспиритуалов. Ведьмы горят на кострах и попадают в ад. А куда попадают сгоревшие инквизиторы?

Голубое свечение преобразователя сменилось фиолетовым. Лиса прикрыла глаза и печально улыбнулась, по щеке скатилась непрошенная слеза. В памяти возникли лиловые облака Терра-Нова. Она будто снова оказалась в саду академии; видела, как раскаленный диск солнца утонул на гори-

зонте, скользнув лучами по равнине. В листве зашумел теплый весенний дождь, пахло озоном. Его шум доносился из прошлого, успокаивал уставший разум. Где-то в кустарнике запели цикады, и Рэйчел снова отругала за содранные колени. Это было так давно... Это было *дома*.

Из рук вырвались огненные сферы. Взметнулись столбом; заплясали по стальным лестницам; набросились на обшивку. Красной рекой пламя потекло к кольцам преобразователя, пожирая все на своем пути. А Лиса стояла, прикрыв глаза. Стояла и слушала шум дождя.

* * *

По спине инквизитора Хиото пробежала дрожь, сердцебиение замедлилось. Это чувство ни с чем не спутать. Из всех доступных человеку ощущений только *illuminatio*, оно же «озарение», расширяло сознание. Инквизиторами не становились, ими рождались. Особый дар: чувствовать темную энергию, улавливать всплески, видеть людей, что ею пользуются. Это превращало служителей Ордена в идеальное оружие.

Хиото мысленно понесся туда, где образовалась энергетическая брешь. Он увидел фрегат, но увидел его не глазами. Будто встроенный в мозг сканер вел сознание сквозь стены и переборки, тащил по лестницам и переходам. Он различил светящиеся «щупальца» и устремился к сиреневому комку

«бреши». Что-то произошло. Что-то, чего он пока не мог понять.

Поль, Токунов и магистр тоже почувствовали *это* и теперь замерли, всматриваясь в пустоту.

Хиото бегло глянул на часы – Барталомео как раз должен был привести девчонку в допросную, но доклада до сих пор нет.

– Старший послушник Барталомео, – вышел Хиото на связь, – доложите о перемещении группы. Барталомео, как слышите?

В эфире мертвая тишина, прерываемая щелчками побочных каналов.

– Что случилось? – насторожился Поль, желтые глаза горели, высматривая потоки.

Хиото запросил данные с камер видеонаблюдения на хэндкоме. Компьютер выдал злополучное: «*Диагностика систем наблюдения. Готовность 73 %*». Хватило пары секунд наблюдений, дабы понять: Его Преосвященство желает лично посетить отсек «Е».

Хиото спешно вел служителей на нижний уровень. Шаги поглотила тишина, лишь мантия Ведилона шуршала по полу. Послушники из свиты магистра бесследно исчезли, и Хиото подумалось, что вовсе их не было, а были только две угрюмые тени без прошлого – Поль и Токунов. Он шел по мрачному коридору к шлюзу Е4 и молил Творца, чтобы энергетический всплеск оказался случайностью. Но слу-

чайности не случайны – в этом Хиото убеждался чаще, чем «Oblivion»¹¹ читал.

Створки шлюза скользнули в стены.

Инквизиторы остановились.

Почти у входа лежал Барталомео. Хиото не признал бы подчиненного, не будь на плече шеврона. Лица не разглядеть – сплошное месиво. Пуля разворотила скулу, нос повис над ухом красным ошметком. Еще один кровавый сгусток лежал рядом с ботинком Токунова. Поодаль багровые пятна и тела... Мертвы! Все мертвы!

– Requiescant in pace. Amen¹², – перекрестился Токунов.

– Неужели это дело рук одной девчонки? – прошептал Хиото осипшим голосом.

– Никогда не поверю, что девка с ментальным пси-фактором способна на такое в одиночку. Скорее всего, у нее были сообщники, – бесстрастно обронил Токунов, перешагивая труп.

Хиото сжал кулаки.

– Готов поклясться, что нет! Я за своих людей ручаюсь, никто бы не осмелился предать! Она все время сидела в камере, никто из посторонних не входил. – Хиото включил хэндком: – Всем группам: обыскать корабль. Беглая отступница. Предположительно вооружена.

Ведилон устремил замутненный бельмами взгляд куда-то

¹¹ «Забвение» – одна из молитв Ордена.

¹² Покойтесь с миром. Аминь.

в сторону, словно увидел нечто за пределами фрегата, там, в космосе.

– Она пойдет к спасательным капсулам, – сказал магистр. – Я чувствую тебя, Евгения Шарманова... или кто ты на самом деле? Я чувствую тебя, слышишь?

– Капсулы бесполезны без кода, – протараторил Хиото. – Только я могу их активировать. Уверен, мои люди вот-вот ее схватят.

– Гордыня, инквизитор, – прицокнул языком Ведилон. – Ваши люди плохо справляются. Как бы то ни было, эта Евгения Шарманова... Не думаю, что в Академии Психеи учат подобному, – он ткнул скрюченным пальцем на труп.

Хиото стоял, будто парализованный, желая провалиться на месте. И сколь судорожно ни пытался подобрать аргументы, дабы смягчить магистра, таковых не нашлось.

От окончательного позора спас мощный выброс темной энергии. Горячая волна ударила Хиото в грудь, норовя разорвать изнутри; вспышка ослепила и в тот же миг очистила сознание. Поль бросил осматривать тело послушника и стал принюхиваться к лишь ему ведомому запаху. Токунов насто-рожился и принял стойку, словно гончая, готовая ринуться в погоню. Только Его Преосвященство оставался спокоен.

– Мощный выброс, – прохрипел Ведилон. – В двух местах одновременно. Внизу и в другой части корабля, – он кивнул на левое крыло Е4. – Что у вас там, Хиото?

– Эвакуационный отсек, – не своим голосом ответил он. –

В двух местах... Но она здесь одна!

Едва Хиото договорил, как стены содрогнулись. Тусклые лампы судорожно замигали и потухли. Корабль тряхнуло, да так, что невозможно на ногах удержаться. Хиото не успел схватиться за поручень и упал на что-то мягкое и липкое. В темноте он не смог разобрать, что это было. А когда вспыхнули аварийные светодиоды, он обнаружил, что его бросило прямо на мертвого послушника, и ладонь уперлась в рану на груди.

Из динамиков загрохотал механический голос:

– Внимание! Тревога! Внимание! Повторяю: тревога!

Хиото ухватился за поручень и поднялся. Пол под ногами дрожал, но теперь тряска не была неожиданностью. На хэнд-коме замигал вызов – центр управления:

– Капитан, в инженерном пожар. Поврежден реактор, – доложил первый пилот. – Там все оплавилось, инженеры не могут прорваться. Выпустили кислород, но поздно. Горит в колбах. Система запросила эвакуацию.

– Эвакуацию подтверждаю, – обреченно выдохнул Хиото и отключил связь.

Токунов и Поль встали рядом с магистром, на лицах не было даже тени страха. Спокойны, будто отпуск проводили на горящих фрегатах. Зависть и восхищение – вот что испытал Хиото. Он и сам смерти не боялся, но на корабле еще девяносто два человека... Именно беспокойство о команде поднимало страх из глубин души.

Механический голос системы бил по ушам:

– Внимание! Эвакуация! Команде: немедленно покинуть корабль. Внимание! Спасательные капсулы и челноки активированы!

Фрегат накренился на левый борт. Двери камер автоматически открылись, и пленные ринулись в коридор. Тринадцать заключенных, как ополоумевшие, бежали к выходу из отсека. Их лица перекосил не то ужас, не то злоба – Хиото так и не разобрал низменных эмоций. Он выхватил из кобуры пистолет. Тем временем инквизиторы заслонили собою магистра и тоже схватились за оружие.

Разъяренные отступники неслись навстречу, и Хиото не видел в них людей – это серая масса в грязных рубашках, готовая разорвать служителей голыми руками.

Открыли огонь.

Выстрелы громыхали, сливаясь с гулом сирены. Визжали женщины, кричали мужчины – все они обречены на смерть в узком коридоре. Один из заключенных вырвал винтовку из окоченевших рук послушника, но прежде чем успел снять с предохранителя, получил две пули в грудь. Грязная рубаха окрасилась в красный.

Корабль содрогнулся, словно подножие извергающегося вулкана. Освещение погасло. Теперь тьму прорезали вспышки пламегасителей. С трудом Хиото понимал, где притаилась опасность, и лишь милостью Творца избежал пули. Нащупав на поясе световую шашку, он выдернул клапан и швырнул

светящийся диск на пол. Красный свет залил коридор.

Четверо уцелевших отступников заметались в коридоре, как застигнутые врасплох тараканы. Хиото выстрелил. Отступник упал, а на обшивке остался багрово-черный подтек.

Токунов заслонил собой Магистра и кровожадно улыбнулся, прицеливаясь. Поль бросился вперед. Выбил винтовку у того, что слева, и ударил прикладом. Стрелять не стал. Молотил кулаками, прижав к стене. Все кончилось в считанные секунды.

Рядом послышался надрывный стон. Хиото обернулся – в шаге от него лежала слухачка Гретта. Красное пятно расплзлось на белой ткани в области живота. Худосочными руками слухачка тянулась к его ногам и преданно заглядывала в глаза. Пересохшие губы ведьмы скривились в болезненной улыбке, обронив:

– Я предупреждала... Они не послушали... Она – иная. Помогите, хозяин... Прекратите голоса...

Хиото шагнул назад и прицелился. На плечо легла тяжелая рука в черной перчатке.

– Оставь. Творец милостив и подарит ей избавление. Нужно уходить, – сказал Поль, и Хиото подчинился.

Едва он убрал пистолет в кобуру, как обшивка задрожала. Посыпались шурупы, будто неведомая сила вытянула их магнитом. Корабль тряхнуло и повело на левый борт. Поль успел ухватиться за поручень, а Хиото швырнуло в стену. Он больно ударился плечом и, пока поднимался, увидел, как ра-

ная Гретта прыгнула на спину Поля.

Сложно представить, откуда у старухи взялись силы, но она вцепилась, будто дикая кошка, и ударила инквизитора ножом. Поль захрипел. Хотел скинуть слухачку, но не мог ухватить. С остервенением Гретта наносила удары. Была ножом и визжала. Истошно. Безумно. Хиото подскочил и схватил ее за седые космы. Нож выпал из костлявых ладоней ведьмы. Он сомкнул руки на шее слухачки и прижал ее к стене. Ноги Гретты оторвались от пола, дергаясь в дикой пляске. Хиото почувствовал, как под пальцами пульсирует вена, и сжал сильнее. Конвульсии прекратились. Преданный взгляд Гретты потух.

Поль сидел на полу, иступленно уставившись в потолок. Тренч на нем был разорван, из дыр сочилась кровь. Рядом лежал черный клинок. Гретта сняла нож с пояса Поля и чуть не прикончила его собственным же оружием. Раненый инквизитор растерянно хватал ртом воздух. Токунов приподнял его и кивнул Хиото, чтобы помог.

Шли быстро. Как удалось выскочить из отсека, Хиото не успел сообразить. Показались двери ангара. Языки пламени рвались сквозь внутреннюю обшивку, дышать стало тяжело – едкий дым, смердящий пластиком, забивался в легкие. Токунов остановился, чтобы удобнее приподнять Поля.

– Сколько на корабле спасательных капсул и челноков, Хиото? – спросил он, перекрикивая сигнал тревоги.

– Пятнадцать капсул и три челнока. Остальные непригод-

ны, ждали ремонта. Всем не выбратся, – с горечью в голосе ответил Хиото.

– Экипаж знает?

– Знает...

В некогда просторном ангаре не протолкнуться. Люди в панике метались среди огня и стали, тарабаня в закрытые створки шлюза. Крики, ругань и стоны доносились со всех сторон. Раненые лежали на полу и молили о помощи, а обезумевшие от страха люди пробегали мимо. Гнев завладел душой Хиото. Никто не обратился к Свету в миг ужаса, не проявил милосердия или хотя бы дисциплины. Они не команда, а отдельные личности, пожираемые гордыней. Немногим удалось сохранить человечность – результат крепкой веры. Души этих людей будут спасены, а грешники сгорят в Аду. Они уже горят...

– *Infernum*¹³, – прошептал Хиото. Если сегодня он умрет, то попадет в Ад, который так и выглядит. Инквизиторы грешны от рождения, и место служителей рядом с замученными ими душами. Не будет спасения, не будет прощения. Будет лишь огонь и вечная мука. «Пламя» – его личное inferно.

– Расступитесь! Его Преосвященство магистр идет! – выкрикнул Токунов, но народ и не думал отходить.

– Разойтись! Приказ капитана корабля! – крикнул Хиото, но и это не подействовало. Тогда он достал пистолет и вы-

¹³ Ад.

стрелил в воздух.

Стрельба отрезвила серую массу. Хиото открыл код-замок, но не успели они сделать и шагу, как толпа хлынула в проем. Толкали, давили и пинали. Кто-то ударил Токунова по лицу, и Хиото едва удержал раненого Поля.

Где-то за пределами видимости затрещали автоматные очереди и паника прекратилась. Люди ринулись обратно.

Первым в эвакуационный отсек вошел Его Преосвященство, следом затащили Поля. Лишь теперь Хиото понял, кто стрелял. «Исчезнувшие» бойцы Ведилона оцепили отсек, не позволяя даже на дюйм приблизиться к челнокам или капсулам. Будто верные псы, они все это время ждали хозяина, и никто не поддастся соблазну убраться с горящего фрегата. Никто.

– Ваше Преосвященство, сюда! – позвал послушник к челноку.

– Учитесь, Хиото, – простонал повисший на руках соратников Поль. – Такими должны быть служители Ордена. Их вера сильна, они сделают все, что потребуется.

– А как же остальные? – растерянно глянул Хиото на столпившихся в отсеке людей. – Капсул на всех не хватит. Что делать с остальными?

– На все воля Творца, господа, – бросил Токунов и потащил Поля к челноку. – Идемте, Хиото. Или вы решили принять смерть вместе с командой?

Двигатель челнока загудел, из турбин вырвались синие

хвосты. Токунов взялся за штурвал, а Хиото присматривал за раненым. Его Преосвященство пристегнул ремни и бесстрастно уставился в узкий иллюминатор.

Загрохотал массивный внешний шлюз, готовясь открыть спасительные створки, но Хиото подумалось, что инферно просто так его не отпустит.

Он не ошибся. Мощный взрыв вспорол фрегат, как нож разрезает лист фольги. Скрежет металла лезвием впился в уши. Лопнула обшивка нижнего уровня, и часть отсека унесло куда-то во тьму. Края огромной дыры полыхали. Огненные языки бесновались, слетая в бездну, а когда остатки кислорода поглотил вакуум, исчезли и они.

Разгерметизация.

Зашумело. Тьма раскрыла клыкастую пасть и принялась пожирать жизнь. В гигантскую дыру затянуло неактивные капсулы, снесло людей. Предметы и покойники быстро исчезали в глотке небесного левиафана.

– Пристегнитесь! – выкрикнул Токунов.

Двигатель взвыл, и челнок рванул прочь из пекла. Хиото читал молитву, стараясь не смотреть в иллюминатор, но глаза сами выхватывали из черноты то, что осталось от «Пламени». Он шептал святые слова, но ощущал, как слабнет связь со Светом. Хиото испытал чувство закономерное, чувство дозволенное – ненависть – и мысль о возмездии намертво пустила корни в сознании. Он не хотел примириться с собой и принять случившееся. Вместо этого инквизитор дал

клятву: найти погубившую фрегат ведьму и сжечь ее в костре своей ненависти.

* * *

Клокоча двигателем, маленький челнок несся в неизвестность. Тесный кокпит с затертым креслом казался Лисе самым безопасным местом во вселенной, но даже здесь поджидали неприятности.

Кое-что о шаттлах и челноках она знала и могла принять управление, обойдясь без автопилота. Вот только инквизиторский челнок оказался старьем. Консоль напоминала музейный экспонат, превратив путешествие в экзамен по истории летательных аппаратов. Лиса попыталась задать координаты – не вышло. Попробовала определить траекторию полета – тщетно. Либо кто-то основательно покопался внутри, чтобы отключить «лишнее», либо о челноке совсем не заботились, и управление вышло из строя.

Поняв, что бороться с упрямой техникой бесполезно, Лиса обреченно откинулась в кресле. Чувство безысходности сдавило грудь. Успокаивало одно: развалюха сядет на ближайшей обитаемой планете или спутнике, этот нехитрый алгоритм заложен в любой спасательной технике. Защитное поле стабильно, система жизнеобеспечения активна, а на дисплее в окне «топливо» зеленая шкала мигала у отметки «максимум».

– Ну и ладно, – выдохнула Лиса, отгоняя мрачные мысли. Слышать собственный голос вперемешку с гулом двигателя было странно и в то же время приятно. Ей вдруг показалось, что все наладится. – Где-нибудь да окажусь. Найду ближайший космопорт, раздобуду немного денег и отправлюсь на Ориваль, – мечтательно протянула она.

Ориваль... Это не просто слово, это – надежда. Но сколько еще ждать? Лиса понятия не имела, в какой из звездных систем находится. На долгие перелеты челнок не рассчитан, воды и провизии нет. Обитаемый мир может появиться за стеклом иллюминатора через час или через год... И тогда на поверхность далекой планеты сядет челнок со «спасенным» трупом. Лису передернуло от мысли, что ее высохшее, разложившееся до костей тело будет скитаться в космосе целую вечность. Ледяным комком страх заворочался внутри, даже руки занемели.

Не сразу Лиса поняла, что причина холодной дрожи вовсе не в страхе. Лишь когда замерз кончик носа, а изо рта пошел пар – она глянула на панель.

Система климат-контроля отказала. Ползунок температурной шкалы застыл в районе ноля. Невидящим взглядом Лиса смотрела на дисплей, не веря, что это конец. В короткой оборванной рубаше долго не протянуть, а простуда легко может превратиться в пневмонию. Хотелось то ли плакать, то ли смеяться, то ли пулю в лоб себе пустить.

Выйдя из оцепенения, Лиса осмотрелась. За кокпитом об-

наружился отсек, где стояло шесть кресел. У стены столько же стальных шкафчиков для снаряжения. Лиса застыла возле ближайшего, не решаясь открыть. А если там пусто? Конечно, она могла бы воспользоваться способностями, чтобы согреться... и умереть. Разум не выдержит нагрузки, все силы она растратила на поджог в инженерном отсеке. Сдерживать пламя, в надежде, что удастся успеть к капсулам, оказалось сложно. А попытайся она сейчас уловить поток – превратится в одержимую.

Замерзшими, негнушимися пальцами Лиса открыла створку шкафа. Пусто. Хотелось кричать.

Она потянула следующую дверцу – внутри оказалось семь пустых ячеек, а на последней полке лежал вакуумный пакет со снаряжением. С трудом разодрав пупырчатый полиэтилен, она вытряхнула содержимое.

Серая рабочая форма показалась не такой уж отвратительной, а паёк с аптечкой и вовсе подарком. Лиса скинула окровавленную рубаху и надела широкую кофту. Мягкая, теплая ткань прильнула к телу. Штаны оказались велики, она натянула их почти под грудь, а в куртку можно было трижды завернуться. Длинные рукава несуразно болтались, ботинки хлюпали, но Лисе казалось, что во всем ОСП не сыскать набора лучше.

Стало теплее, но зубы по-прежнему стучали, отбивая невнятную дробь. Обычно в спинки кресел встраивают боксы для хранения скафандров, и попадись ей такой, это стало

бы спасением. Лиса проверила первое кресло, второе, третье... Ничего. Вспомнив все ругательства, что знала, она пошла к последнему и рванула на себя крышку спинки.

Внутри оказался вождеденный скафандр. Плотная белая ткань с синими полосами – значит, для высадки на планете с тяжелым климатом. Великоват... Огромен! Да какая к черту разница. Лиса быстро влезла внутрь, надела шлем и вызвала меню. На стекле шлема замелькала строка приветствия, которую тут же сменила инструкция. Обучающий курс Лиса пропустила; щелкала пальцем по кнопкам на встроенном в перчатку пульте, пока не нашла управление температурой.

Тепло разошлось по телу блаженной волной, и лишь сейчас Лиса поняла, как сильно устала. Усевшись поудобнее в кресле, она забылась крепким сном.

Глава 7. Паранойя

Корвет «Зевс», свободная космическая зона

Ветер вздымал клубы красной пыли. Смесь из песка и частиц магнетита бесновалась, затмив солнце, и Рэйн ничего не видел сквозь плотную завесу. Постепенно облако рассеялось, оставив лишь пустынный пейзаж. Засуха изъела трещинами землю, красный песок лежал барханами подле колючего кустарника.

Она стояла там. Золотые локоны растрепал ветер, белое платье разлеталось при каждом дуновении. Она стояла и молчала, обратив взор голубых глаз к небу.

Рэйн хотел кинуться навстречу, предупредить об опасности, но не мог пошевелиться. Громыкнуло. Кирпично-багровое небо зашлось молниями, посыпались первые тяжелые капли дождя. Они падали на белое платье и расплзались кровавыми пятнами, красными струйками текли по ее лицу, раскрасили золотые кудри. Голубые глаза смотрели на Рэйна с тоской, губы прошептали: «Цена... Ты давно уплатил. Отпусти...» Обрушился ливень, и светлый образ утонул в кровавой реке Кавира.

Рэйн вздрогнул и открыл глаза. Одинокая лампа горела над столом, рядом мигала проекция карты космической зоны Кавира в системе Рамма-Гетса. Рука затекла, шею ломило – он уснул, скорчившись на диване, в своей каюте. Му-

торный сон. Каждую ночь одно и то же, только детали менялись. Иногда он видел Лару плывущей в лодке по кровавой реке, иногда видел, как разносит взрывом долину, где она прогуливалась, любуясь коричневыми облаками. Но она всегда молчала, а сегодня... Рэйн потянулся в карман тренча за сигаретами и тут же отдернул руку, будто его током ударило. Он не курит. Бросил семь лет назад.

Сбитый с толку собственной рассеянностью и тягой к никотину, Рэйн поплелся к умывальнику. Надо работать, а в голове каша из воспоминаний и угрызений совести.

Накануне он хорошенько погонял бойцов на учениях. Команда показала недурные результаты, но всегда есть к чему стремиться. Впереди первое задание. Из уст майора Кавило все звучало сказочно: забрать груз и данные со станции георазведки на луне Кавира Тегон, после чего доставить на базу корпорации «Объект-18» в системе Тау-Рис. Слишком просто. Даже если откинуть проблемы с пиратами и триадами, которые облюбовали космическую зону Кавира; если не оглядываться на частые стычки между ВКС и повстанцами, которые никак не желали убраться из системы Рамма-Гетса – слишком просто.

Отстучав на хэндкоме сообщение Максусу с просьбой зайти, Рэйн взял в руки проекцию Кавира. Красная планета медленно вращалась на ладони, аномалия электрическими разрядами пробегала по поверхности, задевая спутники на орбите. Рэйн не был на Кавире шесть лет; если бы не «Экзо

матрикс», он бы на сотню парсеков не приблизился к адской планете.

Через пару минут в двери глухо постучали. С неизменно довольной улыбкой Макс Фрей ввалился в каюту, огляделся и присвистнул.

– Недурно ты здесь устроился.

Устроился действительно недурно. Каюта с двумя комнатами напоминала номер в добротном отеле. В гостиной стоял синий диван с парой кресел и рабочим столом, у стены растянулась барная стойка. Кровать такая же, как на «Дивайн», только двуспальная. Привыкший к тесным казармам, жестким казенным кушеткам и пиратским каютам-трехметровкам, Рэйн считал навороты лишними. С радостью убрал бы половину, оставив компьютер и бар с диваном.

– В «Экзо матрикс» любят произвести впечатление, – пожал он плечами. – Виски будешь?

– Еще бы. У меня в каюте бара нет, – усмехнулся Макс и плюхнулся на диван.

Обивка просела под весом здоровяка, синие подушки съехали. Рэйн и сам был громилой, но рядом с Фреем выглядел дохляком. Макс на голову выше, и в плечах куда шире – не говоря о перекаченных мышцах, превращающих его в скалу. В бытность курсантами их часто перебрасывали с одной тренировочной базы на другую, и как только подворачивалась возможность, они с удовольствием осматривали окрестности. Привычка бродить по незнакомым городам преврати-

лась в некий ритуал, прогулки нередко заканчивались походом в бар, а где есть алкоголь и курсанты – там обязательно будет драка. Местные сорвиголовы считали святым долгом разбить нос кому-нибудь из «черных погон», но, завидев Макса, быстро теряли запал. При такой охране Рэйна обходили стороной, но если дело все же пахло керосином, то охрана требовалась Фрею. Поджарый Рэйн превосходил товарища в скорости и выносливости и легко ломал противникам челюсти, пока неповоротливый Макс собирал синяки. Хорошее было время. Волшебное.

Достав из шкафчика бутылку и стаканы, Рэйн поставил это добро на стол. Лед звякнул о стекло, забулькала янтарная жидкость.

– Ого. «Дарель Кол», – оценил Макс.

– Балатье подарил по случаю назначения. Подарок приправил пафосной речью навроде: стать частью корпорации – честь, не упали мордой в грязь, и дальше по тексту.

– Скользкий тип, – хмыкнул Фрей и наполовину осушил стакан.

– Эй, полегче. Через три часа будем в зоне Кавира. Ты мне нужен. Желательно вменяемым.

Фрей отмахнулся, мол, да ну тебя, и допил виски. После чего постучал механическим пальцем по стакану, намекая на повтор. Новехонький протез, заменивший ему правую руку, выглядел внушительно. Идеальная работа. Титановый сплав столь прочен, что можно стены кулаком ломать, а встроен-

ный в предплечье огнестрел превратился в любимое оружие Макса, чем тот не забывал похвастать при случае.

– Расслабься, Аллерт, я меру знаю, – прищурился Макс и тут же сменил тему: – Кстати, заметил, что Бьянка ночует в твоей каюте...

– Не вижу в этом криминала. Вообще-то я почти год был мертв, а у покойников секса нет.

– Год?! – изумился Фрей. – Сочувствую. А глядя на Бьянку – завидую.

– Да ладно тебе. На самом деле я не о женщинах поговорить позвал.

– Догадался. Что случилось? Коленки перед первым заданием трясутся?

– Можно и так сказать. Файлы просмотрел?

Макс деланно нахмурился:

– Обижаешь. Знаешь, я проблем с заданием вообще не вижу. Проще некуда: высадились, забрали груз и отвезли куда надо. Эдакие грузчики-перевозчики. Служба курьерской доставки «Зевс».

– Слишком просто.

– Думаешь, нас проверяют? – смекнул Фрей.

– Ожидать можно чего угодно. Возможно, это действительно банальное задание, а может статься, что проверка. То же банальная. Но кое-что не дает мне покоя. Балатье рассказал об одном случае... – Рэйн замаялся, раздумывая, стоит ли говорить об этом сейчас. – Макс, информация секретная и

предназначена только для твоих ушей. Ясно?

Фрей кивнул:

– Аллерт, я – могила. Ты же знаешь.

– Знаю, но напомнить обязан. Так вот, мы должны доставить груз в систему Тау-Рис, на одну из исследовательских баз корпорации. А чуть больше месяца назад в той же системе нашли дрейфующий краер «Хоуп», нафаршированный трупами. Причина смерти экипажа – загадка. Балатье передал записи бортового журнала, надеясь, что я смогу найти то, что проморгали специалисты корпорации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.